

ОЛМА
ПРЕСС

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ
БЕРЕГ

СПЕЦ
РП

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

Александр БУШКОВ

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

Сокращенный вариант

Москва

«ОЛМА-ПРЕСС»

2003

ББК 84.3 Р2
Б90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Самый далекий берег» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Бушков А.
Б90 Самый далекий берег: Роман.— М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003.— 351 с.
ISBN 5-224-04344-1

Пациент психиатрической больницы Кирьянов предлагает своему лечащему врачу почитать рукопись под названием «Самый далекий берег». Кирьянов настаивает на том, что это дневник нескольких последних месяцев его жизни. События, описанные там, настолько невероятны, что это не может быть дневником...

ББК 84.3 Р2

ISBN 5-224-04344-1

© А.Бушков, 2003
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
оформление, 2003

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Врач завтракает.

Эта фраза бесхитростна, немудряща и проста, как перпендикуляр, лишь на первый взгляд.

Смотря какой врач:

Если врач штатовский, если он занимается легальным бизнесом, а не подпольные абортотрикает в мексиканских или иных там маргинальных кварталах, то это одно. Такой эскулап усаживается за чистый стол в чистой кухне устрашающих на расейский взгляд размеров, заливает в организм свежавыжатый апельсиновый сок, вкушает тостики, а ежели желает отведать мясца, то, понятное дело, постной, полезной для здоровья куриной грудки — ибо курьи ножки не в почете, их потребляет нелегальная иммигрантура, беднота всякая, негры (ох, пардону прошу, пардону, афроамериканцы, ну да!) и прочий несознательный элемент...

А впрочем, есть подозрения, что спец по нелегальным абортам питается столь же выверенно-антихолестериново. Тоже как-никак янкес, да и бабки должны капать приличные, ага. Зеленое лавэ, ясный пень.

А если врач, который завтракает, наш? При чем не счастливчик, угнездившийся в какой-нибудь новорусской больничке, вписавшийся в рыночные отношения обстоятельно и прочно? Если врач хоть и неплохой, но припечатанный клеймом «бюджетник»?

Вот именно, вы абсолютно правы, экстрасенсы вы мои, предсказатели, можете радостно плескать в ладошки и кричать: «Угадал! Угадал!»

Ну да, а как же? Какие там свежавыжатые апельсины, вы еще миноги помяните или королевских креветок...

Ага, ага, вот именно. Доктор Терехов отрезает две скибки хлеба (который в последние годы черствеет отчего-то моментально). Без тени излишнего гусарства откраивает два кружочка дешевенькой колбасы, по грустному совпадению именуемой «докторской», и примашивает их на одну скибку. А на вторую кладет разрезанный вдоль, освобожденный от осклизлой фольги плавленый сырок.

Ну и жует, конечно. Кушать-то хотца. В холодильнике есть еще пакет пельменей — но доставать их боязно. Вчера только по телевизору подробно рассказали про ловкачей, которые в каком-то подвале лепили подделку, и мясо так называемое, из коего лепили, тоже показали обстоятельно. И поддельные пакеты, в точности такие, как у доктора Терехова в морозилке. А если в завершение упомянуть, что подозрительные пельмени куплены доктором крайне дешево, на уличном лотке, куда, по уточнению теледивы, как раз и сдавали свою гниль подлые фальсификаторы (на уличные лотки, вот именно), то к покупочке прикасаться и вовсе опасно.

Доктор их, конечно, съест. Потом. Дня через три-четыре, когда страх схлынет и позабудется. С горчичкой, благо дешева, уговаривая себя, что *этот* пакет все же не в грязном подвале сделан.

А куда денешься, если в сентябре еще не дали зарплату за июнь? Проварить как следует и горчичкой, горчичкой...

Прихлебывает доктор жиденский чаек, облагороженный скупой ложечкой сахара. Чаек бледно-желт, понятно.

Дражайшая половина вообще обходится тем же чайком без сахара, не касаясь ни колбасы, ни дешевеньких сырков. Ей как-никак следует заботиться о фигуре — сорок, ага. Она все еще красива, она стройна и, чего уж греха таить, вполне сексапильна, вот только доктору Терехову от этого не легче, ибо плотские радости, коих ему охота, давненько сошли на нет.

Ну, причины банальны. Не требуют развернутого пояснения. «Что ты за мужик, если заработать не можешь... Другие вон...» И хватит с вас в качестве примера, верно? Чего там пояснять... Стандартно. Что хуже всего, давным-давно пройдена стадия шумных сцен и попреков вслух. На данном этапе — откровенное отчуждение, молчание, взгляды искоса, презрительно задранный носик. Смотря на чей вкус, но что касается лично доктора Терехова, для него *это* еще хуже, чем шумные свары. А вот подделать ничего нельзя...

Таков уж он есть, каков есть. Он не дитенок и прекрасно знает, что другие психиатры как-то устриваются. Как же иначе, если делянка благодатнейшая — психиатрия, ага... Кому от армии откосить, кому от зоны, да мало ли причин? Мало ли ситуаций, в которых можно облагодетельствовать клиента в обмен на бумажки приличного достоинства или какой-нибудь приятный бартер?

Но самое печальное в том и заключается, что доктор Терехов этого не умеет. Вот не умеет, и все тут. Не получается, хоть ты тресни, хоть ты изрыдайся. У других получается, а у него — никак. Вполне вероятно, на нем уже давным-давно сия-

ет невидимое клеймо: «Этот не умеет». А потому к нему и не обращаются. Это ж должно быть на лице как-то написано: что данный доктор умеет и может. Если можешь, но не умеешь — тебе крандец, кирдык тебе, понимающий клиент к тебе и не подойдет...

В глубине души у доктора Терехова давным-давно сложилось стойкое убеждение, что страна его предала. Именно так. Он свои обязательства гражданина, ситуайена полноправного выполнил от и до: он послушно учился, исправно отслужил в армии, он не нарушал законов, разве что в юности, по мелочам, ну там драчки на дискотеках и тому подобное...

До определенного времени меж ним и государством был неписанный договор. Вслух не проносилось, письменно не декларировалось, но обе стороны знали, что договор есть. Товарищ Терехов М. М. прилежно учится в школе, вступает в комсомол, когда придет время, уходит в ряды Советской Армии, проваливши с первого захода институт; вернувшись с сержантскими лычками и стандартным набором значков, поступает в «мед» уже без особого напряжения как дембель и обладатель пристойной характеристики из части, старательно грызет гранит науки, законов, как уже подчеркивалось, не нарушает, латынь зубрит, свыкается с анатомичкой, специализацию осваивает...

Ну а государство, в свою очередь, гарантирует, что после окончания мединститута новоиспеченный психиатр займет свою экологическую нишу, сиречь приобретет определенный социальный статус, определенный уровень жизни, достаток и уважение...

Доктора такой расклад устраивал полностью, и он, со своей стороны, скрупулезно выполнял договор.

А вот государство подвело. Доктор успел получить диплом и пару лет поработать, когда *грянуло*.

Не стало ни обязательств, ни договоров, не стало самой страны. Не с кого спросить, да и не удастся. Швырнули, как кутенка в воду, — вот и выплывай, как знаешь. Причем твои плавательные способности никого отныне не заботят. Хоть тони.

Без натяжек — это предательство. Как же иначе, коли он свято выполнял свою часть договора? Это предательство, как ни верти.

А кому пожаловаться? Не выходить же на митинги с десятком старушек и парой-тройкой популистских депутатов? Которые, между нами говоря, чуть ли не все поголовно бывшие пациенты доктора Терехова, хоть национально-патриотическая общественность о том и не знает. А доктор не горит желанием изобличать. Еще и оттого, что депутаты, пусть и бывшие пациенты, все же неплохо устроились в этой жизни, на их век электората хватит...

Такова вот се ля ви. Печальная се ля ви индивидуума, не способного процветать в любой другой системе, кроме советской. И что тут сделаешь? Прозябай да терпи...

Хлопает входная дверь, щелкает замок — дражайшая половина покинула квартиру, а доктор Терехов стоит у окна, смотрит, как она идет к автобусной остановке, все еще изящная, все еще приманчивая, и доктору горько.

У него серьезные подозрения, причем обоснованные. Что бы там ни было, он хороший психиатр и умеет отличать обоснованные подозрения от навязчивых состояний. Мозаика обширна: чересчур дорогие духи в сумочке, внушающие сомнения обрывки разговоров по телефону, продуманные и правдоподобные, но настораживающие в *комплексе* со всем прочим отговорки на тему «где-задержалась-что-делала», намеки доброжелателей, наконец...

Доктор не унижается до пошлой слезки, но в глубине души понимает, что поступает так не из благородства, а исключительно для того, чтобы не взваливать на плечи дополнительные тяготы. И без того хоть волком вой. Проще внушить себе, что это ему только мерещится, и нет у нее никакого новорусского хахаля, и все ее объяснения — чистая правда, и все ее алиби — алиби и есть, а вовсе не продуманная система талантливой лжи. И не постанывает она, голая, в чьих-то небрежных объятиях, и в самом деле ночевала у подружки, и в самом деле пригубила коньячка на служебном девичнике, и два часа автобус ждала, а духи начальница отдала по широте души... Так проще. И без того тошно. Потому что в ответ на вопль «Изменщица! Шлюха!» получишь такое, чему не возразить...

Уж если быть ничтожеством, то не комплексуящим. Иначе вообще кранты. Психиатр это понимает лучше, чем кто-то другой. Стиснем зубы и терпим. Хоть и не ждем чудес.

Потом он выходит на улицу, садится в троллейбус, послушно билечивается, и троллейбус катит по длиннющему проспекту этого неимоверно вытянутого в длину города по берегам великой реки.

Если разобраться, это не троллейбус катит, это доктора занесло на борт машины времени, с иезуитским коварством прикинувшейся облупленным троллейбусом. И едет себе эта машина меж двух времен, меж двух времен, меж двух... Это заглавие одной из его любимых книг, точнее, результат удачных трудов переводчика. Нашелся же талантливый человек, смог же перевести «Time and again» как «меж двух времен», хотя другие, попадалось где-то, так тупо и перепируют, бараны без чувства языка, «время и обратно», буквалисты хреновы...

Меж двух времен едет троллейбус, меж двух времен. Вокруг вроде бы давние, знакомые с детства дома, среди коих совсем мало новых, современной постройки — разве что парочка помпезных банков. Вот только вокруг этих знакомых девятиэтажек, пятиэтажек, присутственных зданий, памятников и магазинов кипит *другая* жизнь, то самое смешение времен.

Здесь ездят сверкающие лаком машины, да что там — не ездят, а вальяжно плывут. Здесь сверкают вывески *шопов*, где иные яства стоят больше месячной докторской зарплаты. Здесь прогуливаются девушки невысказанной ухоженности и упакованности. Здесь, проходя по улице, небрежно прижимают к уху мобильные телефоны, мимоходом узнают время по невысказанно дорогим часам и скрываются в невысказанно дорогих кабаках. Это и есть смешение времен, как думается доктору Терехову, давнему любителю фантастики. И это — хуже всего. Оттого, что — смешение, существуй новое и старое в двух разобщенных мирах, по отдельности, не пересекаясь, было бы не в пример легче...

А ему еще ехать и ехать, спрессованному в гуще социально близкого народа, потому что квартира его и место работы — чуть ли не в противоположных концах нереально вытянутого в длину города. Когда была возможность, не озабочился поменять квартиру, полагал, что по исполнении того самого неписаного договора *дадут* новую, а теперь все это нереально — и получить новую, и поменяться...

Ему еще ехать и ехать. И, чтобы отключиться, скоротать время, занять чем-то мозги, доктор Терехов вновь и вновь прокручивает в голове очередной сюжет ненаписанного фантастического романа, шлифуя его, ограняя, продумывая.

Правда, все это без пользы. Отчего-то так повелось, невезение достало его и здесь. В *голове* все складывается великолепно, но, едва попытаешься перенести все это на бумагу, дальше второй страницы не продвинешься, не получается, и все тут. Вроде бы и есть роман в голове во всех деталях, эпизодах и диалогах, но на бумаге это не выразишь, он давно оставил всякие попытки...

Итак... Крохотный сибирский городок, сонное захолустье (между прочим, родина доктора Терехова, так что тут особенно и выдумывать нечего). Тридцать тысяч человек, в основном частные домики, разве что в центре два десятка многоэтажек, но из них половина — дореволюционной постройки. Мебельная фабричка — вот вам и вся промышленность. Два кинотеатра. Драмтеатр опять-таки дореволюционной постройки. Электротехнический техникум — вот вам и все вузы.

Да, главное-то мы и забыли! На дворе — одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый год, лето. Только что снят Хрущев, что никого здесь не повергло ни в уныние, ни в радость — помер Максим, и хрен с ним... Это — сибирское захолустье. Здесь нет ни диссидентов, ни золотой молодежи, ничего такого. Сонное царство, в общем.

Здесь никто не сомневается в идеалах — и не превозносит идеалы. Здесь просто живут, не считая, что чем-то обделены. Такой городок.

Трое главных героев, типичные восьмиклассники того времени, обитают в той части города, что исторически именуется «правый берег» — дома там почти сплошь частные, а единственное интеллектуальное развлечение представлено танцплощадкой на турбазе, куда наши друзья пока что не ходят, они стеснительны по малолетству, поскольку на дворе, как уже говорилось, шестьдесят пятый год, а вокруг — сибирское захолустье. Другое время, другие люди. В чем-то ужасно патриархальные, кстати.

Они, между прочим, искренне верят во все то, что пишут в газетах и твердят комсомольские секретари. Верят всем идеологическим штампам и пропагандистским клише. А что вы хотели? На дворе, еще раз повторим — шестьдесят пятый... Наши трое — нормальные комсомольцы, типичные советские ребята, кем им еще быть в этом году и в этом городе? Так-то...

Правда, это уже шестьдесят пятый. И наша троица — не какие-то там зашоренные аскеты, а нормальные парнишки со всеми свойственными этому возрасту желаниями и побуждениями. Они уже курят втихаря, они уже пробовали пиво, они уже начинают помаленьку гулять с девочками и предпринимать первые робкие попытки прикоснуться к теплоте и манящему — но все это опять-таки отмечено печатью известного целомудрия и робости. Ну, как-никак, шестьдесят пятый...

Только что по экранам победно прошли французские «Три мушкетера» — и не только мальки, но и кое-кто из ровесников наших героев еще носит-ся по улицам с деревянными или проволочными шпагами. Но не эти трое. Ну да, они тоже *играют* — но их игры, можно сказать, на порядок выше.

Уже стесняясь чуточку, свои деревянные мечи они уносят в ближайший тополевыи лес, далеко протянувшийся по берегу речки, завернутыми в тряпки. Мол, на рыбалку пошли, а в тряпках — удочки. Но, зайдя подальше...

Они играют, правда, не в «Трех мушкетеров» — они играют в донна Румату, барона Пампу и злыдню Рэбу. Ага, вот именно. «Попытка к бегству» вышла совсем недавно, и братьев Стругацких еще не успели во всем разочароваться, они пока что яростными и искренними мазками рисуют насквозь коммунистическое будущее с исполинскими золотыми статуями Ленина и благороднейшими

землянами двадцать второго века, гражданами Всемирной Коммунистической Республики... Искренне рисуют, а потому талантливо. Имея в числе своих обожателей и нашу троицу из захолустного сибирского городка.

Так вот, ребята играют в «Попытку к бегству». Иногда к ним примыкают и приятели — но далеко не всегда. «Три мушкетера» понятнее и проще. Но наша троица — она по уши в игре. Они так и зовут друг друга — «благородные доны».

Ну вот, а потом вдруг *начинается*...

На их улице померла бабуля. От старости, все там будем... И в опустевший дом вскоре вселяется неизвестно откуда приехавший незнакомец — мужичок лет тридцати пяти, контактный, говоря современным языком, веселый и обаятельный, а посему *врастает* он в жизнь окраинной улочки довольно быстро. Новый житель словоохотлив и общителен. Он «полярник», знаете ли. Два года пашет, полгода — в отпуске. Подробных романтических рассказов избегает — ему, как он вполне резонно объясняет, осточертели снега, медведи и северные широты, где, уточним, романтики особой и нет, если откровенно. Мол, дайте человеку пожить спокойно, забыть на пару месяцев о льдинах и моржах...

Ну, что тут скажешь? Документы у человека в порядке, участковый претензий не имеет. Наш человек, советский, имеет полное право отдохнуть от трудов праведных на благо социалистической державы. Вот и катается наш полярник на сверкающей «двадцать первой» «Волге» (по тем временам — ого!), что ни вечер, посещает турбазу, тамошние танцы, откуда частенько приводит особ женского пола, порой остающихся в доме до утра. Но и тут сказать особо нечего — даже обитателям патриархальной улицы. Человек молодой, неженатый, пусть погуляет, прежде чем отыщет законную половинку...

Вот только наша троица не столь толерантна. Потому что в этой самой «волжанке» взяла моду кататься некая очаровательная десятиклассница, по которой дружно сохли все трое, а одному она даже подавала некоторые надежды, не столь уж и призрачные. Мало того — до Благородных Донов доходит информация из достовернейших источников, приводящая их в тоскливую ярость. Из достовернейших, что печально. Источники уверяют, что Она Уже Делает Это С Полярником... Делает! Это!

Конец света. По крайней мере, для отдельных, чисто и нежно влюбленных восьмиклассников, пока что пребывающих на стадии мимолетных поцелуев и первых прикосновений. Нет, серьезно, конец света... Все помните себя при похожих обстоятельствах в такие же годы. То-то. Правда, Армагеддон...

Сверстника бы побили — но это взрослый мужик, крепкий и владеющий какими-то хитрыми приемчиками (в те годы из всех единоборств широким массам было известно лишь самбо, так что меж собой Благородные Доны уныло именуют пришельца «самбистом»).

Итак? А черт его знает, что теперь. Надо бы что-то предпринять, но что? Покрышки «Волге» попротыкать к чертовой матери, разве что. Больше ничего и в голову не приходит...

Ревность делает людей изощреннейшими шпионами — куда там засекреченным разведшколам. К тому же собаки во дворе нет, а все окрестные проходы, закоулки, заборы и крыши известны троице с малолетства. И началось...

Короче, они под покровом мрака, устроившись на крыше соседского дровяника, пытаются с невеликого расстояния рассмотреть, что происходит за задернутыми занавесками.

Эротических сцен им узреть не удастся — зато взору предстает нечто в сто раз более

странное, таинственное, поражающее воображение.

Там, в доме, работает телевизор. Казалось бы, ну и что? Но все дело в том, что экран, во-первых, огромен, чуть ли не метр на метр, во-вторых, *многоцветен*. Ага, вот именно. Телевизор — *цветной*.

Шестьдесят пятый год, если кто не помнит. Телевизоры маленькие и черно-белые. Огромные цветные экраны существуют лишь в фантастических романах, на страницах «Техники — молодежи» да, по смутным и вроде бы недостоверным слухам, на загнивающем Западе. Никто еще здесь не видел *такого* телевизора...

История мгновенно переходит в какую-то иную плоскость. Даже жгучая ревность почти что улетучивается перед лицом такой вот тайны. Нет, вообще-то — «полярник». Мало ли что из неведомой заграничной техники мог прикупить в экзотических портах, навроде Семен Семеныча Горбункова...

Но тайна, тайна! Что-то тут не то...

И проходит не так уж много времени, когда наша троица, воспользовавшись отлучкой хозяина, проникает с оглядкой в его жилище.

А оно уже ни капельки не напоминает стандартный интерьер типичного жилища середины шестидесятых. Черт с ним, с телевизором — там столько загадочных вещей, что разбегаются глаза. К телевизору, оказывается, присоединена проводами какая-то штука; опять-таки из фантастического романа, со светящимися цифирками и надписями на английском, тут и стопки странных кассет в ярких обложках — и на некоторых названия и кадры из знакомых, виденных фильмов!

Это уже шестьдесят пятый. Любителя фантастики иные новинки уже не поставят в тупик — он

быстро разберется, с чем имеет дело, хотя бы приблизительно. Должно быть, это нечто вроде пресловутого *видеотелефона*, ну, ясно...

У парнишек хватает ума не тыкать пальцем кнопочки и не вертеть ручки. Их мысли принимают иной оборот. Надписи на английском, понимаете ли, антенны эти странные...

Что же, шпион? А почему бы и нет? Ситуация, опять-таки многократно обкатанная в отечественной фантастике. Иностраный шпион, загадочная аппаратура, вон и сигарет целая россыпь иностранных, и холодильник иностранный, и бутылки с невиданным спиртным...

Первая мысль, вполне логичная и естественная для комсомольцев шестьдесят пятого года — пулей лететь Куда Следует. Пока враг не понял, что обнаружен. Выбраться незаметно тем же путем, и...

Стоп, Благородные Доны, стоп! А вот это вы видели?

Ух ты... Это ж надо... Уши пылают, сердце замирает, и кое-какие иные детали организма поневоле реагируют...

Журналы. Толстые, цветные, на отличнейшей бумаге. Ну, мы же в школе проходим английский...

Плайбой... Так, кажется, транскрибируется? Должно быть. *Плайбой*. И — «Хэстлэр».

Ох, фотографии... Все видно. Никакого стыда. Но до чего ж красивы женщины...

Благородные Доны, да не туда вы смотрите, не туда!

Даты!

Тысяча девятьсот *девяносто* второй год! *Девяносто* третий! Это даты, никаких сомнений! Это именно даты! Неприличные журналы изданы в конце двадцатого века, в девяностых годах. А на дворе — шестьдесят пятый...

Первоначальная версия, об иностранном шпи-

оне, не то чтобы улетучивается вовсе, но под напором новой информации отодвигается куда-то на третий план. Все, похоже, гораздо сложнее. Однако для знатоков и ценителей фантастики и в этой ситуации нет ничего такого уж невозможного. Они просто-напросто вживую столкнулись с тем, о чем читали не раз.

А вон и книги, со столь же поразительными датами. Восьмидесятые годы, начало девяностых...

Они, как и собирались, потихонечку улетучиваются из дома, не прихватив с собой ни единой мелочи — для чего, нетрудно догадаться, потребовались титанические усилия воли. И, укрывшись на задах ближайших сараюшек, начинают обсуждать загадку уже всерьез, неспешно, вдумчиво...

О коварном иностранном шпионаже речь уже не идет вообще — *эта* гипотеза окончательно испустила дух, оттесненная более прагматичной. Путешественник во времени, ну да. Гость из будущего. В конце концов, это предсказано еще Уэллсом: синие тома с серебристо-черными орбитами неведомых небесных тел, иллюстрации Гришина, пятнадцатитомник...

Все сходится. Даже журналы получают объяснение — ну да, конечно, это и есть нравы будущего, культ здорового обнаженного тела, о котором пишет Ефремов, раскованность потомков... Вообще-то шпион тоже может нагряться из будущего... то есть из будущего может нагряться и шпион... нет, но похоже. Наша троица свято верит братьям Стругацким, согласно коим конец двадцатого столетия — это и полет на Венеру, и, что грандиознее, Союз Советских Коммунистических Республик. Тридцать лет спустя коммунизм просто обязан победить на планете окончательно и бесповоротно. Другого вывода просто не в состоянии сделать трое правоверных комсомольцев,

заядлых ценителей советской фантастики и западной прогрессивной тоже...

Дальнейшие события разворачиваются довольно-таки стремительно. Стоило только полярнику вернуться домой...

О девушке, о ревности и речь не заходит. Есть вещи поважнее. Троица, вломившись во двор с видом непреклонным и решительным, открытым текстом заявляет, что им «все известно» — о, эта классическая фраза, превратившаяся в расхожий штамп детективных романов!

Наш полярник, сразу видно, не так уж глуп. Его первые попытки свести все к шутке наталкиваются на упрямый отпор: интересно, а как же быть со всеми этими загадочными вещами, что они трое не далее как час назад видели у него дома? Вряд ли товарищ путешественник во времени захочет, чтобы им заинтересовались *органы*. Или просто соседи. Между прочим, убивать их, этих трех, совершенно бесполезно — они оставили письмо, где все подробно изложено. Проще договориться.

Полярник, надо полагать, не пальцем делан. Но у мальчишек есть одно несомненное преимущество: они, проглотившие массу фантастики, качественной и не очень, к такой именно ситуации весьма даже подготовлены. А вот «полярник» к провалу — не очень...

Должно быть, ему и в самом деле не хочется покидать скоропалительно эту улицу, этот городок, этот отрезок времени — прижился. А потому переговоры продолжаются уже в доме. Суть открывается после не столь уж хитрых и долгих дипломатических уверток.

Ну да, машина времени. Ну да, он и в самом деле из девяносто третьего. Но мать вашу, сопляки, никакой он не шпион, не враг народа, ни малейших коварных смыслов по отношению к

данному времени не питает. Поскольку никакой он не иностранец, а самый что ни на есть коренной москвич, между прочим, с Арбата. Ему просто очень нравится обитать в этом именно времени, что здесь преступного?

Благородные Доны, чувствуя себя победителями, вполне доброжелательны и даже чуточку благодушны. Они вполне верят объяснениям и вовсе не намерены расширять круг посвященных в тайну. Правда, если вспомнить о Свете... ну ладно, сейчас не время. В общем, дураку ясно, что людям в их положении необходима некая компенсация за молчание. Много они не просят — всего-то одна-разъединственная *поездка*...

В скобках добавляя, чем дальше тянется разговор, тем меньше им нравится «полярник» Виталий — как-то не отвечает он представлениям юных комсомольцев о человеке коммунистического будущего. Недомолвки в ответ на одни вопросы, смех — при других, а чтобы ответить на третьи, он, похоже, откровенно изворачивается, а то и лжет. Да и вообще весь он такой какой-то... Ничего общего с героями «Полдня» или «Попытки к бегству».

Но эти мысли и оценки они держат при себе — ладно, не стоит доводить все до абсурда, даже у Стругацких среди обитателей светлого коммунистического будущего попадаютсся, гм... *персоны*... Родимые пятна капитализма — штука въедливая, надо полагать, чтобы полностью от них избавиться, потребуется лет сто, а тут прошло всего тридцать. Будем к нему великодушны и терпимы...

Ну, и к чему же пришли высокие договаривающиеся стороны? А, Виталий?

Виталий наконец-то капитулирует. И машина времени — штука компактная, не больше стиральной машины, — уносит сразу четверых в тысяча девятьсот девяносто третий год...

Нет нужды детально все описывать. Достаточно напрячь фантазию и представить себе юных идеалистов, романтиков, комсомольцев образца шестьдесят пятого на улицах Москвы девяносто третьего года...

Это даже не конец света, это гораздо хуже. Нам не понять, право слово...

Легко представить, *какими* они возвращаются — напроць лишенными и романтики, и иллюзий, и мечты о светлом коммунистическом будущем. К чести проныры Виталика (а он на свой манер не так уж плох), он даже пытается их утешать: ну так уж обернулось, ребятки, что тут поделаешь. А посему не хлопайте ушами и, зная будущее на тридцать лет вперед, заранее готовьтесь к тому, чтобы оказаться среди хозяев жизни, а не оттесненных к помойным ящикам маргиналов. Будете молчать, я вам все подробно объясню — что значит «крутиться», как делать бабки...

Кому он это твердит, придурок?! Надо ж понимать, с кем имеешь дело...

Все-таки они не такие уж дети — восьмиклассники, допризывники, комсомольцы, сибиряки, ребята, подготовленные фантастикой к самым разным поворотам бытия...

События разворачиваются стремительно. В конце концов ничего нового — уже издан и «Конец вечности», и «Звезда над нами», и многое другое...

После краткого периода полной растерянности и отвращения к жизни Благородные Доны не теряют времени даром. Они могут справиться и сами — в *этом*, в своем времени, приложив не столь уж много усилий.

Охотничье ружье примитивно похищено из шкафа отца одного из Донов — как и деньги, необходимые на покупку самых дешевых железнодорожных билетов. Уже тем же вечером они все трое сидят в вагоне идущего на запад поезда. Они едут

в теплые, благодатные края, где уничтоживший СССР генсек-президент пока что занимает невидный пост в горкоме комсомола...

Благородные Доны и в самом деле благородны и честны: романтики, идеалисты, горящие желанием исправить историческую ошибку. У будущего предателя попросту нет никаких шансов остаться в живых. И он получает картечью в живот из обоих стволов, в полумраке окраинной улочки, под истошный визг жены — ну, шестьдесят пятый год, секретарь горкома комсомола из областного центра не располагает ни охраной, ни персональной машиной, так что приловить его легко...

Тут доктор Терехов решительно не в силах выбрать один из двух вариантов имеющейся у него концовки. Не в силах, и все тут. Согласно первому, Благородным Донам удастся уйти, вернуться домой и их никто не ищет, потому что никому в голову не пришло связать данный областной центр и далекую Сибирь — ни малейших зацепок, ассоциаций, следов и мотивов...

Согласно второму, их тут же берут. И дальнейшая их жизнь — по тюрьмам и лагерям. И историю эту рассказывает герою как раз бывший зэк, один из Донов, а герой не верит — зэки мастера напускать туману и «тискать романы»...

Однако в обоих вариантах имя убитого предателя, растоптавшего идеалы и развалившего Союз, остается неизменным — Сергей Николаевич Тихомиров, бывший тракторист и комсомольский активист, за ударную работу и незаурядную общественную деятельность направленный в Ленинградский университет на юридический...

Вот именно, а вы что подумали? Тихомирова застрелили наши Благородные Доны, Тихомирова, про которого всё узнали в Москве девяносто третьего...

Так-то.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЕДИНОК

Выйдя из троллейбуса, доктор Терехов дисциплинированно перешел улицу на зеленый свет, не понеся при этом особенных потерь — ну разве что на красный нахально промчалась чернолаковая иномарка непонятной закоренелому «совку» модели, властно и пренебрежительно рывкнула мелодичным сигналом. Но это по нынешним временам были сущие пустяки: не задавили, как-никак, даже не обозвали через приспущенное стекло так, что до вечера потом содрогался бы от злого бессилия.

И это на нынешний момент было последним спазмом того самого дикого и уродливого *межвременья*. Потому что доктор, войдя в переулочек, оказался во взаправдашнем, стопроцентном, патентованном прошлом. В переулочке этом не было ни единой приметы нового времени, о радость, совершенно не за что новое и взгляду зацепиться... А были здесь знакомые кирпичные «хрущевки», от времени, атмосферических осадков и грязи почти потерявшие исконный кирпичный цвет и приобретшие колер неопиcуемый. Это слева. А справа тянулась высоченная ограда из посеревших бетонных плит, забор родимой психушки, и ворота, как обычно, распахнуты настежь, ибо запирать их ни к чему, здесь хватает наглухо запертых дверей. Заходи, кто хочешь, вот только мало кто хочет, сюда забредают по вовсе уж неотложной надобности, а как иначе...

И психушка была — стопроцентное прошлое. За последние семнадцать лет здесь не прибавилось ровным счетом ничего нового, ни снаружи, ни внутри. Он поднялся по знакомой лестнице — хоть с закрытыми глазами шагал, — отпер дверь

служебным ключом, похожим как две капли воды на тот, что используют в вагонах проводники. И запашок *прежний*, и контингент...

Любые реформы, даже самые лихие, любые пертурбации практически не влияют на психические болезни и врачевание оных. Честное слово, все так и обстоит. Конечно, меняются *персоналии* — ну, скажем, почти не осталось Лениных и Брежневых, зато прибавилось генералов и маршалов и, что предсказуемо, Ельцин завелся. Главное, не изменилась *суть*. Механизм маний и навязчивых состояний. Какой-нибудь дореволюционный Рябушинский или Ротшильд, Брежнев советских времен и нынешний Гайдар — горошины из одного стручка. *Новую* болезнь в психиатрии открыть невозможно, это вам не элементарная частица и не квазар на краю Галактики. Самое большее, на что может рассчитывать честолобец, — открыть *синдром*. Как было в восемьдесят четвертом с Ротенбергом и Альтовым, научно доказавшими, что Мартина Идена сгубили не бессердечные буржуазные уклады, а чисто медицинская заморочка под названием «депрессия достижения». Научный мир сдержанно похлопал и в благодарность нарек означенную депрессию, как легко догадаться, синдромом Ротенберга-Альтова. Да что там, даже Кандинский и Клерамбо, титаны и зубры, ничего выше синдрома так и не удостоились в плане увековечения...

Механизмы остались прежними. Вот он, в уголочке примостился — господин Чубайс, свято верящий, что он взаправдашний, хоть никакой он не рыжий, а лысо-брюнетистый. С такими маниями бывают и буйными, но местный Чубайс — тихий. Санитары ему раздобыли списанный выключатель, вот Чубайс им и щелкает пару раз в час с умиротворенной улыбкой — то министерство по налогам и сборам отключит, то Камчат-

ку, то еще чего-нибудь. Милейший человек, никакого от него беспокойства, сплошная экономия аминазина и растяжек. Ну да, интеллигент, конечно. Кандидат наук. Перестройка — недоумение — нищета... И получился Чубайс. Главное, не подпускать к нему Сталина. Сталин как раз в противоречие своему историческому прототипу буйный и каждый раз норовит Чубайсу надавать подзатыльников, что, в общем, логично, если между нами...

И все было как встарь — по длинному коридору кружили нескончаемо «фланеры», взад-вперед, взад-вперед, часами. Пока доктор Терехов добрался до своего кабинетика, выслушал не менее десятка просьб выписать немедленно, но и к этому он ухитрился притерпеться за долгие годы, так что пропускал мимо ушей нытье, мольбы и заверения в полнейшем своем выздоровлении, наступившем этой самой ночью. Какое там выздоровление, ага...

Иногда ему приходило в голову, что он и его коллеги, леча, творят ужасающее зло. Потому что лишают пациента счастья. Вот, скажем, был у нас Тамерлан. И вовсе даже не буйный — всего-то навсего, взяв за локоток любого, отличавшегося монголоидными чертами лица, предлагал вступить в его железное войско, которое вскоре двинется на Москву. И сговорчиво удалялся, когда ему отказывали. Ну и что? Он был счастлив оттого, что он Тамерлан — а злые врачи усердно его этого счастья лишали медикаментами и задушевными беседами. И, между прочим, лишили в конце концов. Согласился бедняга с тем, что никакой он не Тамерлан, а натуральнейший Степан Гаврилович Боргояков — и ушел, вылеченный, в жестокий к слабым окружающий мир... но ведь не стал он счастливее, не стал, совсем наоборот!

Так что проблема, быть может, философская: что есть счастье? И допустимо ли лишать человека счастья, прикрываясь медицинскими канонами? Но пусть над этой проблемой терзается тот, кому больше платят. А психиатры обязаны делать свое...

Обосновавшись в кабинетике, он призвал пред свои грозны очи санитар Валеру, устрашающего на вид верзилу, страдавшего (на взгляд постороннего, но не на Валерин собственный, нота бене!) легкой формой олигофрении. Именно такие сплошь и рядом трудятся санитарями, а вы что думали? Такие-такие... Причем у Валеры есть свои плюсы: он исполнительный и добрый, пациентов не бьет, как иные уроды. Зато силен, как бульдозер, что в данной больничке жизненно необходимо. Это еще один минус психиатрии: ежели в других областях медицины масса очаровательных девочек-санитарочек (что с утилитарной точки зрения порой приводит к приятным коллизиям), то в психушке таковых не водится...

Он выслушал старательный доклад. Слава Аллаху, нынешняя ночь обошлась без происшествий: никаких обострений, никаких *фиксаций*, тишина и благодать. Тем лучше. Ни малейших препятствий к задуманному.

Он взял из стопки верхнюю карточку, приготовленную со вчера, мимолетно улыбнулся в предвкушении долгого и увлекательного поединка, и в этой радости не было ничего садистского, одна только законная гордость профессионала. И сказал:

— А давай-ка, Валерик, ко мне Кирьянова. В темпе.

Вот только на сей раз произошла странная, нетипичная заминка. Вместо того чтобы опрометью кинуться исполнять приказ, Валера затоптался,

замаялся, сделал над собой усилие и в конце концов пробубнил:

— Михал Михальч, а вы его выписывать будете?

Терехов посмотрел на него с искренним любопытством, но легкое раздражение профессионально превозмог. И поинтересовался кратко:

— А что?

— Да так...

— А конкретнее?

— Да выписать бы его...

— С чего бы вдруг?

— Да так...

— Валерик, — сказал Терехов отработанным в общении с верзилой тоном, частью благодушным, частью приказным. — Ты меня загадками-то не бомби, у меня их и так полное отделение, ходячих и привязанных... В чем дело?

— Да ну... Штуки он разные делает... И днем тоже, но ночью чаще...

— Это какие?

— Не скажу. Вы меня лечить начнете, а я здоровый, честное слово, я ж не виноват, что он такое вытворяет...

— Что конкретно?

Валера прочно замолчал, пялясь в пол, и Терехов знал по опыту: коли уж принял детинушка такую вот позу и этакое вот выражение лица строил, ничего от него более не добьешься. Неужели и впрямь пролечить придется?

— Ладно, — сказал он, подумав. — Давай Кирьянова.

Менее чем через минуту он получил заказанное. Пациент по фамилии Кирьянов опустил на хлипкий стул — вся мебель тут была ранешняя — с равнодушной покорностью судьбе.

Чересчур равнодушной, отметил про себя Терехов, и это свежее наблюдение легло в копилочку к множеству других.

И он упер локти на стол, переплел пальцы, при этом двумя большими подперев подбородок. Спросил без особой вкрадчивости:

— Не надоело вам у нас? Может, взять вас да и выписать, благо опасности для окружающих от вас никакой? — И бросил уже резче, напористей: — Ну что, выписываем?

«Ага! — торжествующе возопил он про себя. — Ах ты, сукин-распросукин кот! Ежишься! Ерзаешь!!!»

— Да как-то...

— Что — «да как-то»? — спросил Терехов с отработанной вкрадчивостью. — Не понял я что-то...

— Ну, вам виднее... — сумрачно сказал пациент по фамилии Кирьянов, глядя в пол.

— Мне виднее, — согласился Терехов. — У меня диплом и халат белый, я тут, в натуре, в нехилом авторитете... А знаете что, Константин Степаныч? На вашем месте девяносто девять из ста — а то и сто из ста, поверьте моему опыту — тут же начинают упорно утверждать, что доктор, то бишь я, совершенно прав, что выписывать их следует незамедлительно...

— И что?

— Да ничего. *Больные*, я имею в виду...

— А я, по-вашему, здоровый?

— Ну да, — сказал Терехов с нескрываемым злорадством. — Больной нашелся, тоже мне... Пробы негде ставить... Вы, хороший мой, стопроцентный симулянт, бухгалтер Берлага... Помните такой персонаж? И даже если вы на моих глазах выхлебаете чернила из этой вот скляночки, несколько меня не разубедите, наоборот... Ну, будете хлебать чернила?

— Зачем? — угрюмо отозвался Кирьянов, не меняя позы.

— Так вы ж шизофреник, что вам стоит?

— А что, шизофреник непременно обязан чернила хлебать?

— Ну что вы, вовсе нет, — сказал доктор Терехов. — Тут все сугубо индивидуально... — он задумчиво потыкал себя большими пальцами в подбородок. — Константин Степаныч...

— А?

— Может, разойдемся по-хорошему? Без долгой болтовни? Вы мне культурно признаетесь, что симулировали весь этот месяц, я вас моментально на выписку оформлю — и грядеши вы себе, камо хотите. Ну? Нет, вижу, нет... Придется мне убивать на вас массу времени; словно ловеласу на капризную красотку... Ладно, ничего не поделаешь, время у меня есть... Константин Степаныч?

— А?

— Если уж по всем правилам, давайте заходить издалека... Вот вы — пожарный. Ну, предположим, не простой топорник, а целый подполковник, начальствуете... Не в том дело. Если мы с вами встретимся где-нибудь случайно, в поезде, скажем, и начну я выдавать себя за старого пожарного, имея о сем предмете самые смутные представления, вы меня быстро разоблачите или много времени пройдет?

— Ну...

— А вы не нукайте и не зыркайте так настороженно. Вопрос отвлеченный и к медицине отношения не имеющий...

— Ну... Быстро.

— Вот то-то и оно, господин подполковник, то-то и оно! — торжествующе сказал Терехов. — Быстро. Быстренько. Потому что вы — профессионал, а я — нет. С чего же вы взяли, что в *других* профессиях обстоит иначе? Все то же самое... Психиатры мы, батенька, дипломированные, патентованные и пожившие на этом свете... И хотя зарплата у нас теперь — кошкины

слезки, и потеряли мы прежний социальный статус, опыт-то остался... *Опыт.* Понимаете вы? Стаж у нас с вами, что характерно, одинаковый, я ненароком обратил внимание: вы в вашей пожарке семнадцать лет служите, и я в этом заведении без пары недель — семнадцать лет... Дорогой мой Константин Степанович, у психиатров огромный опыт накоплен по части изобличения симулянтов. Сто-олько их тут перебывало... Кто от армии косил, кто от зоны, иные таким макаром развода добивались, иные... Ну, побудительных мотивов тут масса, не о них речь... Поговорим лучше о ваших проколах... Интересно?

— Допустим...

— Не «допустим», а ужасно интересно, я полагаю, — сказал доктор Терехов. — Спорить готов, у вас сейчас, простите за ненаучный термин, шило в жопе. Не терпится узнать, на чем погорели...

— Термины, действительно...

— Бросьте, — сказал Терехов. — Не лепите мне тут оскорбленную невинность. — Будь я хоть в малейшей степени уверен, что вы все же больны, разговаривал бы иначе. С должной душевностью и профессиональной вкрадчивостью. Но поскольку я на сто процентов убежден уже, что вы, сокол мой, симулируете, то поговорим, как два обычных мужика, ровесники практически, похожи во многом. Я, правда, капитан запаса, это для врача потолок, а вы целый подполковник, образование у вас инженерно-техническое, а у меня гуманитарное, но сие не так уж существенно, я полагаю... Ровесники почти, оба из бюджетников, земляки, как выяснилось в ходе предшествующих бесед, любим... фантастику.

— Уже нет.

— Что, простите?

— Я фантастику с некоторых пор на дух не переносу, — сказал Кирьянов.

— Ну, это опять-таки несущественные детали... Так вот, погорели вы на том, что подготовились *плохо*. Не просто плохо — архискверно. Нельзя же так, право, — держали нас за совершеннейших головотяпов... Скрывать не стану, *иные* симулянты своего добиваются, есть определенный процент... Но чтобы в него попасть, подготовочка нужна громадная и адская. А вы, могу спорить, ограничились парой популярных брошюр, что под руку подвернулись, ага?

— С чего вы взяли?

— Видите ли, шизофреник обязан быть шизофреником, — задушевно сказал Терехов. — А никак не параноиком. И наоборот. Более того, никак не может человек сегодня быть чуточку шизофреником, завтра — чуточку параноиком, послезавтра пребывать в классическом пограничном состоянии, а послепослезавтра демонстрировать симптомы мании величия *вперемешку* с комплексом неполноценности... Понимаете? Грубо и упрощенно выражаясь, всякой болезни соответствует *свой*, сугубо индивидуальный комплект симптомов, проявлений, поведенческих манер... А вы, любезный, вот тут, — он мимолетно шлепнул ладонью по карточке, — демонстрировали крошку из надерганных без системы и смысла симптомчиков, принадлежащих не одной конкретной хвори, а сразу нескольким... Так не бывает, уж простите. Именно так, как в вашем случае. Я неплохой психиатр, поверьте. И оттого, что реформы меня загнали чуть ли не в маргиналы, специализмом быть не перестал. Мы ж консервативны, Константин Степаныч, в нашем деле мало что меняется, работаем чуть ли не с тем же набором хворей, что наши предки сто лет назад... Знаете, есть одно-единственное психическое расстрой-

ство, которое не диагностируется современной медициной: белая горячка. Вот здесь — широчайший простор для симулянта, возжелавшего по каким-то своим причинам отдохнуть в уютных стенах психушки. Неделя, а то и две ему автоматически обеспечены даже при нынешнем разгуле либерализма... Вы это учтите на будущее, если вздумаете где-то в другом месте... Но про горячку вы не знали, а? Вы — человек, пьющий умеренно, без всякой алкозависимости, не та среда общения, негде вам было знаний почерпнуть... как и о шизофрении, кстати.

— Странный у нас какой-то разговор...

— Да? — с любопытством спросил доктор Терехов. — А почему?

— Вы меня лечить обязаны...

— А вот те хрен, подполковник, — сказал Терехов вежливо. — Не обязан я лечить симулянтов, а вот вышибать их отсюда к чертовой матери — как раз и есть моя прямая обязанность. Финансирование на нуле, больным жрать нечего, медикаментов не хватает на настоящих — а тут, извольте ли видеть, липовые шизофреники окопались, бесплатной медицины жаждут, лечение им подавай... — Он подался вперед и широко улыбнулся: — А вот кстати, я вас уже неделю не лечу. Ясно вам? С тех самых пор, как окончательно убедился, в чем тут дело. Не надо так недоверчиво ухмыляться, не надо... Я вам чистую правду говорю. Вот уже неделю вам колют исключительно глюкозку и прочие витаминчики — а через раз и вовсе дистиллированную водичку, потому что витамины больным нужнее, а вы и так не дистрофик... А что до вчерашнего представления... Я мнимого практиканта имею в виду. Которому я, стоя в двух шагах от вас, довольно громко объяснял, что после данного укола пациент, то есть вы, напроць потеряет координацию,

едва вставши с кушетки, начнет колыхаться и падать, так что его нужно заботливо подхватить, довести до коечки и поставить рядом побольше водички, поскольку пациента часа три будет мучить дикая жажда... Вы все слышали, конечно. И вели себя соответственно — шатались, падали, литра три воды выдули... А вкололи-то вам опять-таки девять кубиков чистой дистиллированной водички, честью клянусь! И не практикант это был вовсе, а санитар из женского отделения, с третьего этажа... А чтой-то вы рожицей изменились? Чтой-то вы поскучевши? Поунылевши? У меня вот тут вот вся эта история добросовестнейшим образом отражена, в вашей так называемой истории болезни... Вообще, Константин Степаныч, всю прошлую неделю за вами было крайне любопытно наблюдать. Я, извините за вульгарность, обсмеялся, чуть ли не уписался, глядя, как вы не можете *себя найти*. Ну, вы ж человек неглупый, понимали, что у всякого больного, и у вас в том числе, должна быть определенная *модель* поведения — но по причине скверной подготовки понятия не имели, какая. Вот и метались, вот и дергались. Присматривались к товарищам по несчастью, пытались собезьянничать у них то то, то это... И каждый раз терзались сомнениями: а вдруг подсмотрели не то, *вашему* персональному сдвигу несвойственное? Нельзя же расспрашивать соседей по палате напрямую: мол, мужик, шизофренией ты маешься или паранойей? И ежели шизофренией, то как именно тебя колбасит, плющит и корежит? Ну? Что ж вы глазыньки-то блудливые прячете? Стыдно проигрывать, правда?

— Проигрывать всегда стыдно, — пробурчал Кирьянов, по-прежнему не глядя на мучителя.

— Ну что ж, давайте это считать чистосердечным признанием.

— Вы полагаете?

— Хватит, ладно? — поморщился Терехов. — Говорю вам, я неплохой специалист. Я наблюдал за вами неделю, я ставил вам ловушки, я испытывал вас так и сяк, я консультировался с коллегами для вящей надежности — и теперь я твердо намерен в ближайшие же четверть часа выставить вас отсюда к чертовой матери, вручив напоследок справочку, которой декларируется ваше полное психическое здоровье, хоть в космос запускай, хоть атомную бомбу определяй стеречь...

Впервые подполковник-пожарный посмотрел ему прямо в глаза — совершенно чистым, незамутненным, *здоровым* взглядом. Криво усмехнулся и спросил:

— А договориться мы никак не можем?

— То есть?

— Я вам дам денег, — сказал Кирьянов спокойно и даже чуточку небрежно. — Много. Очень много. Вы столько и не видели. Сходите в каптерку или как там у вас называется эта кладовка, куда складывают шмотки пациентов... Возьмите мою сумку и загляните. Там лежит пара пачек... Вам с головой хватит. А дома есть еще. Если вы, мало ли, бессребреник, не берите себе, а отдайте на больницу. Там много...

— Я знаю, — сказал доктор Терехов почти столь же спокойно. — Уж простите за любопытство, посмотрел. В самом деле, интересно. Двести тысяч, две пачки, в банковской упаковке...

— Дома есть еще.

— А что взамен? Держать вас тут до скончания веков?

— До скончания веков не обязательно, — сказал Кирьянов деловым тоном. — Достаточно будет... ну, хотя бы месяца. Подержите меня тут еще месяц. И напишите потом в истории болезни какой-нибудь совершенно устрашающий диагноз.

Понимаете? Я не знаю, как это у вас зовется... Самый тяжелый. Самый... Ну, вам виднее. Такой, чтобы я мог оставаться на свободе, но был бы совершенно непригоден к любой работе, хоть каплю посложнее вахтерской или дворницкой... Мы договоримся?

— И вам вполне всего этого достаточно? Месяца здесь и такого вот диагноза?

— Пожалуй что. Ну как?

— Откровенность за откровенность, пожалуй, — сказал доктор Терехов задумчиво и протяжно. — Вы меня поставили в трудное положение... Вот этим самым разговором. Если раньше мне казалось, что я понимаю *почти* все, то теперь я, честное слово, ничего не понимаю... Я так и не понял до сих пор, за каким чертом вам понадобилось укрываться в психушке. Вы не рядовой топорник, вы — кабинетное начальство, мало того, как я выяснил, вас собирались вот-вот назначить на полковничью должность с присвоением соответствующего звания и увеличением оклада. При том, что вы и сейчас получаете вдвое больше меня. При том, что в последние месяцы престиж вашей профессии еще более увеличился — вас ведь передали из МВД в контору Шойгу, вы теперь не «вроде ментов», а подразделение МЧС... Я изрядно покопался в вашей жизни, знаете ли. На службе у вас все прекрасно. Дома прекрасно. С женой нет проблем, с детьми тем более, денег на жизнь хватает, вас ценит начальство, дачка у вас, «жигуль» нехилый... Я на вас неделю убил...

— А зачем, можно поинтересоваться?

— Можно, — сказал Терехов серьезно. — Потому что, не считите это высокими словами, у меня осталась только моя работа. По деньгам меня опустили ниже некуда, по престижу и социальному статусу — аналогично. У меня осталась

одна возможность не сломаться, не впасть в депрессию, не *растечься* — остаться твердым профессионалом. Понимаете?

— Кажется.

— Рад слышать... Так вот, мне совершенно непонятно, почему вы ни с того ни с сего решили укрыться в психушке. Нет вроде бы никаких поводов. Ладно, я не волшебник и не успел за неделю узнать *всего*. Может, вы обрюхатили соседку-семиклассницу или сшибли на машине на смерть гаишника при исполнении... Не в том загладка.

— А в чем?

— Не понимаете? Нет, серьезно? Откуда у вас двести тысяч? Ах нет, побольше, дома ведь есть еще... Ваша прошлая жизнь не дала ни малейшего *следочка*. Бабушкиных бриллиантов вы не продавали, а в карты такую сумму вряд ли могли выиграть. Вы что, наркотой торговали втихаря? Или нашли на пожаре алмаз в сто каратов и сумели его пристроить?

— Деньги заработанные. Честным образом.

— Ну да? А не подскажите ли, где в наше время можно срубить такие бабки честным образом?

— Не подскажу, — серьезно сказал Кирынов. — Упаси вас бог от такой работы.

— Отчего же, если она честная.

— Тут есть нюансы...

— А конкретно?

— Не стоит, честное слово...

— У какой-нибудь мафии сперли?

— Это вы американских *кин* посмотрелись...

— Ну, я шуткую, — сказал Терехов. — Если бы вы эти денежки у кого-то сперли, вы совершенно иначе планировали бы свое будущее. И просили бы у меня каких-то других услуг. Не знаю, каких, но, безусловно, *других*. Вам нужно отсидеть

еще месяц и выйти отсюда с неким *убойным* диагнозом, да?

— Именно.

— Это, как хотите, противоречит догадкам, будто деньги вы сперли и кто-то во внешнем мире жаждет найти вас и рассчитаться, — сказал Терехов. — Не так ли? Человека, жаждущего вернуть деньги — тем более *такие*, — не установит никакой диагноз, пусть даже я вас по документам проведу как параноика номер один Сибири и окрестностей... Нет, тут что-то другое... И я не понимаю, что. Не могу ни угадать, ни вычислить. А я не хочу связываться с тем, чего не понимаю. Черт его знает, чем это чревато... Так что забирайте ваши деньги и ступайте с ними вместе куда глаза глядят. Так оно будет спокойнее.

— Вы серьезно?

— Абсолютно, — сказал Терехов. — Это позиция. Непонятное всегда опасно. А я в нынешнем своем положении весьма уязвим перед внешними угрозами, поскольку мои защитные возможности сведены к минимуму. Так что не стоит рисковать... Сейчас я напишу...

— Подождите!

— Хорошо, — сказал доктор решительно. — У вас две минуты. Убедите меня, что ни вы сами, ни ваши денежки меня ни во что не травят.

— И тогда мы договоримся? Возьмете деньги?

— Не знаю, — сказал доктор. — Честное слово, не знаю.

— А если вы не поверите?

Доктор сухо бросил:

— Смею думать, в силу профессионального опыта удастся отличить байки от правды...

— Черт бы вас побрал... — с досадой произнес Кирьянов. — Но ведь нет ни выхода, ни времени... Там, в сумке, лежит рукопись...

— Я помню, — кивнул доктор. — Заглядывал в папочку. Листать не листал, посмотрел только первую страницу. Название — «Самый далекий берег», подзаголовок — «Фантастический роман», автор — какой-то Себастьян Ян. Сроду о таком не слыхивал. Хотел, признаться, полистать, но не нашел времени...

— А вы найдите. И не полистайте, а почитайте.

— И?

— Это не роман, — сказал Кирьянов. — Это дневник нескольких последних месяцев. Мой дневник. А первая страничка... для отвода глаз. Всегда можно выдать за творение какого-нибудь друга-графомана — фантастики нынче столько...

— Хорошо, допустим, я прочитаю. И что?

— Говорю вам, это дневник. Это все было на самом деле. Все. Умному достаточно... Только, говорю вам, помните: это все было на самом деле...

«А собственно, чем не выход? — подумал Терехов вяло. — Рассусоливать с ним далее нет смысла, главное сказано. Происшествий в отделении нет, пара часов свободного времени обеспечена. А через два часа он у меня отсюда все равно вылетит со страшной силой... А как же иначе, что там может оказаться такого, чтобы... Должно быть, все-таки наркота... Пошел он...»

— Хорошо, — сказал он быстро. — Договорились. Я читаю...

— Вы, главное, помните, что все это было на самом деле...

— Постараюсь помнить, — сказал доктор уже отстраненным, профессиональным тоном. — Идите пока...

Он вернулся в кабинетик минут через пятнадцать. Положил перед собой нетолстую рукопись, исполненную определенно на компьютере. Ну да, Себастьян Ян, «Самый далекий берег», фанта-

стический роман; в конец заглядывать не будем, и наугад листать не будем, а будем читать так, как того и заслуживает фантастический роман, — с первой страницы... так, вот тут «Кириянов», и тут, он не от первого лица свой пресловутый дневник писал, а от третьего... но это, в конце концов, ни о чем еще не говорит, просто творческий метод такой... Итак, что у нас? Чему меня призывают безоговорочно верить? «Они ехали в аэропорт знакомой дорогой, и по бокам мелькали то пологие холмы, то деревни...» Ну, пока что верить можно каждому слову. Нет ничего удивительного в том, что человек ехал в аэропорт знакомой дорогой. По бокам таковой и в самом деле то пологие холмы, то деревни. Пока что всему верится...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕРНЫЕ ПОГОНЫ

Они ехали в аэропорт знакомой дорогой, и по бокам мелькали то пологие холмы, то деревни, и потрепанный узик защитного цвета шел чересчур уж ходко для армейского ветерана — гладко и плавно, без скрипа и дребезжания, невероятно ровно рокоча мотором, без особого труда обходя по крайней левой навороченные иномарки. Водитель был неплох, Кириянов это должным образом оценил, а впрочем, и машина хороша, остается стойкое впечатление, что это персональный генеральский экипаж, ухоженный и перебранный вручную до последнего винтика, да и мотор, очень может оказаться, форсированный. Ничутьки не походит на обычную разгонную тачку, склепанную на общем конвейере и доверенную пер-

вогодку, у которого руки растут из пятой точки... Ничего похожего.

Ему нравилась и машина, и манера езды молчаливого водителя (вовсе не напоминавшего того самого первогодка), но сидел он насупясь. Он был откровенно недоволен собой. Не понимал, как могло *такое* случиться...

Военные сборы, долг и обязанности — это понятно. Особенно человеку, семнадцать лет оттрубившему пусть и не в армии, а в пожарной охране — тоже, знаете ли, не запорожская вольница и не дом отдыха профсоюза работников легкой промышленности. И все же, все же...

Он как-никак был не сержантом запаса, а подполковником, занимавшим немаленькую должность в городской «пожарке». Он умел выполнять приказы, но и цену себе, подполковнику, знал, умел за себя постоять, где дипломатией, а где и легким обнажением клыков. Прекрасно понимал, что занимает на некой невидимой *лесенке* отнюдь не нижнюю ступеньку, а это уже подразумевает нешуточное умение отстаивать собственное достоинство.

Отчего же он, когда приперся этот прапорщик с повесткой (военные сборы, в течение двух часов прибыть с подателем сего), поплелся следом покорно и тупо, словно неразумный щенок на веревочке? Без особого внутреннего сопротивления согласился, что так и не заедет домой попрощаться с женой и детьми, что уедет с прапором как есть, в чем был, что никому ничего не скажет — все, мол, улажено, оговорено и утрясено, и есть еще такая штука, как военная тайна...

Словно арестованный на пятнадцать суток бомжик, честное слово! Эта тупая покорность была совершенно не в его характере — особенно в той части, что касалась прощания с семьей. И тем не менее... Ну наваждение какое-то, право слово! Буд-

то этот рослый прапор, корректный, невозмутимый и вежливый, был не только прапором, но еще и колдуном и каким-то чудом лишил всякой собственной воли. Колдун, гипноз... Ну и чушь лезет в голову!

Кирьянов злился на себя — и уныло осознавал, что и эта злость была какой-то дохленькой, вялой, словно бы не настоящей. Как будто его лишили не только воли, но и особо сильных эмоций. Состояние было странное, очень непривычное, быть может, пугающее — но и страх этот опять-таки вялый, дохлый...

Рядом пошевелился прапорщик Шибко — наградил же Господь фамилией! — повернул к соседу гладко выбритую физиономию, классическую ряшку образцового солдатики с казарменного плаката — в меру одухотворенную знанием устава, в меру смазливую, в меру мужественную. Усмехнулся:

— Сердитесь, товарищ подполковник?

— С чего бы вдруг? — ответил Кирьянов тоном, который старательно пытался сделать нейтральным, но не мог определить, насколько это удалось.

— Сердитесь, — убежденно сказал прапорщик. — Только я тут ни при чем, честное слово. Прапорщик — он всегда ни при чем и всегда при ком-то... Мне поручили — я исполнил. От и до, от сих и до сих...

— Значит, все-таки Чечня?

— Да ну, с чего вы взяли? Скажете тоже... Тихое местечко, не сойти мне с этого места, не дослужиться мне до старшего прапорщика. Покой и безветрие, тишина и симметрия... И никаких боевых.

— А зачем там пожарный?

— Там же кислород, — сказал прапорщик Шибко.

— В баллонах?

— Нет, в атмосфере, — ответил прапорщик без тени улыбки. — В надлежащей пропорции. А если имеется кислород в надлежащей пропорции, теоретически в любой момент и в любом месте может произойти непредсказуемое окисление кислорода, именуемое в просторечии загоранием. Или, как правильно, возгоранием? Отсюда логически проистекает необходимость в присутствии пожарного. Убедительно?

— Весьма, — сказал Кирьянов ему в тон. — Вы, часом, не философский кончали?

— Бог миловал, — сказал прапорщик Шибко. — Ничего я не кончал. Если и кончал, то не «что», а «где». На бабе. Простите солдафона за хамские каламбурчики, уж каков есть... Вася, давай прямиком в ворота.

— А то я не знаю... — проворчал под нос водитель Вася, почти такой же рослый и широкоплечий, со столь же плакатной физиономией отличника боевой и политической подготовки.

И недрогнувшей рукой направил машину прямо на серые высокие ворота в высоченной бетонной стене — не снижая скорости, небрежно держа руль одной правой.

Кирьянов невольно зажмурился, открыл глаза, дернулся было — но в следующий миг, когда меж радиатором уазика и крашенным в серое железом оставалось не более полуметра, ворота проворно распахнулись, словно двери с фотозлементом в московском аэропорту, и машина пролетела внутрь.

— Шуткуешь, Васючок, — недольно сказал Шибко. — Если какой попутчик, не ровен час, обкакается — не сносить тебе буйной головы... Гарантом буду, загоню в самую гнусную дыру, какая только сыщется. Вы как, товарищ подполковник?

— Не дождетесь, — сердито сказал Кирьянов.
— Молодой он еще. Выпендривается.
— Я понимаю.
— Вот и ладушки. Вася, давай к ангару.
— А то я не знаю... — проворчал водитель, круто поворачивая влево.

Они неслись по бетонке, расчерченной на аккуратные огромные квадраты, далеко огибая стоявшие стройной шеренгой разнокалиберные самолеты, в сторону низких обширных ангаров, где Кирьянов, летавший из аэропорта раз сто, ни разу не бывал, как и любой из пассажиров, знакомых лишь с немудрящим маршрутом «накопитель — трап». Несмотря на дурное настроение, ему стало по-настоящему любопытно — всегда интересно, когда знакомое место открывается с неожиданной стороны и ты оказываешься там, где посторонним вход воспрещен...

— Сигнал! — менторским тоном напомнил Шибко.

— Да знаю я...

— Мы уже где? — В голосе Шибко звенел металл.

— В зоне...

— Тогда?

— Есть — сигнал! — уже ничуть не придуриваясь, вполне уставным тоном рявкнул Вася, посуровев плакатной физиономией.

И одним пальцем перекинул вверх какой-то тумблерчик справа. Кирьянов ожидал воя сирены, какого-то иного звука, но ровным счетом ничего не последовало, что ничуть не озаботило ни прапорщика, ни водителя. А значит, некий сигнал все-таки был, неслышимый и невидимый.

Машина, не снижая скорости, как давеча перед воротами, неслась прямо к стене огромного ангара — серой, гофрированной, тускло поблески-

вавшей. На сей раз Кирьянов сохранял полнейшую невозмутимость и правильно сделал: вновь в последний миг с поразительной быстротой разъехались в стороны две серые полосы, уазик проскочил внутрь, замер в лихом развороте без малейшего скрипа или писка тормозных колодок — положительно, генеральская тачка...

Вася выключил зажигание, откинулся на спинку сиденья с видом расслабленным и равнодушным. Кирьянов откровенно огляделся, но вылезать не спешил, равняясь на прапорщика. Не хотелось унижать себя лишней суетой, он и так пока что представления не имел, куда его везут и чего от этих сборов следует ожидать.

Машина стояла в огромном зале — в длину и ширину метров не менее ста. Металлические перекрытия под потолком, голые стены, гирлянды погашенных ламп, какие-то полосы и стрелы на дырчатом железном полу, белые, синие и желтые. Дневной свет проникал внутрь сквозь окна под самым потолком, больше похожие на амбразуры, но его было достаточно, чтобы рассмотреть: огромный ангар пуст, если не считать их уазика, а также «ГАЗ-66» со стандартным армейским кузовом-будкой и черной «Волги» с местными номерами. Обе машины разместились чуть поодаль, и людей возле них не видно.

Потом они появились, двое, из неприметной серой двери в дальнем углу ангара, уверенно направились к «Волге». Ну конечно, именно к чернолаковой «Волге» последней престижной модели, а не к прозаическому работяге «газону» должны были направиться *такие* двое — неуловимо схожие сытостью, гладковыбритостью, вальяжностью лиц, несомненные начальники средней руки, этикие цивильные полковники, а то и генерал-майоры, в дорогих костюмах, при галстуках и кожаных папках.

Один уселся за руль, другой устроился рядом с ним по неистребимой привычке советского чиновничества, свято полагавшего, что самое почетное место в машине как раз обок водителя, хоть весь мир испокон веков придерживался на сей счет противоположного мнения. Мягко мурлыкнул двигатель, и тут же, словно подсмотрев и подслушав, откуда-то из-под высоченного потолка динамик сообщил приятным женским голосом:

— Машина два-пять-три, проезжайте на стартовую.

И тут же в стене распахнулись ворота, куда «Волга» въехала неспешно и плавно — судя по уверенности сидевшего за рулем, этот путь он проделывал не впервые. Прежде чем створки сошлись, Кирьянов успел разглядеть за ними переплетение каких-то оранжевых труб и концентрические желтые круги на полу.

Кирьянов сидел неподвижно. Коли уж сложилось так, что пришлось подчиняться прапорщику да вдобавок *чужому*, не следовало терять лицо, суетиться, задавать вопросы. Достаточно и того, что подполковник, пребывавший в своей системе на приличной должности, плелся за этим Шибко, как тот щенок на веревочке, так и не возразив ни разу в ответ на навязанные без его хотения правила непонятной игры...

— Ну, славяне, двинулись, — сказал Шибко, выскакивая из машины и делая пару шагов в сторону той самой двери. — Чего попу просиживать?

В нем появилось нечто новое — свойственное *странникам* нетерпение, то самое, что заставляет путника нетерпеливо толкаться на трапе самолета или в коридоре вагона, как будто от этого поезд или самолет уйдут раньше расписания. Кирьянов размашисто шагал следом, охваченный тем же нетерпением — чем быстрее они доберутся до

цели, тем меньше загадок и недомолвок останется... Вася флегматично топтал в арьергарде.

За дверью прямо-таки ударила в глаза неправдоподобная, невероятная в сибирском аэропорту белизна. Стены выложены кафелем, а пол керамической плиткой, и все это сияло так, словно каждые пять минут по морскому хронометру из потайных ходов выскакивала орда помешанных на чистоте уборщиц, наводила *неописуемый* лоск и вновь скрывалась в своем убежище, нетерпеливо ожидая, когда закончится очередной краткий миг безделья. Высокое зеркало сперва было буквально невидимо и, если бы в нем не отражались они трое, вполне могло сойти за проем в соседнее помещение.

Прямо перед ними оказался десяток — а может, целая дюжина — белоснежных дверей. Над каждой горел огонек — где зеленый, где красный.

— Идите в любую дверь с зеленым огоньком, — сказал Шибко Кирьянову с прежней холодной корректностью. — Это душевые. Там, внутри, речевой автомат, выполняйте, пожалуйста, все его просьбы.

И подождал, когда Кирьянов зайдет внутрь, хотя ему, видно было, не терпится шмыгнуть в соседнюю кабину.

Кирьянов закрыл дверь на кругленькую никелированную щеколду, огляделся растерянно. Квадратная комнатка метра три на четыре была пуста, если не считать неяркой лампы на потолке, пуста, как лунная поверхность, тот же кафель на стенах, та же плитка на полу, белоснежный потолок, и ничего более...

Неизвестно откуда — то ли сверху, то ли сбоку, а очень может оказаться, что со всех сторон сразу, — послышался приятный женский голос, вроде бы тот же самый, что приглашал «Волгу» проехать в соседний отсек:

— После принятия душа вы получите совершенно новую одежду. Ваша старая одежда будет храниться на складе в ожидании вашего возвращения. Поэтому выньте, пожалуйста, из карманов все, что вы считаете нужным взять с собой, и положите в лоток справа от вас.

Вышеозначенный лоток совершенно бесшумно в мгновение ока выдвинулся из стены, одна из плиток оказалась торцевой стенкой белоснежной, чистейшей внутри коробки.

Не мудрствуя лукаво, Кирьянов попросту вывернул поочередно все до единого карманы и все, что в них нашлось, сложил в коробку. Связка ключей громко брякнула, и он, отчего-то смутившись, застыл на миг в неловкой позе.

Женский голос сообщил:

— Убедитесь, пожалуйста, что вы ничего не забыли. В случае, если вам нечего более положить в лоток, скажите: «Семь».

Кирьянов убедился. И негромко сказал:

— Семь.

Лоток столь же мгновенно втянулся в стену, не осталось ни малейшего зазора. Голос продолжал:

— Пожалуйста, снимите абсолютно всю вашу одежду и сложите вещи внутрь очерченного синей линией круга.

«Это куда же?» — удивился было Кирьянов, но справа от него, прямо на керамических плитах, и в самом деле возникла синяя окружность диаметром метра полтора. Непонятно было, что это за линия, чем начерчена — если краска, то как она возникла в секунду, а если свет, то где источник?

Сердито фыркнув от полнейшей невозможности понять фокус, он принялся раздеваться, складывая все в центр круга. Оставшись в немудреном наряде Адама, неловко переступил с ноги на ногу — последний раз ванну он принимал не

далее как сегодня утром, но все равно посреди этой стерильной белизны даже чисто вымытое человеческое тело поневоле представлялось шма-том грязи на белой скатерти.

Прошло не менее минуты, прежде чем голос зазвучал:

— Пожалуйста, не вступайте в пределы очер-ченного синим круга.

Хлоп!

Кириянов форменным образом выпучил глаза.

Он не уловил ни движения, не услышал звуков. Нечто произошло бесшумно и столь молниенос-но, что человеческий глаз оказался к этому не готов: что-то мелькнуло, и на полу не стало ни вещей, ни синего круга...

Он выругался про себя — ничего другого про-сто не оставалось.

— Пройдите в центр начерченного красным круга.

Помянутый круг уже алел у стены. Ну что тут было делать? Кириянов прошел, куда приказывали, встал в центре, а голос деловито настав-лял:

— Пожалуйста, закройте глаза и примите сво-бодную позу. Не трогайтесь с места, не меняйте позы, не открывайте глаз до дальнейших указа-ний.

Он зажмурился и опустил руки, расслабив все мускулы, какие смог.

Сверху обрушился странный, ни на что не по-хожий поток — то ли струи нежнейшей пены, то ли ливень теплой воды, перемешанной с дунове-нием прохладного ветерка. Это было странно и дико, но он был не в силах отделаться от ощу-щения, что загадочный поток пронизывал его *на-сквозь*, от макушки до пят, не обтекал, а верти-кально пронизал сквозь легкие и печеньку, кости и мозг... Кириянов так и не успел понять, приятное

это ощущение или совсем наоборот — так быстро оно исчезло.

Женский голос:

— Процедура закончена, можете открыть глаза и одеваться. Всего вам наилучшего.

Красного круга уже не было — один белоснежный кафель. Дальнейшее загадок не являло — лоток с его мелочовкой вновь появился из стены, а из открывшегося в стене проема размером с дверь платяного шкафа выехали вешалка с мундиром и лоток, где рядом с черными начищенными туфлями лежала фуражка.

Кирьянов задумчиво покрутил головой. *Теперь* он был совершенно уверен, что это не Чечня — ну к чему перед полетом за Терек такие вот душевые? Ох, эта душевая...

Он слышал о чем-то подобном за семнадцать лет службы — не столь технически совершенном, но как раз подобном. Современный санпропускник, дезинфекция, обработка... всегда связанная с атомными секретами или чем-то похожим. А что, логично. Атомный объект и опытный пожарный — вполне возможное сочетание...

На миг ему стало... нет, не страшно, просто не по себе. Вспомнил все, что было наворочено вокруг Чернобыля в свое время и какими оттуда возвращались ликвидаторы, еще ни черта о себе не зная...

Стоп, стоп! Не стоит паниковать раньше времени. Логично было бы ожидать суперспецдуша перед самым входом на некий засекреченный объект, связанный то ли с мирным, то ли с военным атомом или еще чем-то не менее душевредным, но ведь они пока что в аэропорту и никуда еще не летят. А в то, что под летным полем аэропорта и расположено, оказывается, хранилище чего-то жуткого, уж позвольте не поверить, поскольку это из разряда кинотрилогии о Фантомасе...

Та-ак, а это как прикажете понимать?

Снявши с никелированной вешалки китель, Кирьянов уставился на него в тягостном недоумении.

Это был самый обыкновенный офицерский китель нового образца, покроем, цветом и материалом неотличимый от его собственного, только что пропавшего неведомо куда из синего круга. Вот только погоны были совершенно неправильные. Черные, несомненно, офицерские, однако три золотистых просвета располагались на них поперек, в подражание сержантским лычкам, хоть и были, конечно же, именно просветами, а не лычками. И на среднем просвете красовался странный металлический цветок, золотистый. На другом погоне в точности та же картина...

Воровато оглядевшись, Кирьянов поскреб цветок ногтем. Точно, металл. Он не силен был в ботанике и потому не смог определить, что это за цветок — то ли экзотический из дальних стран, то ли какой-нибудь прозаический вьюнок, никак не достойный Красной книги. Шесть лепестков, усики тычинок... Металл хороший, качественный, уж точно не алюминий... но ведь и не золото, хотя похоже по цвету и характерному маслянистому блеску. Никак не золото. Неоткуда взяться в современной армии такой роскоши...

Нашивка на левом рукаве была *правильная* — привычной формы, с надписью сверху «Россия», а внизу — «Вооруженные силы». Вот только меж этими двумя надписями помещалось нечто столь же загадочное — черный прямоугольник с золотой каймой и восьмиконечной звездой посередине: четыре лучика подлиннее, четыре покороче. Чуть похожа на эмчезовскую, но там другая... А на правом рукаве...

А на правом рукаве, на щитке дотоль же *правильном*, — снова непонятная эмблема. На черном

фоне большая золотая буква «С», окруженная кольцом из маленьких золотых звездочек, причем лучей на каждой уже имелось не менее дюжины. Кирьянов зачем-то старательно сосчитал их, тыкая пальцем: четырнадцать.

И, наконец, эмблемы рода войск на лацканах... Щитки золотого цвета с выпуклым изображением старинной пожарной каски. С одной стороны, ничего загадочного, старинная пожарная каска, и не более того, с другой же... Мрак и туман.

Какая-то своя логика во всем этом, безусловно, была. Вполне подходящие для пожарного эмблемы... однако ж остальное?!

Во всем, что касается форменной одежды — не важно, армейской, милицейской или железнодорожной, — царит устойчивый порядок. Малейшие изменения, от эмблем до кантов, не сваливаются как снег на голову и не возникают с бухты-барахты. Еще до того, как случатся реформы и мундир изменится пусть даже на одну пуговицу или хлястик, сверху, из инстанций приходят подробнейшие циркуляры с детальным описанием изменений. Если старая звездочка имела пять лучей и располагалась в десяти миллиметрах от нижнего края погона, а новую решено сделать восьмиконечной и разместить уже в восьми миллиметрах от того же края, то все это будет описано чуть ли не на странице самым косноязычным и суконным канцелярским жаргоном.

Но *этакие* погоны? Мир перевернулся, не иначе...

Фуражка была правильная. Кокарда — неправильная. В веночке из золотых листьев на черном эмалированном кружочке — нечто, напоминающее золотое стилизованное солнце, каким оно бывает в иных мультиках.

Однако на этом неправильности кончились. Все остальное, от пуговиц на рубашке и шнурков, было привычным по виду.

Пришлось облачаться — а что еще прикажете делать? Все сидит идеально, словно на него шито... Поскольку голос молчал, можно было со спокойной совестью покинуть странную душевую, что он и сделал.

В «предбаннике» не обнаружилось ни прапорщика Шибко, ни Васи — зато у противоположной от зеркала стены стояли кружком человек шесть мужиков в такой же униформе, какой только что благодетельствовали его. Хватило одного взгляда, чтобы сообразить: *эта* картина ему знакома и никаких загадок не таит...

Один держал литровую бутылку розового итальянского вермута и проворно, с большой сноровкой и нешуточным опытом разливал в протянутые пластиковые стаканчики. Другой, отставив уже полный стакан на белоснежную полочку (прямо-таки оскверняя ее таким украшением), шумно ломал на дольки огромную импортную шоколадку. Они держались совершенно непринужденно — примерно его ровесники, высокие и пониже, широкоплечие и пощуплее, чувствовали себя здесь как дома, ничуть не угнетенные больничной белизной, вот именно, такая знакомая картина: мужики в погонах, привычно разливавшие то ли за отлет, то ли за прилет, судя по репликам и общей непринужденности, сыгранная команда, старые служаки, профессионалы в чем-то, ему пока неизвестном. На погонах у одного — совершенно та же картина, что у Кирьянова, а у другого — два цветка на просветах при пустом среднем, у третьего — по цветку на каждом просвете, и у одного — просветы пересекают погон крест-накрест, причем не наблюдается ни единого цветка. А еще один...

Кирьянов торопливо отвел взгляд — согласно всем писаным и неписаным этикетам не стоило так откровенно пялиться на страшного калеку. Уставился в стену. Но изуродованное лицо стояло перед глазами.

Он был пожарным и знал, что огонь порой может сотворить с человеческим лицом. Однако *такого* даже ему, с его опытом и стажем, видеть не приходилось...

Один бог ведает, как обожженного угораздило... Ни единого волоса на лице и голове, кожа приобрела насыщенно-багровый цвет вареной креветки, по лысому черепу змеились странные низкие валики, идеально ровные; маленькие уши стояли перпендикулярно вискам, худая шея вытянута вдвое длиннее, чем у здорового человека, рот совершенно безгубый, напоминает разрез, руки не руки, а суставчатые клешни того же креветочно-вареного колера...

Калека стоял как ни в чем не бывало, держал быстро наполнявшийся стакан, и гримаса на его ужасном лице была, несомненно, беззаботной улыбкой. Молодец, мужик, как бы безжалостно жизнь с ним ни обошлась, он, надо полагать, притерпелся, и те, кто с ним, молодцы, непринужденно держатся, ни единым жестом, ни единым взглядом не выказывая, что он — иной, искалеченный до жуткого уродства... Нет, но это в какую ж передрягу надо попасть, чтобы... И он ведь остается в *рядах* — на нем точно такая же форма, по два цветка на погонах, ничуть на военного пенсионера не похож...

Кирьянов стоял, старательно глядя в стену. Неподалеку весело гомонили, хрустя после первой шоколадом.

— Ага, — сказал над ухом прапорщик Шибко. — Ну вот, совсем другой коленкор... Вам идет.

На нем была такая же форма, только на погонах не было просветов — лишь золотой цветок

посерединке. Погоны ухмылявшегося Васи были декорированы и того скромнее: одиноким серебряным просветом, разместившимся, конечно же, поперек.

Не дожидаясь вопросов, Шибко сказал как ни в чем не бывало:

— Чтоб вы знали... Вэчэ засекреченная, до невероятной степени. Настолько, что в нашей системе звания *свои*. Что нашло отражение на погонах.

— Очень мило, — сказал Кирьянов нейтральным тоном. — И кто же я теперь, не соблаговолите объяснить? Штаб-брандмайор какой-нибудь?

— Почти, — сказал Шибко, ухмыляясь. — Обер-поручик, если вам любопытно. Система проста, в минуту запомните. Офицерские звания начинаются с трех просветов, с поручика. Обер-поручик — это вы и есть. Между прочим, вы хорошо начинаете. Обычно новичкам дают самый первый чин... Ну, вот. Два цвета — капитан. Три — старший капитан. Просветы крест-накрест, как у того вон бороды, — майор. Просветы крест-накрест и цветок — флаг-майор. В момент разберетесь.

— А подполковников у вас что, не имеется?

— Бог миловал, — ухмыльнулся Вася.

— Подполковников в нашей системе не существует, — серьезно подтвердил Шибко. — И, по моему глубокому убеждению, совершенно правильно. Глупый какой-то чин, вернее, название. Где вы видели поддоцента или подминистра? У нас по-другому. Полковничий чин разделен на четыре степени, по восходящей: вице-полковник, штаб-полковник, штандарт-полковник и гран-полковник. Ну, а далее, в эмпиреях и звездной выси, разумеется, генералы, поскольку без генералов ни одна обмундированная система не в состоянии обойтись...

— А вы по этой системе кто? — поинтересовался Кирьянов, глядя на одинокий цветок посреди черного погона. — По-моему, уж никак не генерал...

— Ага, — сказал Шибко. — Я так и есть — прапорщик. А Вася, если уж мы всерьез занялись курсом молодого бойца, унтер-мастер. Водиле, по-моему, вполне достаточно, хотя у Васючка, безусловно, есть на этот счет свое мнение — но хрен я ему позволю умничать... Идемте?

— Подождите, а эта буква?

— «Эс»? Что два пальца... «С» — это Структура. Очень удачное название, раньше были несколько других, но как-то не прижились. Структура — это качество, присущее всему на свете, без исключения, я имею в виду любому упорядоченному процессу, предмету или организму. У энергетических полей Вселенной, у камня, у человека, у государственного аппарата, у листа и раковины — у всего, чего ни возьми, есть структура...

Компания в углу покончила с вермутом, и тот самый бородатый майор, небрежно собрав стаканчики в пригоршни, швырнул их вместе с бутылкой в угол. Кирьянов ожидал услышать звук бьющегося стекла и увидеть осколки, но произошло то же самое, что давеча с его старой одеждой в душевой: в углу что-то *мелькнуло*, и мусор мгновенно исчез. Перехватив взгляд Кирьянова, бородатый ухарски ему подмигнул и первым вышел. Следом потянулись остальные, и Кирьянов вновь торопливо отвел глаза, чтобы не паяльаться на обожженного калеку.

— А это допускается? — спросил Кирьянов, кивнув в сторону опустевшего, безукоризненно белоснежного угла.

— Здесь не казарма, — сказал Шибко. — Здесь перевалочный пункт, где иные вольности в не-

большом объеме допустимы. Вы человек давнешенько опогоненный, а потому встречались со схожими тонкостями, а? Ну ладно, пойдемте. Пора.

Как раз когда они вернулись в ангар, «шестьдесят шестой» въезжал в распахнутые ворота загадочной стартовой. Ворота тут же сомкнулись непроницаемой преградой, но ненадолго — едва они успели рассестись в уазике, как женский голос объявил:

— Машина семь-три-семь, проезжайте на стартовую.

Ворота раздвинулись, и Вася вмиг загнал туда машину, охваченный тем же легоньким нетерпением, что и Шибко.

Кириянов растерянно озирался.

Весь пол квадратного помещения, метров пятнадцать на пятнадцать, покрывали желтые концентрические круги, пересеченные крест-накрест прямыми линиями, отчего рисунок как две капли воды походил на исполинскую мишень. Вася проехал в самый центр, в «яблочко», заглушил двигатель и с тем же ленивым видом откинулся на спинку.

Кириянов вертел головой, уже не заботясь о сохранении лица. Все четыре стены, от пола до потолка, были закрыты конструкциями из переплетенных оранжевых труб, отстоящими от серой гофрированной облицовки не менее чем на метр. Эти прихотливые переплетения казались монолитными, как кирпичная кладка, и совершенно непонятно было, куда девались все предшествующие машины. Некуда им было отсюда деваться, разве что в полу имелся люк...

— Семеныч! — рывкнул Шибко, приоткрыв дверцу со своей стороны. — Твою мать, шевелись! Опять с бодуна? Достанешь ты меня, в гаранты загоню, декадент хренов!

Из невеликой будочки, притулившейся впритык к оранжевым конструкциям у одной из стен, появился мужик лет пятидесяти, седоватый и медлительный. Он виновато ухмыльнулся, утер рот тыльной стороной ладони, пожал плечами. На нем красовался китель с такими же эмблемами загадочной Структуры и тремя серебряными просветами на погонах — вот только мятый, жеваный, с видневшимися там и сям темными пятнами.

Шибко погрозил ему кулаком. Мужик, делая выразительные жесты, долженствующие, вероятно, означать смирение, раскаяние и трудовой энтузиазм, взялся за блестящий рубильник на стенке будочки и рванул его вниз.

И ничего не стало вокруг. Совершенно ничего.

Кириянова окутала непроницаемая тьма, пронизанная тоненьким зудящим звоном явно механического происхождения.

И тут же рассеялась, но лучше от этого не стало, наоборот...

Потому что узик стоял под открытым небом, на необозримой равнине. Справа равнина тянулась до далекого горизонта, а слева упиралась в скопище округлых холмов — одни повыше, другие пониже, и там, примерно в километре от машины, виднелись несколько зданий и над головой безмятежно светило солнце.

Вот только небосклон был не голубой, а зеленый, приятного для глаз цвета молодой весенней травы, и растения, колыхавшиеся волнами под редкими порывами теплого ветерка, были разных оттенков желтого, от палевого до соломенного, усеянные фиолетовыми и розовыми гроздьями, пахшими понятно и незнакомо...

И все это было на самом деле — неправильное небо, неправильные заросли неизвестной травы, сквозь которые вела прозаическая колея — глубокая, доезженная...

— Ну что, внесем ясность? — спросил прапорщик Шибко, откровенно ухмыляясь. — В общем, это другая планета. Говоря по правде, это другая звездная система. А если уж совсем откровенно, это другая Галактика...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗВЕЗДНЫЕ ГРОМИЛЫ, ГАЛАКТИЧЕСКИЕ РЕЙНДЖЕРЫ

— Ну что тянуть паузу? — спросил Шибко. — Не в погорелом театре, право... Валерьянки? Водочки? Вы не стесняйтесь, дело житейское. Некоторые, случалось, и в истерике бились — нормальные мужики, с отличной анкетой, иные по дюжине «горячих точек» прошли без особых последствий для психики... Это не иллюзия, это другая Галактика.

— С места мне не сойти, — поддакнул Вася. — Гарантом буду..

Кириянов, двигаясь скупой и размеренной походкой, как примитивный автомат, распахнул дверцу. Дверца издала привычный скрипучий звук, она была тяжелая, металлическая, реальная, и окружающее предоставляло столько разнообразнейших ощущений, что никак не могло оказаться галлюцинацией или сном. Земля под ногами тоже была реальная, не сухая и не влажная, покрытая сплошным ковром желтеньких былинки высотой с палец, зарослями высоких, по пояс, желтых растений. Розовые и фиолетовые гроздья, как и следовало ожидать, оказались цветами, крохотными, с невесомо-ценными тончайшими лепестками.

Он протянул руку, с некоторой опаской коснулся ближайшего стебля. Пальцы ощутили не

высохший, пожухший, осенний, как следовало бы ожидать по цвету, а живой, сочный стебель.

— Он не кусается, — сказал рядом Шибко. — Трава как трава, только желтая. Что-то там в ней другое вместо хлорофилла. Всего делов. Значит, ни валерьянки, ни водочки? Хвалю. Психика устойчивая. Такие нам надобны.

— Но как...

— Объясняю примитивно, но исчерпывающе, — сказал прапорщик Шибко. — Вселенная населена, как коммунальная квартира. Вселенная объединена Галактическим Содружеством давно, надежно и прочно. Вот только одни планеты являются полноправными членами Содружества, а другие именуются опекаемыми. Население первых поголовно осведомлено о состоянии дел, население вторых пребывает в полнейшем неведении, за исключением отдельных групп — как легко догадаться, стопроцентно засекреченных. В случае старушки-Земли эти группы именуются Структурой — что в России, что в Штатах, что в Швейцарии, равно как и в прочих странах, подразделениями Структуры охваченных, — уточню, что есть и неохваченные. Впрочем, насколько мне известно, во всех прочих уголках Галактики свои, местные названия являются аналогом умного понятия структура. Универсальное понятие, оттого и прижилось... Я не слишком академичен?

— Да что вы, — медленно сказал Кирьянов. — Ничего подобного... — Он так и стоял возле машины, уставясь на протянувшуюся до горизонта равнину. Самое смешное и удивительное, он не чувствовал особого ошеломления. Во-первых, для давнего и преданного любителя фантастики ситуация не явилась таким уж потрясением основ — поскольку сто раз прокручивалась в теории.

Во-вторых же... Вокруг не наблюдалось ничего, способного ошеломить, подавить, поразить

инакостью. Небо оказалось не голубое, а зеленое — и только. Трава была как трава, цветы как цветы. Ни пресловутых инопланетян самого диковинного облика, ни экзотических ландшафтов. Странно, но где-то в самых глубинах души даже тлеело нечто похожее на разочарование... Похмельный мужик возле заветного рубильника, обыденный уазик...

— Значит, вот так... — протянул он, сам не вполне понимая, что имеет в виду.

— Ну да, — сказал Шибко безмятежно. — Проще пареной репы. Всего-то — устав внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации, утвержденный указом президента означенной Федерации от четырнадцатого декабря девяносто третьего года. Часть первая, глава первая, пункт двадцать первый. Военнослужащие при нахождении на боевом дежурстве, в скобках, — боевой службе, в суточном и гарнизонном нарядах, а также привлекаемые для ликвидации последствий стихийных бедствий и в других чрезвычайных обстоятельствах выполняют специальные обязанности. Вот вам железная правовая база. Вы, сокол мой, военнослужащий запаса, присягу принимали. Посему и привлечены перед лицом «других чрезвычайных обстоятельств». Что у нас далее, не помните? Эх, вы... — Он протянул, налегая на «о». — А устав для солдата... Эти обязанности и порядок их выполнения устанавливаются законодательными актами, общевоинскими уставами Вооруженных сил Российской Федерации и другими правовыми актами, разрабатываемыми на их основе, и носят, как правило, временный характер. Могу заверить, что правовых актов существует целая охапка — вот только они, как легко догадаться, засекречены невероятным образом, но незнание закона в данном случае не освобождает от обязанностей...

— А будь я штатским?

— Могу вас заверить, подобрали бы ключик, — мгновенно откликнулся Шибко. — Вы что же думаете, мы в *ряды* одних военных стребаем? Да ничего подобного. Сами увидите. Поехали, Васючок. Клиент на сей раз попался спокойный, не требует ни валерьянки, ни водки, не блажит в раздрызге чуйств, за лацканы не трясет... То-то ему командование лупануло сразу обер... Аллюр!

Вася включил зажигание, и узик помчался по колее к видневшимся вдалеке зданиям. Вокруг стояла безмятежная тишина, на небе ни облачка, ветерок приносит волны одуряющего запаха...

— Прелесть, а не планета, — сказал Шибко. — Верно? Бывают гораздо пакостнее или по крайней мере беспокойнее. А здесь — никаких животных, не говоря уж о разумных обитателях, только флора и энное количество насекомых. И — наша *точка*. Давайте-ка, не теряя времени, пройдем курс молодого бойца... Нас здесь всего-то человек тридцать. Команда быстрого реагирования, которую вам предстоит украсить своей персоной, с вами будет насчитывать шесть человек. Остальные — технари, связисты, оружейники, повара. Точка на планете единственная, мы и есть все население планеты. Военная дисциплина в чем-то строжайшим образом соблюдается, в чем-то допускает определенную долю либерализма — это специфика как Структуры, так и захолустных *точек*, вовсе не обязательно принадлежащих к Структуре. Ну, сами знаете, как это бывает. Крохотный гарнизон на периферии заранее подразумевает некоторую вольность режима и отношений внутри коллектива... некоторую, подчеркиваю. Командир наш, штандарт-полковник Зорич, в чем-то способен проявлять терпимость, но в *главном* — служака и педант. Слуга царю, отец солдатам. Сами увидите. Ну настоя-

ший полковник... Имейте это в виду. Что еще? Да ничего, пожалуй. Правила внутреннего распорядка почитаете потом, в свободной обстановке. Сначала быстренько познакомитесь с командой, потом предстанете пред грозны очи полковника... так что мне, скорбному чином, и нет нужды чесать язык зря. Одним словом, вы мужик взрослый, самостоятельный, учиться будете на ходу, благо невелика наука... Что с вами? У вас такой вид, будто вас осенило чем-то гениальным, не отходя от кассы...

— До меня только сейчас стало доходить... — протянул Кирьянов. — Этот калека, обожженный весь...

— А... Ну да, никакой это не калека. Он таким и родился. Инопланетянин, ясен пень...

— А откуда он? — жадно спросил Кирьянов.

— А хрен его знает, — пожал плечами Шибко с искренним равнодушием. — Думаете, всех упомянуть? Это поначалу вертишь головой на триста шестьдесят, а потом привыкаешь. Этого добра во Вселенной столько, что привычным людям скучно и неинтересно. Было бы еще что-то экзотическое, с ушами на пятках или солнечными батареями на ушах...

— А...

— Потом, потом, — сказал Шибко, едва ли не зевая. — Я понимаю, вопросов у вас масса, но это уже не моя компетенция. Быстренько получите возможность удовлетворить любопытство. А я, признаться, жрать хочу, из-за вас завтрак пропустил, пришлось пилить на Землю ни свет ни заря...

Машина остановилась у крыльца желто-серого здания, стоявшего вплотную к холму, до самой вершины поросшему желтыми деревьями не выше земных сосен и, в общем, отнюдь не поражавшими экзотичностью облика, как и трава.

Зданий имелось всего шесть — выглядевших вполне современными постройками, придуманными неплохим архитектором и построенными без малейшей заботы об экономии. Не было в них ни капли казарменного или хотя бы официального. Больше всего поселочек походил на престижный дорогой дом отдыха, нежели на захолустный гарнизон. Как ни озибался Кирьянов, не заметил ничего, свидетельствовавшего бы, что здесь обитают люди в погонах. Разве что два штандарта на высоких флагштоках — российский триколор и увеличенная копия черного флага с золотой звездой с нарукавной нашивки — но и это, если подумать, ни о чем еще не говорит...

— Звездолеты высматриваете? — понятно хмыкнул Шибко. — Космические крейсера, стратопланы, антенны межзвездной связи? Нету ни хрена подобного. Звездолеты — позавчерашний день, детство цивилизации; аппарат межгалактической переброски вы в ангаре видели сами...

— Ага, — сказал Кирьянов ехидно. — И дежурного при нем, бодуном страдавшего... Не сочетается как-то...

— А почему? — пожал плечами Шибко. — Для того чтобы дернуть рубильник, нет нужды держать трезвого и высокоинтеллектуального специалиста по ядерной физике или теории разомкнуто-слитых пространств. Нерационально. Вполне достаточно классического вахтера без всякого образования, с исконно русской привычкой хлобыстать по утрам холодную воду в устрашающих количествах, а на работе прятать пузырь в старом валенке в углу. Лишь бы он был опутан соответствующими подписками, проверен и управляем в *главном*... Вы привыкайте. Столько иллюзий еще рассыплется в прах и сгорит синим пламенем...

Они вышли из машины, и по ступенькам тут же скатился мохнатый коричневый комок раз-

мером с некрупную собаку, возле левого переднего колеса развернулся, выпрямился и оказался пушистым существом ростом человеку по колено, больше всего напоминавшим Чебурашку: с такой же наивно-мультишной физиономией, лохматыми лапками, огромными глазами, черными и немигающими, как у морских свинок. Вот только уши больше напоминали плюшевого медведя, нежели Чебурашку, да и все это создание как раз походило на ожившего плюшевого медведя. Оно, переваливаясь, подошло вплотную и требовательно дернуло Кирьянова за штанину над коленом.

Он на всякий случай застыл, не шевелясь. Давно уже овладел собой, самую чуточку привык к *переменам* и понимал, что эта тварюшка может оказаться кем угодно: от дворовой собачки до научного консультанта из созвездия Гончих Псов, по какой-то галактической надобности прикомандированного к гарнизону. Ужасно не хотелось попадать впросак с первых же шагов...

— Сигарету просит, зараза, — добродушно сказал Шибко. — Дайте ему зажженную, зажигать он сам так и не научился — мозги все же не профессорские и не ефрейторские даже...

Существо прилежно тянуло Кирьянова за штанину и умильно повизгивало. Пожав плечами, он вынул пачку, прикурил «Яву» и наклонился. Существо с невероятным проворством выдернуло у него сигарету тонкими черными пальчиками, едва заметными в коричневом мехе, поднесло к узенькому ротiku с нежно-розовыми губами, умело затянулось и выпустило дым с ловкостью заправского курильщика, не поперхнувшись и не закашлявшись.

— Это, извольте видеть, Чубурах, — пояснил Шибко благодушно. — Животина совершенно безмозгая, но добрая и безобидная. Привезли

ребята из очередного рейда. Без мамыши остался, сиротинушка, мог и не выжить. Соответственно, проверен через центральный информаторий и признан достойным ранга домашнего животного. Поскольку биологи заверили, что пола он мужского, назван Чубурахом. Ну а страсть к табачку... Наши орлы, дорогой обер-поручик, ухитрились напоить непьющих андромедян и ухайдокать поленом цереанского дракохруста, которого квантовые излучатели не брали. Наш солдат — он и в соседней Галактике наш солдат, аминь...

Мохнатый Чубурах старательно пускал дым, преданно уставясь на Кирьянова. Его мохнатая мордаха не была обременена эмоциями, но все равно было ясно, что инопланетная зверюшка искренне блаженствует.

— Должно же быть какое-то подобие домашнего уюта, — философски сказал Шибко, потягиваясь. — Пробовали возить собак и кошек, но не выдерживает отчего-то земная животиная других планет, чахнет, неуютно ей здесь... Чубураку будешь рад, благо забавный... Пойдемте.

Он одернул китель, поправил фуражку и энергично поднялся по ступенькам. Кирьянов шагал следом. Они оказались в чистом и пустом вестибюле, опять-таки ничуть не похожем на казарменное помещение. В углу, в керамической кадке, произрастало какое-то незнакомое растение с бледно-фиолетовым стволом и множеством бледно-синих листьев величиной с тарелку. Одна из стен покрыта мастерски выполненной мозаикой — разноцветные звездные скопления, бахромчатые полосы то ли межзвездного газа, то ли выхлопов из звездолетных дюз, завихрения и спирали... Космические мотивы, в общем, вполне уместные именно здесь.

— Сюда, — показал Шибко.

Он легко, упруго взбежал по лестнице, широкой, чистой и светлой, на площадку второго этажа, распахнул первую же дверь и пропустил Кирьянова вперед, ободряюще подтолкнув в плечо, негромко напутствовав со смешком:

— Смелее, не съедят, народ у нас мирный...

Кирьянов вошел, сделал пару шагов и остановился посреди пустоватой комнаты, где на мягких стульях сидели несколько человек в форменных рубашках, при галстуках и черных погонах с соответствующими знаками различия. Откровенно осмотрел их, поворачивая голову справа налево и удивился про себя.

Он ожидал увидеть кого-нибудь вроде тех, кто в компании загадочного инопланетянина — и при его непосредственном участии — попивал импортный вермут в аэропорту. Однако сидевшие перед ним пятеро не гармонировали не только со Структурой, но и, пожалуй, друг с другом. Казалось, их попросту выдернули из людского потока в самых разных уголках страны, заботясь исключительно о количестве, словно перед исполнителями поставили задачу, кровь из носу, за пять минут набрать требуемое число...

Невысокий шуплый человечек среднеазиатского облика и непонятного возраста, как это частенько с азиатами случается. Огромный широкоплечий мужчина с былинной бородой, светлой и окладистой. Бабенка — именно бабенка — средних лет, более всего смахивавшая на классическую продавщицу из овощного ларька, пухлая и круглолицая, с волосами, варварски выкрашенными какой-то дрянью так, что черный цвет порой казался фиолетовым, стоило ей легонько повернуть голову. Еще один невысокий, но довольно полненький, в отличие от первого, не лишенный кудреватости брюнет (с явственной проседью, правда), с унылым вислым носом и печальными тем-

ными глазами. Жилистый мужчина лет сорока пяти с худым лицом — обтянутый кожей череп, короткая стрижка, цепкий взгляд, на пальцах богатейшая коллекция синих татуировок-перстней.

— Прошу любить и жаловать, — сказал за его спиной прапорщик Шибко. — Константин Степанович Кирьянов, из пожарных. Обер-поручик. Ну что, споетесь?

— А это смотря какие песенки нудить, — живо отозвался татуированный, вскочил и, сунув руки в карманы форменных брюк (чистых и отглаженных по всем правилам, отметил Кирьянов), направился к новому лицу вихляющей, нарочито расхлябанной походочкой.

Остановившись возле небольшого черного столика, рывком вырвал из кармана правую руку, поставил на лакированную крышку какую-то серебристую полусферу с тремя пупырышками наверху и коснулся ее вкрадчивым, мимолетным жестом опытного карманника.

Полусфера тихо пискнула, и над ней проворно закружили синие, желтые и красные огоньки. Зрелище казалось совершенно безобидным, никто и не шелохнулся.

— Сма-атри суда, первоходок, — хриплым шепотом проговорил «расписной». — И думай быстренько: мю-мезон в третий суперглас или в попу раз?

Он впился цепким и тяжелым взглядом, глаза стали по-настоящему страшными, *давящими*, но Кирьянов особо не беспокоился: он повидал в жизни всякого, в том числе и таких вот ухарей. К тому же плохо верилось, что даже в соседней Галактике процветают невозбранно классические зоновские «прописки». Как-то не вязалось это с обитаемой, как коммуналка, Вселенной, воинскими уставами и суровым, настоящим полковником во главе здешней «точки»...

Подумав, он сказал миролюбиво:

— Не звони попусту, обер-поручик. Сначала правила растолкуй, а потом уж карты сдавай...

— Ты кому поешь? — страшным шепотом протянул собеседник. Крашенная тетка громко сказала:

— Миша, не выживайся, не на зоне... Кому говорю? Человек как человек, люблю пожарных, они храбрые...

— Ох-ти, добренькая... — с ухмылочкой сказал «расписной», не оборачиваясь к ней. Одним движением погасил свою блистающую штучку и убрал ее в карман. — Не пидер? Не стукач? Ну, тогда заходи в хату, хата правильная... Держи краба. — Он сунул Кирьянову руку. — Мишь-ша Мухомор, урка потомственный... Держись меня, жизни научу незадорого, спасибо скажешь...

— Сядь, потомственный, — прикрикнула на него фальшивая брюнетка. — Будем знакомы, Константин Степаныч, Рая меня зовут, обер-поручик. Оч-чень приятно!

— Моя звать Жакенбаев, — сказал азиат. — Моя капитана, однако...

Невысокий брюнет встал и раскланялся:

— Кац. Абрам Соломонович Кац, старший капитан. — Он помолчал и добавил горделиво: — Жидомасон.

— В самом деле? — поинтересовался Кирьянов.

— Это я уже к тому, если вы антисемит, — сказал Кац предупредительно. — Если да, вам будет приятно подумать, что эти жидомасоны и сюда добрались, а если нет, так нет... Поскольку я тут единственный еврей, ситуация требует организовать жидомасонскую ячейку... вступить не желаете совершенно бесплатно? Нас уже тогда будет двое жидомасонов, и можно будет строить планы захвата Галактики. Вы себе обя-

зательно подумайте... А это вот, — он указал на соседа с былинной бородищей, — обер-поручик Герасим...

— Ври больше, — прогудел великан (голосище у него оказался под стать фигуре). — Трофим. Будем рады...

— Рек-корд... — сказал Миха Мухомор. — Трохвим аж пять слов подряд произнес, гарантом буду, метеоритный поток хлопбыстнет! Ну да, Трофим, а кликуха — Гёрасим, смекаешь, за что, первоходок?

— Да что ж тут непонятного, — кивнул Кирьянов.

Он не чувствовал на напряжения, ни враждебности. Все прошло нормально — новый человек появился в тесном коллективе, и его, по лицам видно, приняли, малость позубоскалив... Нормально.

— Ну, познакомиться еще успеете, — сказал Шибко. — А пока... Обер-поручик Мухортов, проводите новичка к полковнику.

К немалому удивлению Кирьянова (уже успевшего запомнить здешнюю не особенно и замысловатую систему званий), Мухомор в ответ на распоряжение младшего по званию не выказал ни малейших признаков неповиновения, наоборот, браво вскочил:

— Есть! Пошли, первоходок...

А впрочем, Кирьянов еще недостаточно ориентировался. Прапорщик здесь вполне мог оказаться выше чином поручика, кто их знает...

Они вышли в коридор, и Мухомор живо спросил:

— Точно, пожарный?

— Целый подполковник, — сказал Кирьянов вяло.

— А, ну какая разница... Обвыкнешься. Бывал я на зонах и похуже, точно тебе говорю...

— Тебя что, сюда...

— Да ну тебя, шуток не понимаешь? Нет уж, Костик, я сюда прибыл бесконвойником, что с Мишей Мухомором редко случается. Это я так, фигурально извращаясь... Не ссы, говорю, прорвемся. Жить можно. Правильная зона, точно. Если... М-мать твою чешуйчатую...

Он подтолкнул Кирьянова под локоть и показал глазами куда-то вверх. Прилежно проследив за направлением его взгляда, Кирьянов узрел наверху нечто диковинное: прямо по потолку быстро и ловко перемещалась здоровенная, чуть ли не в метр, ящерица бледно-зеленого цвета, похожая на варана. Она бравенько переступала худыми лапами с широкими присосками, и даже хвост каким-то чудом, вопреки законам гравитации, протянулся параллельно потолку.

Замерев почти над их головами, ящерица, не разевая пасти, протянула нормальным человеческим голосом:

— Честь имею приветствовать, товарищи офицеры.

И, явно не дожидаясь ответа, быстрехонько поползла дальше.

— Видал? — шепотом спросил Мухомор. — Кум, бля, Мюллер... Здешний особист. Так и ползает, зараза хвостатая, то по стенам, то по потолку, хорошо хоть, в жилуху не лезет... Натуральный особист, божусь за гаранта...

— За кого?

— За гаранта, первоходок... Гарантом буду...

— Гарант — это кто?

— Пидоров знаешь? Так гарант в сто раз хуже пидера... Честно, особист.

— А что он делает?

— А ни хрена, — фыркнул Мухомор. — Нечего ему делать, по правде-то говоря — шпионов в Галактике как-то не водится, а чепэ на этом *шарике* да-авненько не случалось... Просто

он по штату полагается, сечешь? А если уж полагается, то будет ползать, пока «точка» стоит. Или пока штат не поменяют. Полгода уже здесь тяну, и вечно он вот так: ползет себе, поздороваётся — тут ему ничего не предъявишь, вежливый, падла, — и дальше уползет. Непыльная работенка, я тебе скажу... А вообще, хрен с ним, повезло, что такой достался. *Хуманоид*, смотришь, был бы хуже, вился бы вокруг по кумовской привычке с прибауточками, в душу бы лез...

— Ну да, — понятно сказал Кирьянов. — Повезло, что у нас в соседях такой Дон...

— А я что говорю? — хмыкнул Мухомор. — Повезло, бывало и хуже... Ну вот, пришли. Заходи без стука — служебный кабинет, так положено, а если б было не положено, над косяком огонек бы горел, аленький, как цветик в сказке... Ты смотри, не *танцуй* там, наш полкан — мужик характерный, но справедливый, это я тебе говорю, Мишь-ся Мухомор, а уж я кумовьев и *хозяев* навидался...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Кирьянов так и поступил: открыл дверь, сделал три шага по направлению к темному полированному столу в форме буквы «Т», остановился по стойке «смирно» и доложил:

— Товарищ штандарт-полковник, обер-поручик Кирьянов прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Он был доволен собой — отбарабанил в лучших традициях, без запинки. Так, словно давно

уже был в Структуре своим человеком, а не услышал о ней впервые полчаса назад. Пусть знают наших, пожарного не так-то легко смутить даже Вселенной...

— Проходите, обер-поручик, — сказал хозяин кабинета, вставая. — Прошу садиться. Можете курить, если курите. Если хотите — кофе, коньяк, минеральную, не стесняйтесь...

— Нет, благодарю, — так же четко отказался Кирьянов, усаживаясь напротив своего новоявленного командира.

Кабинет был самый обыкновенный, ни единого предмета, напомнившего бы, что они находятся на другой Галактике, вообще на другой планете, не на Земле. Темные полированные панели на половину высоты стен, такой же шкаф в углу, белый интерком на столе — непривычного вида, но и его в принципе можно принять за последние изыскания японской дизайнерской мысли. Две картины: большой морской пейзаж и акварель, где изображены два офицера в старинной форме — примерно прикидывая, вторая половина девятнадцатого столетия, то бишь уже позапрошлого...

— Алексей Вадимович Зорич, штандарт-полковник, — сказал хозяин кабинета. — Начальник объекта и, как легко догадаться, ваш непосредственный начальник. Или вы придерживаетесь другого мнения?

— Простите?

— Насколько я осведомлен, вас — как и многих других, впрочем — *призвали* помимо вашего желания, верно?

— Было дело. Определение совершенно точное.

— Сейчас как раз тот момент, когда вы можете отказаться от... дальнейшего прохождения службы. Причем выразить это можете в любой форме... хотя, разумеется, не стоит доводить дело до швырянья стульями.

Кирьянов молча смотрел на него. Он понятия не имел, чем штандарт-полковник занимался до того, как попасть в Стуктуру, но несомненно одно: этот человек лет сорока, лицом чем-то неуловимо напоминавшим Наполеона (надо отдать этому Зоричу должное, было некоторое сходство), и *допреж* носил погоны. И вряд ли командовал чем-то вроде стройбата в уссурийской тайге. В нем ощущалось то, что предки именовали «породой», заставлявшее думать то ли о родителях-профессорах, то ли о предках-дворянах. Порода, точно. «*Командир*, — оценил малость поживший подполковник Кирьянов. — Это — *командир*».

— И — что? — спросил он спокойно.

— Простите? — штандарт-полковник неподражаемым жестом поднял тонкую бровь.

«Точно, профессорский сынок и профессорский внучек, — подумал Кирьянов не без легкой зависти. — Из Питера откуда-нибудь, там такие еще остались даже теперь. На Мойке вырос, мимо Медного всадника в первый класс бегал... нет, *этот* никоим образом *не бегал*, чинно ходил, как порода обязывает...»

И пояснил:

— Я имел в виду, какие будут последствия? Фантастика дает полный набор немудрящих, но эффективных вариантов: память стереть хотя бы...

— Я, да будет вам известно, ознакомился с вашим личным делом, — сказал Зорич. — Как же иначе? И могу вас заверить, что *наши* личные дела несколько отличаются от тех, к коим вы привыкли на Земле... Ваше многолетнее увлечение фантастикой там тоже отражено. Помилуйте, оберпоручик, вы думаете о Структуре не то чтобы плохо — я бы сказал, в крайне вульгарных категориях. Стереть память в принципе нетрудно... вот только зачем? Предположим, вы отказываетесь начинать службу и вас доставляют назад — в пре-

жней одежде, на прежнее место, с нетронутой памятью... И какая же опасность для Структуры отсюда проистекает? Ни малейшей, право. Неужели кто-то примет вас всерьез, если вы расскажете, что в промежутке от утра до полудня съездили мимоходом в соседнюю Галактику, где вас приглашали на службу в одно из межгалактических учреждений? Вы и в самом деле полагаете, что вам поверят? Буду с вами откровенен — за последние три года случалось семь *прорывов* — я имею в виду случаи, когда люди, оказавшиеся в таком положении, то есть доставленные сюда, отказавшиеся служить и возвращенные назад, все же прорывались со своими рассказами на страницы газет. Три случая в России, два — в Соединенных Штатах, по одному — в Чехии и Аргентине. Могу вас заверить, ни разу это не привело к каким-либо серьезным последствиям. Газеты были из разряда бульварных, к которым серьезные люди относятся без всякого доверия, доказательств не имелось ни малейших... Ну, разумеется, придется срочно убирать из аэропорта в вашем городе наш *пункт* — но это задача пары часов.хлопотно, однако не смертельно. Переживем. Гораздо хуже придется как раз вам — окружающие составят определенное мнение о состоянии вашей психики и, со своей точки зрения, будут совершенно правы. И жизнь ваша определенным образом осложнится... Вот и все, чего вы добьетесь. — Он мягко улыбнулся: — Но вам будет тяжело отнюдь не потому только, что окружающие будут считать вас сумасшедшим... Понимаете? Всю оставшуюся жизнь вы будете смотреть на звезды и знать, как обстоит *на самом деле*. Быть может, вы даже будете искать людей Структуры, чтобы попроситься назад, — такое случалось, бывали печальные прецеденты, — но никогда никого не найдете... А вы говорите —

стереть память... Есть вещи похуже. Например не стирать память...

— Знаете, что мне хотелось бы сказать...

— Что я — змий-искуситель? — усмехнулся Зорич. — Возможно, в нашей ситуации есть что-то от классической библейской... хотя лично мне такое сравнение претит, уж не посетуйте. Да, в определенном смысле я вас искушаю — но речь, не забывайте, идет не о продаже души врагу рода человеческого, а о просьбе поработать для Галактического Содружества. Это несколько меняет дело, вам не кажется?

— Пожалуй...

— Так вы согласны?

— Согласен, — сказал Кирьянов чуть сердито. — Но неужели нельзя было просто предложить...

— Не мною так заведено, простите. Так уж сложилось. Я понимаю, вы сейчас думаете о жене... Можете успокоиться. Сейчас, — он мимолетно глянул на часы, — к ней уже пришел генерал-майор. Именно так, не полковник, а генерал-майор, это гораздо более впечатляет. Крайне авантажный и внушительный генерал, с горделивой осанкой, красивой проседью, внушающим доверие лицом и обходительнейшей манерой держаться. Он рассказал вашей супруге, что именно вам, так уж сложилось, выпала высокая честь налаживать новую систему пожарной безопасности в вашем посольстве в Вашингтоне... или, пожалуй, все же в Сиднее или Дели... Главное, очень далеко. Вас отобрали из превеликого множества других кандидатов, именно вас... какая жена не будет гордиться? Дети у вас уже взрослые, живут отдельно, с ними еще проще... Будете писать письма, отправлять деньги... ну как же вы думали? Все, кто служит в Структуре, получает жалованье, которое вас приятно удивит. Вот, извольте просмотреть ведомость, первая цифра — оклад содержания обер-

поручика, а последующие — разнообразные надбавки... Оцените общий итог. Я вижу, у вас, несмотря на старательные попытки сохранять невозмутимость, отвисла челюсть...

— А это *настоящие* деньги? — через силу усмехнулся Кирьянов, и в самом деле испытывая желание подправить отвисавшую челюсть всей пятерней.

Общий итог и в самом деле впечатлял. Личный самолет или остров на это не купишь, но по сравнению с зарплатой не то что подполковника пожарной службы, а даже министра...

— Самые настоящие, — сказал Зорич. — У нас есть определенные возможности как раз для таких случаев. Главное, не зарываться. Достаточно зарегистрировать пару патентов — в общем, безобидных, не посягающих на революционные открытия — продать килограмм-другой крайне дорогих редкоземельных металлов... Есть и другие варианты, не вчера придуманные. Не стоит вас обременять излишним знанием с первых же часов пребывания здесь, справедливо сказано, что во многом знании — многие печали... Но деньги, поверьте, настоящие. Будете получать письма, отправлять письма... Съездите в отпуск. С отпусками у нас заведено так: время данной планеты — сутки здесь, кстати, из двадцати шести с лишним часов — пересчитывается в земное, и отпуск человеку предоставляется в такие же сроки, как это заведено в месте его прежней работы на Земле. Той же продолжительности — разумеется, со *здешними* надбавками.

— А мое начальство? Или и к ним...

— Совершенно верно, — с тонкой улыбкой подтвердил штандарт-полковник. — К вашему начальству, должен уточнить, никто не станет являться. Его просто вызовут в такое место, что никаких сомнений и не возникнет. Между про-

чим, вовсе не обязательно, чтобы тот, кто преподнесет вашему начальству ту же легенду, что и вашей жене, был членом Структуры. Мы не сторонники излишнего разбухания штатов. Но это уже детали, которые не должны вас заботить...

— И у вас не бывало... осечек?

— Мы — Структура, — не без нотки законной гордости сказал Зорич. — Осечки бывали, но совершенно *другого* плана. Я имею в виду случаи, когда человек, включенный в Структуру, пытался даже не разгласить сведения о ней, а попросту сыграть *свою* партию. Сорок лет назад, в шестьдесят третьем, случился один из таких печальных прецедентов. Некий субъект, занимавший более чем важное положение в своей стране, попытался *подключить* к Структуре свою семейку. Свой клан. Дядей-миллионеров, братьев-карьеристов, друзей семьи и тому подобную публику. Вульгарно выражаясь, пытался использовать Структуру в качестве дойной коровы. Но Структура не позволяет таких вещей. И, если предупреждения оказываются бесполезными, может проявить жесткость... Узнаете?

Он вынул из ящика стола большую цветную фотографию и положил перед Кирьяновым.

На заднем плане причудливо переплетались какие-то неземные деревья — выгнутые лирообразные стволы сочно-рубинового цвета с метелками длинных и пористых листьев, розовых и багряных, а меж ними повисли ярко-синие лианы в желтых цветах. Небо, насколько удалось определить по случайно попавшему в кадр кусочку, тоже отливало светло-розовым. Шестеро смотрели прямо в объектив, шестеро людей.

Впрочем, *людей* было только трое — а другие *создания*, безусловно, не относились к «хуманоидам», как выразился бы Миша Мухомор, и к какой расе они принадлежали, где обитали, покры-

то мраком неизвестности. Алая трава под ногами, справа некий объект, вернее, его кусочек, окончность — серебристые плоскости, плавно выгнутые, цепочки сверкающих шариков, то ли агрегат неизвестного назначения, то ли скульптура, выполненная, быть может, и не руками вовсе...

Одного из людей Кирьянов узнал моментально, снимок был невероятно четким и по качеству исполнения превосходил возможности шестьдесят третьего года — ну конечно, как же иначе... Разумеется, превосходил.

Он сидел и с застывшим лицом смотрел на фотографию, на тридцать шестого президента США Джона Фицджеральда Кеннеди, который улыбался ослепительно, отработанно, широко, стоя с переброшенным через плечо пиджаком, с приспущенным узлом галстука меж высоким военным в белоснежной форме и надвинутой на глаза фуражке и неведомым существом, едва достигавшим плеча президента, бурым бочкообразным созданием с венчиком то ли шупалец, то ли тонких лапок вокруг верхней трети тела, фасеточными глазами, покрытым пучками то ли иголок, то ли щетины...

— Ах, вот как... — протянул он. — Даже так...

— Увы, — с непроницаемым лицом сказал штандарт-полковник. — Шустрый и энергичный был парнишечка. Чересчур шустрый. С практической ирландской сметкой и совершенно неприемлемыми планами. Ох уж эта приземленность мышления... Никак нельзя было всерьез полагать, что возможно превратить Структуру в дойную корову для клана... Начались утечки информации, пусть даже замкнутые в узком кругу... Проблему решали наши американские коллеги, они, к сожалению, провели все в ковбойском стиле, отчего возникли некоторые шероховатости и нестыковки, — но в целом справились неплохо. *Главное* так

и осталось за кадром. Клан, правда, никак не желал успокаиваться, раздраженный манящими перспективами, и пришлось предпринять еще несколько *увещательных* акций, прежде чем семейка унялась и более не доставляла хлопот.

— Подождите, — сказал Кирьянов. — Значит, это все правда — насчет Розуэлла и проекта «Мажестик»?

— Хотите добрый совет? Не пытайтесь *упрощать*. Абсолютно все *широкоизвестные* публике загадки, с неимоверным накалом освещавшиеся в прессе и популярной литературе, истине если и соответствуют, то на пару процентов, не более. Что касается данных конкретных случаев, то названные вами коллизии — лишь периферийные слои обширной программы дезинформации, и не более того. Все проще и сложнее. Да, конечно, Структура существует не десять лет и даже не двадцать, достаточно долго, скажем. Те загадочные, засекреченные, неуловимые масоны высших степеней посвящения, кукловоды из закулисья, глобальное невидимое правительство — мы и есть. Конечно, в переносном смысле. Понимаете, никак невозможно добиться стопроцентного сохранения тайны. Кое-что иногда *просачивается*. И речь не об одном нашем шустром ирландце. Бывали прецеденты... В общем, наше существование, если можно так выразиться, смутно чуяли. И чувят до сих пор. Вот только наших «следопытов» губит та самая приземленность, они не в силах мыслить *пространственно*. Вершина их фантазии — в том, чтобы считать «закулисой» евреев, масонов, мудрецов из Шамбалы, друидов и правнуков атлантов — иными словами, исключительно *земные* факторы. Истина же настолько грандиозна, что пребывает вне поля зрения охотников за масонами. И, надеюсь, долго еще будет в этом положении пребывать. Как-никак мы поработали неко-

торый опыт. И нас не более десяти тысяч человек на всей планете — население крохотного городка...

— Почему?

— Простите?

— Почему так мало? — спросил Кирьянов. — Или я вторгаюсь в какую-то запретную область...

— Ну что вы, — преспокойно сказал Зорич. — Наоборот, прежде чем приступить к работе, вам следует задать как можно больше вопросов, чтобы снять недомолвки и неясности... Ничего удивительного, я понимаю. Каждый, кто наделен некоторым интеллектом, в первую очередь задает этот самый вопрос. Почему галактическое сообщество, покончившее с войнами, голодом и всеми формами принуждения, оставляет планету Земля в ее нынешнем состоянии? Я прав, вы именно об этом хотели спросить? Да, конечно... Что ж, давайте теоретизировать. Предположим, не далее как завтра до *всего* населения Земли будет доведена полная правда: Что Галактическое Содружество охватывает огромный район Вселенной, что планета Земля через какие-то минуты может быть избавлена от своих главных социальных язв. Что все оружие в мгновение ока может быть уничтожено орбитальными излучателями, а миллионы синтезаторов готовы завалить планету одеждой, едой и водой... А дальше? Дело даже не в том, что фанатики с тем же успехом могут драться вместо автоматов камнями и палками, а воры и педофилы, аферисты и садисты волшебным образом ну никак не переродятся... Дело в том, что земная цивилизация рухнет в одночасье. Попросту перестанет существовать. Практически во всех своих проявлениях. Начнем с науки. Десятью девять целых и девяносто девять сотых процента того, чем она сейчас занимается, мгновенно потеряет всякий смысл. Все это уже откры-

то, исследовано, описано, разработано и обнародовано. Возникнет непреодолимый барьер. Чтобы не то что включиться, а хотя бы понять иные процессы галактических научных исследований, ученому не хватит жизни. В свое время были модны разговоры о том, что-де гений Леонардо да Винчи, попади он в двадцатый век, не стал бы при виде лазера ошеломленно креститься и бормотать отгоняющие нечистую силу молитвы, а быстро разобрался бы в принципе действия. Вполне возможно. Но Леонардо все равно не смог бы *включиться* в научные исследования двадцатого столетия — по причине полнейшего отсутствия научного багажа. Понять-то понял бы, а вот работать плодотворно бок о бок с коллегами из двадцатого века — никоим образом... Пойдем дальше. Земная промышленность перестанет существовать *полностью*. Все станет ненужным. Понимаете? *Всё*. Космические станции, транспорт и связь, медицина и мелиорация, фармакология и телевидение, кинематограф и ветеринария... Что автоматически влечет за собой полный крах и тупик для политологии, философии, литературы — поскольку данные гуманитарные дисциплины базируются исключительно на проблемах той цивилизации, что рухнет бесповоротно... Художники, правда, окажутся в относительно выигрышном положении, но в Галактике уже существуют профессиональные технологии, способные ввергнуть в бездны комплекса неполноценности подавляющее большинство земных мастеров кисти и резца... Короче говоря, земной цивилизации не станет. Останутся несколько миллиардов ввергнутых в немыслимый шок существ... правда, сытых, одетых и избавленных от угрозы войны. Бывали прецеденты. Не стану вдаваться в детали, на эту тему есть подробная литература, скажу одно: во Вселенной не нашлось ни одной цивилизации, спо-

собной после шока-откровения вновь возродиться в облике новой цивилизации, полноценного социума... Содружество руководствуется не эмпирическими теориями, а реальным горьким опытом... В свое время это было темой страстных и продолжительных дискуссий, серьезнейшей философской дилеммой: оправдывается ли всеобщая сытость и безопасность крахом данной конкретной цивилизации? Дискуссии эти отшумели, когда на Земле еще продолжалась сеча вокруг Гроба Господня... И было признано: нет, не оправдывается... Были приняты законы, аналогичные земным природоохранным — разумоохранные, если можно так выразиться. Стоящие на страже уникальности отдельно взятой цивилизации. Грубо говоря, подопечные обязаны пребывать в неведении для своего же блага. Они сами обязаны пройти *весь* путь.

— А если не пройдут? — тихонько спросил Кирьянов.

— Значит, не пройдут, — так же тихо ответил Зорич. — Не суждено. Надеюсь, вы не считаете, что именно *ваше* мнение Галактика обязана принять во внимание при решении данного вопроса? Или — мое? Вот видите... Остается одно — Структура. Десять тысяч из нескольких миллиардов. Не самые лучшие, но самые *подходящие*.

— Для чего?

— Для рутинной службы в отдаленных гарнизонах, милейший обер-поручик, — усмехнулся Зорич. — И не более того... Неужели вы ожидали чего-то другого? Если у вас всплыли в памяти любимые романы, где *выдернутый* в Галактику землянин вдруг оказывается наследным принцем какой-нибудь андромедианской империи или наилучшей кандидатурой на должность адмирала всея Бетельгейзе, забудьте эту беллетристическую чепуху, к чертовой матери. Во-первых, Содружество —

социум устоявшийся и кое в чем напоминающий нынешнее земное общество. Ученые, конструкторы, инженеры, представители иных специальностей, о которых вы пока понятия не имеете, *растут* в рамках сложившейся системы. Конечно, находятся и на Земле те, кого признано целесообразным *вписать* в сложившуюся систему, но это не наш с вами случай. Во-вторых же... Во-вторых, в Галактике нет ни пресловутых звездных флотов, ни звездных войн. Звездолетов почти нет — как вы сами успели убедиться, существуют иные, гораздо более простые и эффективные средства коммуникации. А войн нет вообще. А то, что может вам показаться полицейскими формированиями, не имеет, строго говоря, с этим понятием ничего общего. Нет ни преступности, ни войн. Так что, если вам представлялось, будто вы станете сражаться со скользкими чудовищами, рассекая пространство на сверкающем крейсере, выбросьте эти глупости из головы... Крейсеров, как уже говорилось, почти нет, а все скользкие чудовища, каких я знал, наперечет были мирными и законопослушными галактами, вовсе не склонными носиться с бластерами по галактическим тропкам или преследовать с гастрономическими намерениями полураздетых визжащих блондинок... В некоторых отношениях, должен вам признаться, Вселенная беспросветно скучна... но в ней, что отраднo, все же немало интересных местечек. Иначе мы с вами не сидели бы здесь...

— Но что же тогда...

— Что же мы тут делаем? — понятиливо подхватил Зорич. — Хотите чистую правду? Вы только не огорчайтесь, право, но мы с вами сейчас сидим в дворницкой. Мы с вами космические мусорщики, ассенизаторы, дворники, младшие помощники лесничих... А на что же еще годится наша убогая квалификация обита-

телей Земли, то есть *опекаемой* планеты? — Он посмотрел Кирьянову в глаза и улыбнулся без тени печали. — Вы только не унывайте. Мы дворники, но все же — галактические. Есть некоторая разница меж нами и полупьяным индивидуумом, лениво шаркающим метлой по асфальту... — Он как-то неуловимо переменял тон. — Засиделись мы что-то... В общем, так, обер-поручик: остаток сегодняшнего дня у вас свободен. И последующие двое суток — тоже. Стандартная процедура для новичков. Мы живем в технотронном обществе, а потому проще для всех будет, если вы не станете приставать с расспросами к окружающим, а сядете перед экраном и сами будете скачивать любую информацию... пока не пресытитесь. Очень уж ее много, информации, речь как-никак идет о Галактике... Опытным путем доказано, что два дня — это оптимальный срок. Примерно столько новичку и требуется, чтобы на время превратиться в полное подобие ребенка, оставленного на кондитерской фабрике с позволением тащить в рот все, до чего смогут дотянуться ручонки. Быть может, вы, простите за грубость, *облопаетесь* уже через сутки. С некоторыми так и бывает... Как бы там ни было, два дня ваши. Ну, а потом начнется служба по всем правилам. Только обязательно учтите один немаловажный нюанс... Все вы здесь — поручики и капитаны, все шестеро, но командует вашей группой все-таки прапорщик Шибко... Со всеми вытекающими отсюда последствиями, предусмотренными общевоинским уставом. Каждый должен быть на своем месте, надеюсь, вы это понимаете. У вас не зря на петлицах пожарные каски. Здесь глубокий смысл. Ваша задача — *гасить*. Это то, к чему вы шестеро как нельзя более способны в силу определенного склада характера, генетической

предрасположенности и благоприобретенных качеств...

— Все шестеро?

Пытливо посмотрев на него, штандарт-полковник кивнул:

— Все. Вы — пожарный, вашей задачей всю жизнь было гасить огонь. Наш забавный уголовничек Миша Мухомор в прошлой жизни отличался нешуточным умением гасить при нужде весьма серьезные конфликты, пусть и в специфической среде — как и буфетчица Раечка, как дельный научный администратор Кац, как Трофим и Жакенбаев. Вы все — на своем месте. А жизненное призвание прапорщика Шибко — толково командовать подразделением.

— Почему же он в таком случае прапорщик, а не, скажем, майор?

Зорич досадливо поморщился:

— У многих есть свои комплексы, пунктики и бзики. В том числе и у прапорщика Шибко, который желает непременно оставаться прапорщиком. А поскольку он ценный работник, приходится скрепя сердце допускать небольшие отклонения от уставов, не вредящие общему делу. Вот такое исчерпывающее объяснение... но дисциплина остается дисциплиной, вам ясно?

— Так точно.

— Думаю, не стоит вас более задерживать?

— Можно еще один вопрос? — решился Кирьянов. — Как раз служебного плана. Вы так и не сказали ни слова... Должны же быть какие-то тренировки, инструктаж, освоение новой техники...

— Вот видите, вы сразу показали себя толковым служакой, — усмехнулся штандарт-полковник. — Но, простите, вынужден вас разочаровать. Инструктажей и тренировок не будет вплоть до начала очередной... акции. Потому что мы с вами все же не дворники, а скорее именно пожарные.

Здесь есть своя специфика... Любые предварительные тренировки и инструктажи бессмысленны, потому что мы попросту не знаем, чем конкретно в следующий раз придется заниматься. То, чем нам придется заниматься, еще не случилось, и где именно *нечто*, требующее нашего вмешательства, произойдет, никто не знает. В данном случае аналогия с пожарной частью полная. Мы не знаем, где, когда, что и с кем должно произойти. А в этих условиях, как легко догадаться, любые инструктажи с тренировками совершенно бессмысленны. Какой смысл тренировать вас для действий в кратере действующего вулкана, если работать неожиданно придется на планете, где вулканов нет вообще, а температура не поднимается выше минус пятидесяти? То-то...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВПЕРЕД, ЗВЕЗДОРУБЫ!

Бывший подполковник пожарной службы, а ныне обер-поручик галактического воинства К. С. Кирьянов выматерился про себя от души, когда нога в очередной раз соскользнула с тонкого корня, и он ухнул с головой, по самую макушку прозрачного шлема, и тяжелая зеленая жижа сомкнулась над ним, скрыв небо и солнце. Он шлепнулся на четвереньки в жидком и липком мраке, сорвавшаяся с плеча пушка, похоже, по самый казенник утонула в густом иле, копившемся на дне, очень может быть, с начала здешних времен.

Но эта досадная случайность не могла повредить ни ему, ни пушке — скафандр был полностью герметичным, а пушка не имела ни единого отверстия, через которое внутрь могли бы попасть

ил и жижа (Кириянов понятия не имел, на каком принципе эта штука работала, да и не стремился узнать). Не было оснований не то что для паники, но и для самого легонького беспокойства...

Он попросту вырвал из липкой субстанции правую руку, коснулся тумблера на поясе и повернул его особенным образом. Исправно сработал антиграв, невидимая сила неспешно и неуклонно, бережно и плавно выпрямила тело, и галактический пожарный в серебристом скафандре, с которого медленно сползали струйки зеленого месива, вновь утвердился в гордой позе: по пояс в болоте, пушка наизготовку. Конечно, на самом деле эта хреновина носила какое-то сложное название, заковыристое, ученое, казенное, но старослужащие ему уже объяснили, что нет смысла насиловать мозги, запоминая название очередной прибабасины, с которой, очень может быть, больше никогда не придется работать. Проще именовать всякую стрелялку, с какой имеешь дело, пушкой, прибор — ящиком, а транспортное средство — телегой...

Он сконфуженно огляделся. Нет, его падение ровным счетом ничем не помешало и не испортило. Дело житейское, с кем не бывает... Справа и слева от него, кто по пояс в болоте, кто по грудь, далеко растянулись шеренгой остальные шестеро, как и он, наглухо затянутые в серебристые скафандры, с угольно-черными снаружи и совершенно прозрачными изнутри шлемами — ну, чудо конструкторской мысли, понятно, автономное жизнеобеспечение работает, пока существует местное солнышко, можно гулять в кратере вулкана, эпицентре атомного взрыва, кислород и пища попросту *берется* откуда-то, появляясь внутри скафандра, а «отходы жизнедеятельности» столь же волшебным образом улетучиваются по мере появления, так что писай себе и какай прямо в серебристые штаны, сколько влезет...

Ага!

Прямо перед ним возникло в воздухе слабо светящееся зеленое кольцо, и по бокам шлема, напротив ушей, раздался непонятный механический писк.

Мгновенно собравшись, Кирьянов быстренько проделал необходимые манипуляции — уже автоматически, наработанно. Одна рука, левая, метнулась к поясу, пальцы пробежались по тумблерам, а правая перебросила из-за спины пушку. Он направил раструб на поверхность болота, под углом в сорок пять градусов, указательный палец нажал на дугообразный выступ.

Из-за спины вылетела, разворачиваясь, блестя в лучах здешнего нежаркого солнышка, затейливая сеть, развернулась над тяжелой жижей, вмиг приобретя форму разинутой пасти. Ощувив характерное содрогание в метре впереди, в глубинах болота, Кирьянов повел стволом вверх, медленно-медленно, словно *вываживал* неподатливую, сильную рыбину.

Взлетел фонтан грязи, а с ним вынырнуло на свет божий нечто живое, немаленькое, столь яростно бьющееся в захвате силового поля, что не было никакой возможности определить его истинную форму и сосчитать конечности — да и не было никакой необходимости забивать голову такими глупостями, их задача заключалась отнюдь не в этом, они нагрянули сюда не учеными, а ассенизаторами...

Сноровисто загнав добычу в сетчатую пасть, Кирьянов нажал другую кнопку, и ловушка захлопнулась в сетчатый шар, который уже совершенно самостоятельно поплыл над болотом к противоположному берегу, чтобы улечься в штабель собратьев, каждый с добычей внутри. Кирьянов устало отфыркнулся.

И побрел вперед — третий день подряд, то по колено в болоте, то по пояс, то включая антиграв,

когда становилось «с головкой», и неспешно плывя вертикально сквозь густую жижу, оставляя невысокий, быстро разглаживающийся кильватерный след. Третий день они прочесывали болота на этой черт-те где расположенной планетке, выуживая этих живых, яростно бившихся, явно не расположенных покидать родимые хляби. Зачем это понадобилось, Кирьянов решительно не представлял, а вопросы задавать отчего-то не тянуло. Где-то в глубине души прочно утнездилося унылое разочарование.

Ему втолковали, что все будет обыденно, но он не представлял, чтобы *настолько*. Очень может оказаться, работа была исключительно нужная и важная, но Кирьянову она уже успела осточертеть хуже горькой редьки. И оттого, что не было ни малейшей опасности, все выглядело еще беспросветнее, он ощущал себя жестоко обманутым, боролся с этими мыслями, напоминал себе, что романтики, строго говоря, во Вселенной не существует вообще, а есть одна только работа, вещь обыденная, рутинная, неизбежная, скучная...

И работал, как прилежный автомат, не отставая от других. Благо дело оказалось нехитрое, немногим сложнее рыбалки или собирания грибов...

В шлеме явственно прозвучал голос прапорщика Шибко:

— Внимание, звездорубы, рейнджеры мои галактические! Отбой! Всем отбой, возвращаемся на берег!

Очень хотелось, чтобы на этом все и кончилось, но не стоило питать преждевременных надежд... Кирьянов повернул тумблер, его выдернуло из трясины как пробку из бутылки, развернуло и понесло к противоположному берегу. Повернув голову, он увидел, что и остальные неровным журавлиным клином плывут в том же направлении.

Вскоре ноги коснулись твердой земли. Метрах в двухстах от берега, где над коричневым косоугом торчали пучки здешней то ли осоки, то ли камыша — зеленые стебли с бурыми шишками, — громоздился пирамидальный штабель сетчатых шаров, внутри которых не прекращалось яростное шевеление, однако ни звука оттуда не долетало: похоже, эти создания никаких звуков не издавали ни при каких обстоятельствах. Тут же стояла «палатка» — серебристая полусфера, по уровню комфорта внутри превосходившая иные кремлевские апартаменты (где Кирьянов, конечно же, не бывал отроду, но смело брался сравнивать), а рядом с ней тачка — матово-серый овал с загнутыми краями, десятком темно-вишневых кресел и простеньким пультом управления. Возле нее лениво покуривали шофер Вася и оружейник Митрофаныч, седовласый бодренький мужичок предпенсионного возраста, — вот о *его* прошлой жизни Кирьянов так ничего и не знал до сих пор, субъект сей, говорливый и беззаботный, в иных случаях делался невероятно *склизким*, с шуточками-прибауточками вывертывался из рук, увиливал от вопросов так, что это и увиливаньем нельзя было назвать...

Оба они были в таких же скафандрах, но без шлемов, потому что им-то в болоте бултыхаться не приходилось в силу бытующего на «точке» скрупулезного разделения обязанностей, протестовать против коего глупо и нелепо. Моментально оживившись, почувствовав себя наконец нужным и необходимым, Митрофаныч браво прикрикнул:

— Ребятки, сдаем казенные стволы по принадлежности! И не толпитесь вы, господа офицеры, душевно вас умоляю! По очереди подходим! Оберпоручик Кирьянов — одна единица... Точно, одна, принято... — Он бережно уложил пушку в зажимы на задней площадке тачки, кивнул. — Стар-

ший капитан Кац — одна единица... количество сданного количеству выданного соответствует...

Кириянов, первым избавившийся от пушки, воспрянул духом: впервые за три дня у них потребовали сдать причиндалы — а это вполне могло означать...

Он нажал кнопку, и шлем словно бы испарился, чтобы в любой миг вновь материализоваться при необходимости — либо нажатием кнопки хозяином скафандра, либо при внешней угрозе для жизни и здоровья.

Все семеро сверкали, как новоотлитые монументы — скафандры волшебным образом избавились от потеков и пятен густой грязи.

— Шабаш, господа офицеры, — сказал Вася, сияя беззаботной ухмылкой. — Отработали...

Вот теперь Кириянов совершенно отмяк душой — шоферы всегда все знают, галактические тем более. Он с удовольствием потянулся, одним движением указательного пальца открыл наколенный карман и вытащил сигареты пальцами, затянутыми в прочнейшую, но тончайшую серебристую ткань, нисколько не сковывавшую движений.

Щелкнул зажигалкой, затянулся, мимолетно подивившись откровенному сюрреализму происходящего: подполковник-пожарный, чалдон средних лет, смолил обыкновеннейшую «Золотую Яву» с «красным кружочком», стоя в серебристом скафандре на бережку инопланетного болота в неведомой звездной системе, то ли в своей Галактике, то ли в соседней, под белесовато-серым небом, по которому в виде сомнительного украшения пейзажа ползли клочковатые, отливавшие зеленым облачка. Сюрреализм был главным образом в том, что на Земле в это же самое время отважные парни кружили над планетой в железных пузырях, за что вскорости должны были получить по золотой звездочке — и они понятия не имели, что *снару-*

жи выглядят чем-то вроде первобытного косматого предка, решившегося оседлать бревнышко и пересечь на нем речушку. Зорич прав: шок, крах, крушение надежд, уважения к себе, смысла жизни... Каково было бы узнать иному из героических полковников и генералов, что существует на свете Вася, лихо гоняющий по пыльным тропинкам далеких планет галактическую технику — одна тачка диковиннее другой, — но при этом оставшийся в капральских чинах? То-то...

— Ну что, герр обер? — потянулся Шибко. — С вас причитается. С боевым крещеньцем, сударь мой... Сигареткой почествуйте, я все извел, не рассчитал что-то...

Протянув ему сигарету, Кирьянов спросил:

— А кто это? — И кивнул в сторону живого штабеля.

— А хрен их знает, откровенно-то говоря, — сказал Шибко. — Второй раз сюда попадаю — а это, между прочим, редко случается, чтобы второй раз на то же самое место — да так как-то и не сподобился узнать. Зачем, собственно? Сто-олько еще будет всяких непонятностей... Может, это здешние инсургенты, сепаратисты хреновы, старательно борются за отделение Верхних Болот от Нижних Мхов. Может, мы для здешнего зоопарка экзотических зверюшек отлавливали — местные в болото отчего-то лезть не желают, даже близко не подходят, то ли религиозная традиция такая, то ли для них тут ядовито... А может, произошел массовый побег из мест лишения свободы и мы беглецов три дня старательно отлавливали...

— Тьфу ты, — в сердцах фыркнул Миха Мухомор. — Узнает кто, жизни не будет — Мухомор на старости лет ссучился, вертухаем нанялся...

— Успокойся, душа моя уркаганская, — лениво сказал Шибко. — Последняя моя гипотеза — чистейшей воды умствование. Ну откуда здесь

возьмутся места заключения, если планетка хоть и убогая, но тем не менее *полноправная*? Рассуждать надо...

— А я что? Я так... Слушай, командир, а может, Пздюк придет? Самогоночка у него хороша...

— Кто бы спорил, — задумчиво протянул Шибко, созерцая горизонт. — Кто бы противоречил... Повезет, так и Пздюк... Ага, катят наконец раздолбаи... — И повернулся к Кирьянову: — Есть тут у нас корешок, нормальный мужик, а уж самогоночка у него — божья слеза. Строго говоря, зовут его, конечно, совершенно по-другому, но на наш слух имечко это больше всего как раз Пздюка напоминает, кто ж тут виноват, что такая фонетика...

Вдали показалась колонна каких-то механизмов, она приближалась с приличной скоростью и вскоре превратилась в пятерку прямоугольных самодвижущихся экипажей на высоких и широких колесах, представлявших собой не сплошные диски, а бочкообразные ажурные конструкции из какого-то металла. По бездорожью они передвигались довольно ходко, издавая однообразное механическое попискивание и временами шумно выпуская из ступиц клубы синего дыма. На фоне транспортного средства, доставившего сюда группу от ближайшей «стартовой», местные *самоходы* совершенно не смотрелись, что вызвало у Кирьянова прилив некоей гордости — довольно глупое чувство, надо сознаться, ибо никакой его заслуги не было в том, что галактическая техника превосходила *провинциальную*...

И все равно, приятно было ощущать себя частичкой *этой* силы — пусть даже трудящимся в незавидной роли галактического мусорщика. Конечно, это до сих пор не умещалось в сознание полностью — миллиарды биллионов километров,

разнообразнейшие цивилизации, обитаемые, упорядоченные, связанные общими законами и правами *бездны*...

Машины перестали попискивать и пускать дым. Все они представляли собой решетчатые ко-роба на колесах — только передний был набит однообразными существами, а в кузове последнего возвышался кран с длинной стрелой, не особенно и отличавшийся от земных.

Из кабины переднего экипажа проворно скатилась на землю черно-зеленая фигура, поднесла к ротовому отверстию начищенный горн и, запрокидываясь назад от усердия, яростно затрубила.

Прочие без единого звука посыпались следом, не без проворства выстроились в три шеренги, застыли прямоугольником. Трубоч шустро поместился на правом фланге.

Тогда только из кресла рядом с водительским степенно выбрался еще один абориген, одернул зеленый балахон и направился к землянам размашистой походкой, вполне способной сойти за местный парадный шаг. Шибко, затоптав окуроч, тихонько распорядился:

— В одну шеренгу становись! Брюхи подобрать, глядеть орлами и соколами!

Его приказание было выполнено с похвальной быстротой. Абориген степенно приближался. Он был черный, как гуталин, шагал на двух конечностях, а пара остальных заменяла руки, но на этом сходство с человеком кончалось: голова и, с позволения сказать, лицо были бы уместнее в фильме ужасов, пальцы вдвое длиннее человеческих. Ноги, правда, скрыты высокими ботинками из желтой кожи, так что про них, не видевши, ничего плохого и не скажешь...

Страхолюдный был абориген, короче. Однако Кирьянов за два дня информационного запоя, уткнувшись в экран с редкими перерывами на посеще-

ние туалета, насмотрелся гораздо более омерзительных, невероятных, вообще ни на что не похожих существ, способных дать этому черномазому сто очков вперед на воображаемом конкурсе «Мистер Галактическая Харя». По сравнению с иными экземплярами черный был Аполлоном Полведерским...

Остановившись в трех шагах от серебристой шеренги, абориген проделал правой конечностью несколько сложных движений, словно пытался одновременно отмахнуться от надоедливой комара, отдать пионерский салют да вдобавок показать кому-то нездешнему дорогу. Потом браво рывкнул на чистейшем русском:

— Ор-комендант Пз... вз... дьюк приветствует группу и поздравляет с успешным выполнением миссии!

Во всяком случае, все присутствующие, не имеющие отношения к этому миру, так и услышали — фразу на безукоризненном русском, 'вот только на инопланетном имени, как это, оказывается, частенько бывает, хитрая электроника споткнулась, быстренько подобрав нечто более всего подходящее по звучанию...

Кириянов уже освоил и эти тонкости. Под правым ухом аборигена (как и у них самих) белел едва заметный кругляшок транслятора, заглушавшего напрочь для *инородцев* произнесенные на родном языке слова черного и громко дублировавшего их на русском. Сам черный при этом слышал только собственную речь, понятия не имея, во что ее превратил транслятор.

Шибко откозырял в ответ по всем правилам, после чего официальный напряг, такое впечатление, словно сам собою рассосался.

— Здорово, Пздюк, — сказал Шибко, с великолепной непринужденностью приобняв встречающего и похлопывая по спине. — Все еще в этой дыре кантуешься?

— Ненадолго, старина, ненадолго! — жизне-
радостно завопил абориген. — Хлопнись Мен-
так с орбиты, гарантом буду, не сегодня-завт-
ра переведут в губернию, точно тебе говорю!
Ну, парни, нет слов! Классно вы тут все под-
чистили, и захочешь, не подкопаешься! — Он,
бросив через украшенное какими-то золотыми
причиндалами плечо беглый взгляд в сторону
далекого болота, невольно передернулся. —
Как вы только туда лазите, в толк не возьму...
Щас, минутку, я эту слабосильную команду за-
ставляю поработать!

Он отвернулся, приложил узкие черные ладо-
ни к широченному жабьему рту и истошно заво-
пил. Транслятор прилежно толмачил:

— Хруба вам в задницу, бабушке вашей дорипа-
ка, засранцы, дармоеды, чарабья сыть, кашееды гу-
нявые! За погрузку живенько, чтоб не ударить ро-
жей в грязь перед специалистами из Центра! Ше-
велись, бессмысленные, гр-рохочи костями, трясина
задницами! — Откричавшись, он повернулся к
Шибко и преспокойно сказал тоном ниже: —
С этими придурками иначе нельзя, пока не рывк-
нешь, мать их, жопу от сиденья не отклеют. За-
видую я тебе, Шибко, у тебя-то, как на подбор,
офицерская команда, честь по чести. А у меня се-
ляне долбанные, вчера еще сипулам хвосты подмы-
вали, лево с правым путают, аксельбант от баталь-
онного знамени не отличат, ур-роды...

Вообще-то, как успел заметить Кирьянов, по-
грузка шла не столь уж и бездарно: крановщик
проворно орудовал стрелой, стропальщики ловко
цепляли тросы, сетчатые шары один за другим
уплывали в кузов, словно сами собой укладываясь
в строгом порядке. Но бравый Пздюк, надо пола-
гать, был из того подвида бессмертных унтеров,
что без мата-перемата ни одной простейшей ко-
манды отдать не способны.

— Мужики! — рявкнул Пздюк. — То есть, прошу деликатно прощения, господа офицеры! Его превосходительство с их превышеподобием почесали тут бошки и решили, что вы за такое дело достойны медалей. Щас мы награжденьице-то произведем...

Он снял с плеча кожаную сумку и пошел вдоль недлинной шеренги, кладя каждому в руку некий предмет и громогласно поясняя:

— Медальюха не то чтобы старшая, но и не последняя, верно вам говорю, почетная, чтоб мне глар-коменданта в жизни не получить! Поздравляю и всякое такое!

Кириянов разглядывал доставшуюся ему столь неожиданно регалию: твердый кружок, словно бы из черного дерева, изукрашенный прорезными узорами, на длиннющем черном шнурке. Пздюк пояснил:

— Вы уж извините, шнурок не стали вязать в конкретную позицию. Я ж не знал, что это вы опять приедете. Мало ли кого прислать могли... Был тут один хмырь, так у них носить на шее не то что медаль, а вообще чего бы то ни было — жуткое запаadlo и оскорбление расы, они свои награды привешивают исключительно к левому плечу... А то был еще один... В общем, вы сами прищпандорьте, как вам почетнее, главное — награждение официальное, никак не кидалово...

Транслятор мог творить чудеса по части подыскания точных эквивалентов, одного он не мог: добавить говорящему интеллекта. Если кто-то изъяснялся простонародными оборотами, то другой именно это и слышал...

Подтолкнув Кириянова локтем, Шибко негромко сказал:

— Что задумались, мон шер? Вяжите петельку и вешайте на шею. Медалька, конечно, не межгалактическая, местного значения, но все равно

ношение не возбраняется — правда, ниже наград Содружества, однако какая разница?

Подавая пример, он проворно завязал петлю и накинул шнурок на шею, заключив:

— Как говорится, награда нашла героя... Везет вам, обер-поручик — в первом же деле цапнули регалию. Иногда их долгонько ждать приходится. А вообще, если хотите увидеть редкостное зрелище, дождитесь какого-нибудь торжественного дня, когда все облачаются в парадку и прикрепляют знаки отличия от низшего до высшего... Пздюк, дружище! Тебе не кажется, что вокруг стало удручающе сухо? Я бы сказал, вызывающе сухо...

Пздюк разразился длинным булькающим гоготом, на который транслятор никак не отреагировал ввиду его нечленораздельности, потом жизне-радостно заорал:

— Шибко, ты меня держишь за скрягу или за идиота?! Ну конечно, вызывающе сухо! Я бы сказал, похабно сухо! Эй, Чалли-второй! Ну-ка, живенько волоки сюда мою торбу, да смотри не урони, а то загоню в болото голой задницей чужалов приманивать! Одна нога здесь, другая тоже тут!

Чернокожий солдат в форменном зеленом балахоне почтительной трусцой подбежал к ним, неся на вытянутых руках весьма объемистую сумку. Пздюк потер длинные узкие ладони, на миг сделавшись совершенно неотличимым от земного выпивохи, и принялся извлекать оттуда объемистые черные бутылки, стопку чашек-полushарий, какие-то прутики, унизанные темно-коричневыми и белыми кусочками, пахнувшими непривычно, но аппетитно. Импровизированный походный достархан составиля как бы сам собой, и в чашки хлынула пенистая синяя жидкость. Кирьянов украдкой оглянулся на сослуживцев. Похоже, все было в порядке — на лицах

окружающих читалось приятное предвкушение и ничего более.

Тогда он решился и, подражая окружающим, опорожнил чару единым духом. Если прилежно проанализировать ощущения — а русский человек в этом плане обладает богатейшим опытом, — то синее питье имеет генетическое родство скорее с брагой, чем с самогоном. Привкус был незнакомый, но в глотку прошло легко, вопреки расхожей поговорке о кольях и соколях, и приятное тепло распространилось по телу, завершив странствия под черепной коробкой, где произвело легкий шум.

После третьей он как-то перестал уже замечать, что Пздук — экзотический негуманоид, что небо над головой — белесо-серое, а облака — зеленые. В хорошей компании такие мелочи не имели никакого значения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И ВСЕ КРАСОТКИ МИРА...

Гуляла русская душа... С примесью еврейской, в лице старшего капитана Абрама Соломоновича Каца, тоже мимо рта не проносившего, коли уж налито.

Благо к тому нашлись пусть не уставно-юридические, но тем не менее имевшие почти что законную силу поводы, как то: успешное выполнение задания, приятно отягощенное свежаврученными медалями.

Скромное торжество проходило в небольшой уютной каминной, за столом, уставленным исключительно земными бутылками и закусками — но все без исключения по высшему разряду, из

категории яств и деликатесов, так что после первого часа не было рассолодевших: чинно опрокидывали, чинно закусывали, в окружающих Кирьянов не усмотрел ни малейших признаков алкоголизма, каковым и сам не страдал.

В общем, царила атмосфера расслабленного уюта. Мохнатый неразумный Чубурах, обожавший сборища, примостился на каминной доске из темного мрамора и всеми четырьмя лапами лушил огромный апельсин, выпрошенный у Рачки — уже третий за вечер, причем завидушими немигающими глазищами присматривался к четвертому, желтевшему на тарелке рядом с локтем Ферапонтыча.

— А жопа у тебя не слипнется, прорва? — благодушно поинтересовался оружейник.

Чубурах показал скудной мимикой, что ни черта подобного. И продолжал ловко закручивать спиралью кожуру, подергивая ушами определенно в такт вокальным упражнениям прапорщика Шибко. Шибко, как и прочие, декорированный медалью на черном шнурке, уютно расположился в низком мягком кресле с гитарой на коленях и, меланхолично щипая струны, напевал с нотками драматичности:

О гражданке планы строим,
надоело быть героем,
есть у нас и штатские таланты.
Только наши часовые
пять минут как неживые,
потому что к нам подкрались диверсанты.
Наша крохотная армия
вся в прицеле пулемета,
Наш единственный бэтээр
уныло догорает...

Примостившись в грациозной позе на широком подлокотнике кресла — так что уставная юбка от-

крывала стройные ножки на неуставную длину, — на него восхищенно и преданно таращилась бело-брысая девчоночка в погонах с двумя капральскими просветами, с эмблемами связистки на лацканчиках и смазливой, но простецкой мордашкой провинциальной ткачихи. Ситуация пояснений не требовала и была проста, как пятиалтынный. Все представлялось таким ясным и незатейливым, что Кирьянов невольно позавидовал.

Вторая красotka, черненькая, гораздо более разбитная, примостилась возле Каца, и Кац живописно повествовал, как они не далее чем вчера ломились через вонючие, ужасные и непролазные джунгли и с кусачих лиан то и дело сыпались зубастые мохнатые шестилапы, норовя сожрать вместе с бластерами, но героический командир, здесь же присутствующий прапорщик Шибко, крушил им поганые хари боксерскими плюхами, не тратя заряды на этакую нечисть, потому что на всех не напасешься. Но и старший капитан Кац, надобно вам сказать, не ударил лицом в инопланетную грязь, и если какая тварь и увернулась от плюхи Шибко, то уж непременно получала по хребту прикладом от означенного Каца так, что мало ей не казалось. Красotka хихикала, повизгивала и приговаривала, что Кац все брешет.

— Как нам, жидомасонам, и положено, — отвечал с достоинством Кац. — Обязан я морочить голову простодушным славянам — в данном случае в вашем очаровательном лице, Лидочка, — или уже как?

— Ишь как чешет, — сказал Кирьянову бессмысленно и благодушно ухмылявшийся Митрофаныч. — Со всей раскованностью и непозволительными в былые времена терминами. Не попадал, сокол ясный, под кампанию насчет безродных космополитов... Смелые вы все нынче, аж завидно...

— Ну, можно подумать, что вы под те кампании попадали, — сказал Кирьянов равнодушно. — Как ни прикидывай, а года вы самое раннее с сорок которого-то...

— А кто спорит? — пожал плечами Митрофаныч. — Я так, чисто теоретически абстрагирую. Ты на меня не зыркай, Степаныч, этак *демократически*, я ж не антисемит какой-нибудь, а натуральный тоже жидомасон, как все мы тут, грешные... Тебе полковник не объяснял, что все мы тут, собственно говоря, и есть те самые масоны?

— Объяснял.

— То-то и оно... Все мы, кочуя по Вселенной, в каком-то смысле и есть те самые безродные космополиты. А если конкретизировать о *евреях*, то никого я так не уважал, как Соломона Рафаиловича Мильштейна, потому что мужик был лихой, спасу нет... И помер лихо, паля из двух тэтэшек по Никиткиной шпане... Выпьем, Степаныч, за лихих?

— А что ж не выпить, — сказал Кирьянов, наполняя рюмки.

Компания понемногу редела. Ушел Шибко с жавшейся к нему белобрысой, ушел Кац, на ходу вкручивая что-то завлекательное хохотавшей брюнетке. Жакенбаев и Трофим выпивали в уголке, без единого слова, общаясь кивками и улыбками с лицом старых собутыльников, предельно удовлетворенных именно таким способом общения и компанией друг друга. Миша Мухомор, усадив Чубураха перед собой на стол, забавы ради лениво пытался выучить его играть в очко — но безмозглый Чубурах, естественно, хитрую науку осваивать отказывался напрочь, вершал и баловался картами, разбрасывая их всеми четырьмя лапами.

— Молодой Соломоныч, — сказал Митрофаныч задумчиво. — Правильно поступает. Работа —

вещь скучная, и лучше всего о ней завлекательно врать. Не важно, повесят потом или нет... Ты книжки читаешь?

— Случается иногда.

— Фантастику уважаешь?

— Ага.

— Стругацких, значит, читывал?

— Кто ж их не читывал?

— Вот именно, — хихикнул Митрофаныч, наполняя рюмки по самую кромку. — Да-с... Помню, как же. Как вчера было. Ну да, Аркаша Стругацкий по кличке Самурай... Была тогда в нашей системе дурацкая мода на клички. А Самураем его окрестили за то, что грыз японскую мову в эмгэбэшной школе, где наши ребятки его и вербанули... Ловок был Аркаша Самурай, ловок... *Пожарный* из него получился плохой и определили его по линии *резидентуры* — берут подходящего человека, школят должным образом и забрасывают под личиной на какую-нибудь захолустную планетку, где *хуманоиды* в точности, как мы, так что раствориться среди них легко — вот только пребывают они кто в самом пошлом феодализме, кто аж в каменном веке, не говоря уж о средневековье... Вот... И была там у Самурая романтическая любовь, дочка какого-то бакалейщика: трали-вали, все простыни измяли... Благо он там косил под тамошнего шляхтича: весь в брильянтах типа алмазов; на боку смертоубойная сабля с золотыми бранденбурами, везде кружева намотаны... Только любовь любовью, а бабы, как давно известно, существа практичные. Вот девочка и рассудила совершенно правильно, что расфуфыренный шляхтич — персона для нее бесперспективная. Можно с ним в постели покувыркаться, ибо приятно, да и денежно, но жениться он на ней все равно не женится, сословные предрасудки не позволят, а жизнь устраивать как-то

надо, года бегут, того и гляди, в перестарки попадешь... Короче говоря, поплакала девка над своей романтической любовью, да и выскочила замуж за купца с соседней улицы. Купец, уж конечно, не Аполлон, морда кирпича просит, астма и ревматизм, не говоря уж о брюхе, зато у него четыре лавки и сундук от червонцев ломится. Ну, дело житейское. Аркаша это дело переживал очень трагически, поскольку был молод и по этой причине глуповат. А потом, отбив командировку, написал романчик, где все было наоборот: девку там реакционные феодалы до смерти убили из арбалета, а благородный рыцарь, то бишь Аркашка, осерчал несказанно и в отместку им полгорода разнес вдребезги и пополам. Только ничего он не разнес, он при всех своих фантазиях был мужик дисциплинированный и службу знал, до флаг-майора дослужился и, по моему глубокому убеждению, в отставку вышел совершенно зря, мог бы и выше вскарабкаться... Но не в том дело, я не к тому веду... А веду я к тому, что романтическая брехня перекроет и задавит любую обыденную правду... — Он, привычно поморщившись, осушил рюмку. — Извини, Степаныч, пойду баиньки, в мои годы такие посиделки уже напрягают...

Митрофаныч тяжело встал и, мимоходом прихватив со столика непочатую бутылку «Камо», поплелся к двери. Кириянов откровенно хмыкнул, глядя ему вслед. Положительно, не один Кац умел плести увлекательные байки. Вообще-то во Вселенной все возможно, после *подлинной* истории Джона Кеннеди Кириянов уже не удивлялся ничему — вот только в те времена, когда молодой А.Н. Стругацкий зубрил японскую мову, Митрофаныч еще разгуливал в пионерском галстучке, с горном и барабаном... «Врешь, старикашка, — припомнил он подходящую к случаю цитату. — Не может тебе быть столько лет...»

— Ты чего один сидишь, как особо опасный на строгой зоне? — спросил Миша Мухомор, останавливаясь над ним, рассеянно подбрасывая в ладони карточную колоду. — На тихушника не похож... а эти немтыри так и будут квасить до полуночи, им друг с другом хорошо... Пошли.

— Куда?

— Не бойсь, не в очко на очко резаться... Пошли, покажу такое, чего ты, первоходок, в жизни не видел. Ахнешь... Пошли, говорю, что тебе тут киснуть...

Вид у него был азартный и загадочный, бывшего уркагана прямо-таки распирало от предвкушения какого-то сюрприза, и Кирьянов, подумав, поднялся, одернул расстегнутый китель. Поднявшись в вестибюль из каминной, Мухомор уверенно взбежал по лестнице на третий этаж, где как раз и квартировала офицерская команда, остановился у двери Раечки, деликатно постучал костяшками пальцев, осклабился:

— Держись за воздух, Костик...

Послышались шаги, Раечка в небрежно распахнутом халатике открыла дверь.

— Раиса, — задушевно сказал Мухомор. — Покажь новичку *твоего*.

Она потупилась в наигранном смущении, но посторонилась. Заглянув в комнату, Кирьянов форменным образом прирос к полу.

Там, в комнате, сидел перед телевизором длинный и несомненный Арнольд Шварценеггер, человек-гора, в простецких семейных трусах и классической советской майке времен первых спутников. Оторвавшись с сожалением от горлышка пивной бутылки и опустив ее донышком на могучее колено — при этом незатейливом движении взбугрились чудовищные мышцы, как и следовало ожидать, — Шварценеггер сказал на чистейшем русском:

— Заходите, мужики, пивка дернем.

— Да нет, спасибо, мы как-нибудь погода, — без малейшего удивления сказал Миша Мухомор, крепко взял под локоток остолбеневшего Кирьянова, вывел его в коридор и, когда Раечка закрыла дверь, несильно толкнул обер-поручика кулаком в брюхо: — Ну, как оно?

— Слушай, — еле выговорил Кирьянов. — Он что, тоже...

— Эх, котенок... — сожалеючи прищелкнул языком Мухомор. — Ни черта-то ты не понял, простая душа... Пошли в мои апартаменты, объясню подробнее, если сам не поймешь...

Насчет апартаментов он перегнул палку — господа офицеры располагались, конечно, не в казарме, но и не в царских хоробах. Неплохо обставленные трехкомнатные квартиры, спальня-кабинет-гостиная плюс удобства, и не более того... Что ж, одному с лихвой достаточно, следует признать.

Приложив бодьшой палец к плоской ручке двери, Мухомор таким образом отпер дверь, встав посреди прихожей, косясь на Кирьянова, с рассчитанной медлительностью подошел к стене, открыл белую пластмассовую коробочку и аккуратно нажал квадратную синюю кнопку. У Кирьянова тоже была на стене такая коробочка, но о ее назначении он как-то не удосужился пока у кого-нибудь узнать.

— И что? — спросил он спокойно.

— И все, — сказал Мухомор тем же загадочным тоном. — Ты своей, сразу видно, не пользовался, чудило? Зря, батенька, зря... — Приоткрыв дверь в обширную спальню, он крикнул внутрь: — Девочки, хозяин пришел, живенько встали в две шеренги... Пошли!

Кирьянов вошел следом. Две женщины встали ему навстречу с широкой постели — но на сей раз

он отреагировал спокойнее, далеко было до остолбенения в Раечкиной прихожей. И все же, все же...

Одна была блондинкой — и не просто какой-то там смазливой блондинкой, а доподлинной и неподдельной красавицей Рэчел Уэлч, по воле режиссера современницей динозавров за миллион лет до нашей эры, обворожительным созданием в бикини из звериных шкур, заставлявшим мужское естество уподобляться часовому у Мавзолея.

А рядом с ней, загадочно улыбаясь и лукаво глядя огромными черными глазами, стояла черноволосая красотка Клеопатра в древнеегипетском наряде, она же Элизабет Тэйлор, аппетитная как смертный грех.

— Знакомься, — сказал Мухомор. — Это Риточка, а это Лизочка. Девки, что вы стоите? Помогите освоиться человеку, а то он малость растерялся...

Белокурая красавица Рэчел подошла первой, протянула Кириянову тонкую узкую ладонь и, одарив его ослепительной улыбкой, промурлыкала:

— Рэчел, а для друзей — Риточка...

— Элизабет, — сказала Клеопатра-Тэйлор, мимолетно погладив Кириянова по плечу. — Для своих — Лизочка.

— Вот, порядок... — удовлетворенно сказал Мухомор. — А это Костик, молодой и перспективный кадр. Девочки, живенько волоките пузырь и аршины на всех, колбаски там порежьте...

Обе кинозвезды, успев еще раз обжечь Кириянова откровенными взглядами, шустро выскочили из спальни. Кириянов стоял как столб. Ее пальцы были на ощупь теплыми и настоящими, и обе как две капли воды похожи на тех, экранных,

но ведь не может этого быть, прошло столько лет, они уже бабушки...

— Врубился? — удовлетворенно хмыкнул Мухомор. — Это тебе не двойники какие-нибудь, не паршивая подделка... Точная копия, один в один.

— *Копия?*

— Ну не живая же баба, дурило, — фыркнул Мухомор. — *Настоящим*, поди, уже лет по семьдесят... Это копии такие, врубаешься? Полная иллюзия. Только иллюзия полнейшая, учено выражаясь, та самая реальность, данная нам в ощущениях, так что какая тебе разница? Уж поверь, *ощущений* тебе будет по полной программе... Оторвемся, обер? Я человек не жадный и не ревнивый, кого тут ревновать? Сейчас колбаски порежут, плеснем в аршины — и понеслась душа по кочкам... Кавказское гостеприимство, для друга ничего не жалко... Тебе кого с разгону для минета приспособить, Лизку или Ритку? Все умеют, стервочки, сам обучал...

— Копия... — растерянno повторил Кирьянов.

— Костик, да какая, на хрен, разница, если подобие такое, что это, считай, не иллюзия, а доподлинная живая баба? Я понимаю, с непривычки диковинно, ну да быстро втянешься... Вон как Райка со своим Арнольдиком освоилась, любо-дорого глянуть, чистой воды семейная идиллия... Как тебе галактическая бытовая техника? Точно, на грани фантастики. Начальство у нас заботливое и с понятием, они ж понимают, что мужику нужно напряжение сбрасывать — а связисточек валять со временем надо-едаст, хоть им и не положено отказываться. Бери вон пример с Митрофаныча — у него там пионерочек полная хата, в платящих школьных, при фартучках и галстучках. Причем не соплю-

шек каких-нибудь, а таких вполне созревших пионерочек, с фигурами... — Он, плотоядно ухмыляясь, начертил ладонями в воздухе плавные изгибы. — Ну, кого берешь для разогрева, Ритку или Лизку?

— Да нет, спасибо, — сказал Кирьянов скованно, бочком-бочком отступая к двери, чтобы вырваться из квартиры, прежде чем вернуться *эти*. — Я пойду, извини...

— Ну, дело хозяйское. — Мухомор сделал шаг следом и цепко ухватил его за локоть. — Только ты, вернувшись домой, нажми кнопку ради интереса, ладно? Можешь даже потом не рассказывать. Только обязательно нажми. Эта штука, — он неопределенно повел подбородком куда-то в пространство, — не с бухты-барахты работает, она тебе мозги просвечивает и вытаскивает оттуда твою самую сокровенную мечту... Сечешь? Кого ты особенно хочешь, ту и получишь. У нас тут давненько, еще до меня, служил один поляк, не помню фамилии, короткая какая-то, так он потом на эту тему целый фантастический роман забабахал и на весь мир этим романом прославился... Даже кино было... Все посмотреть не соберусь, заглавие такое простенькое, насчет соли что-то...

Но Кирьянов уже прикрывал за собой дверь. Оставшись один в коридоре, залитом неяркими лучами здешнего полуденного солнца, зачем-то тщательно застегнул китель, покрутил головой в совершеннейшем смятении мыслей и чувств и побрел в сторону своей квартиры. Проходя мимо двери Митрофаныча, по-воровски огляделся, осторожненько приблизил ухо к тонкой тисненой коже, покрытой рядами гвоздиков золотистого цвета.

Слышно было, что внутри громко играет музыка и чистый, высокий голос с пафосом выводит:

Пой песню, как бывало, отрядный запедала,
а я ее тихонько подхвачу!
И молоды мы снова, и к подвигу готовы,
и нам любое дело по плечу!

А еще там слышался звонкий девичий смех и умиротворенный басок старины Митрофаныха, жизнь и там кипела ключом в классических своих немудреных радостях, и это было в порядке вещей...

Кириянов добрался до своей двери, отчего-то на цыпочках, машинально полез за ключами в карман форменных брюк, спохватившись, фыркнул, покрутил готовой, прижал большой палец к ручке. Вошел, аккуратно притворил за собой дверь, огляделся. Чувство, будто он не один в квартире, никак не проходило. Что ж, если подумать, все правильно, так оно и есть...

Двигаясь все так же бесшумно, он открыл белую коробочку, уставился на синюю кнопку — идеально круглую, покрытую аккуратными синими пупырышками, чтобы удобнее было нажимать.

В голове стоял полный сумбур. И хотелось, и колелось, было любопытно, страшновато чуточку, то ли внутренний протест холодил все внутри, то ли азарт...

Как большинство мужиков его возраста и жизненного опыта, он со своей стороны относился к супружеской верности несколько *вольнo* (хотя не на шутку рассвирепел бы, вплоть до рукоприкладства, окажись вдруг, что дражайшая супруга претворяет в жизнь те же принципы, но тут было что-то совсем другое, не имевшее соответствий в прошлом опыте — из фантастики, правда, давно знакомое...

Протянул руку к кнопке — и торопливо отдернул, словно обжегся или получил слабенький удар тока.

Становилось все любопытнее, *кто...* Уж он-то себя знал, а потому никак не ожидал увидеть в

качестве воплощенной мечты-иллюзии томного подмазанного мальчика. Но не в этом дело, совсем не в том.

Указательный палец коснулся теплых пластмассовых пупырышек — и отдернулся. Кто сказал, что любопытство губит одних кошек? Охваченный решимостью и ругая себя за трусость, он вдруг да-
ванул кнопку так стремительно и грубо, словно она была не синей, а красной, той, что прищипан-
дорена в «ядерном чемоданчике»...

Кнопка беззвучно вдавилась до упора и верну-
лась в прежнюю позицию, стоило ему убрать па-
лец.

Он стоял обратившись в слух. Ничего вроде бы не изменилось, но через приоткрытую дверь спальни слышно было, как там кто-то легонько переступил с ноги на ногу.

«Пожарный — человек мужественной профес-
сии», — отдельно, словно на экзамене отвечал, произнес он про себя. И вошел в спальню.

Остановился на пороге. Навстречу ему сделала два шага и покорно остановилась мечта хулиган-
ского отрочества, кавказская пленница, умница, отличница и комсомолка, Наташенька Варлей — во всем очаровании и прелести своих девятнадца-
ти лет — или ей тогда было двадцать? — в знако-
мом по фильму целомудренном белом платье
шестидесятых, строгом, обнажавшем лишь коле-
ни и руки. И улыбка у нее была та самая, непов-
торимая, но предназначавшаяся на сей раз не тол-
пе зрителей в полумраке, а ему лично, и глаза
встретились с его глазами так, как в кино никог-
да не случалось, и, главное, она выглядела до
ужаса живой и настоящей, как те красавицы, что
резали колбаску на кухне у Мухомора...

Она подошла вплотную, так что Кирьянов
ощущал аромат ее духов и волос. В совершенней-
шей растерянности поднял руки, положив ладони

ей на талию, и она легонько прижалась к нему упругой грудью, всем телом, улыбнулась и, опустив глаза, прошептала:

— Вот, пришла... Я твоя теперь.

Какие там иллюзии... Он держал в руках натуральную живую девушку, теплую, гибкую и покорную. В голове у него совершенно затуманилось от всего, что ощущало тело...

А в следующий миг он, отчаянным движением вырвавшись, выскочил в прихожую и стукнул кулаком по кнопке так, словно хотел разнести ее вдребезги.

Стоял, опустив руки и тяжело дыша. Сделав несколько шагов — показавшихся громадным расстоянием, — заглянул в спальню, и там, разумеется, никого уже не было... но это ведь ненадолго? Достаточно вновь нажать кнопку, как она появится в спальне, недостижимая мечта, с которой можно делать все, что угодно, и она будет только рада. И он никогда не сможет ответить себе на один-единственный вопрос: правильно это или нет. Ни за что не сможет...

Он вышел из квартиры, стукнув дверью, спустился в вестибюль и вышел наружу, под бледно-зеленое небо, впервые за все время недолгого пребывания здесь пораженный по-настоящему. Путешествие в другую Галактику было скучным поворотом рубильника, произведенным трясущейся с похмелья рукой затрапезного вахтера. Все неисчислимые инопланетные пейзажи, возникавшие перед ним на экране битых два дня, все панорамы диковинных инопланетных городов, все физиономии их обитателей, вся эта бездна информации *так* не удивили — быть может, из-за своего обилия, разнообразия, калейдоскопической пестроты архитектурных форм и красок. Зато обыкновенная девушка, точная копия очаровательной актрисы, для него всегда оставшейся двадцатилетней...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Он бездумно шагал по выложенной прямоугольными плитками дорожке, этакой пограничной полосе, окружавшей весь невеликий городок, потом сошел с нее в невысокую желтую траву и брел себе дальше, ни о чем особенном не думая, попросту подставив лицо легкому ветерку, чувствуя, как помаленьку улечиваются остатки и хмеля, и недавнего ошеломления. Замечательно, что существуют на свете трава, солнышко и тишина...

И споткнулся, едва не полетел кубарем. Успел вовремя сохранить равновесие, нелепо взмахнув руками, выпрямился. Недоуменно уставился под ноги.

По начищенному боку черного форменного полуботинка протянулась рваная царапина — погиб казенный шуз, вот незадача! Но это уже не имело особенного значения. Потому что он разглядел, обо что споткнулся: скрытая высокой травой серая бетонная плита, развалившаяся на несколько кусков, выщербленная временем и дождями, с торчащей ржавой арматурой. А вон и еще одна, и еще...

Ясно было, что это остатки мощеной некогда и давным-давно заброшенной дорожки, уходившей от поселка в места необитаемые, меж двумя ближайшими холмами, спускавшейся по пологому склону.

Не раздумывая, он пошел туда, держась рядом с растрескавшимися, едва заметными в траве плитами, оплетенными местными ползучими растениями с розовыми цветочками. Прошел меж холмов, а там пологий склон скрыл от него поселок.

Не все ли равно, чем заниматься, чтобы убить время. Пожалуй, так даже лучше — бродить по окрестностям, вместо того чтобы тупо пялиться на стереоэкран, выплескивающий очередные порции информации в таком количестве, что во всем теле появлялась тяжесть, как при переедании...

К тому же прогулки были совершенно безопасными. Хотя всю планету по экватору обойди, если не жалко потратить год-другой на столь бесполезное занятие. Здесь нет ни единого живого существа, опасного для человека. Здесь только насекомые, но и они, достоверно известно и подчеркнуто на инструктаже, не проявляют в отношении человека ни малейших враждебных поползновений, поскольку он для них совершенно бесполезен со всех точек зрения. Пожалуй что, здешние насекомые человека и не замечают даже, считая некой разновидностью дерева, только подвижного... Даже близко никогда не подлетают.

Так что он беззаботно шагал дальше, пока не увидел за деревьями то, что меньше всего ожидал увидеть. Несколько домов серого и кремово-розового цвета.

Ни о чем подобном его не предупреждали — но это только к лучшему. Будь это какая-то запретная зона, где нельзя показываться даже господам офицерам, уж непременно предупредили бы, настроив приказав тут шляться... Да и дома, чем ближе он подходил, выглядели все более забытыми, брошенными, нежилыми. Вон там, на втором этаже, выбито окно, а повыше еще два, серая и кремово-розовая штукатурка там и сям облупилась, открывая кирпичную кладку... Все до единого дома стоят к нему тыльной стороной, так что придется обойти...

Он так и поступил. И оказался на небольшой, окруженной лесистыми холмами равнине, где

справа поблескивало обширное озеро в форме вытянутого овала, а слева стояли с полдюжины домов, построенных в добротном стиле сороковых — пятидесятых — в три, в четыре и в пять этажей с высокими окнами, колоннами, узкими вентиляционными трубами...

Но в глаза прежде всего бросались бронетранспортеры давным-давно снятой с вооружения модификации — трехосные, открытые сверху, скопированные после войны с вермахтовских.

Их было два, и они торчали тут несколько десятилетий, так что от краски не осталось и следа, металл покрылся сплошной рыже-коричневой коркой ржавчины, а колеса со спущенными покрышками прямо-таки вросли в землю...

Кириянов подошел ближе — и удивленно присвистнул.

Бронетранспортерам в свое время досталось так, что мало никому не покажется — вот только каким образом были нанесены такие повреждения, безусловно, не совместимые с жизнью бронированной машины, догадаться нельзя. В борту одного, от водительского места почти до заднего борта, зияла идеально круглая дыра, сквозь которую виднелось близкое озеро. Некая неведомая сила аккуратно проделала в борту бэтээра идеально круглую, огромную дыру, получившую продолжение в борту противоположном — и все, что было меж дырами, исчезло бесследно: корпус, трансмиссия, сиденья, пол... Бронник напоминал консервную банку, у которой удалили обе крышки, верхнюю и нижнюю.

Со вторым обошлись не лучше, столь же загадочным образом. Он попросту был рассечен вдоль, но не аккуратным хирургическим разрезом, а словно бы ударом исполинского топора, и выглядел не в пример более жутко, от него остались две накренившиеся друг к другу, вставшие под углом поло-

винки, как-то удержавшиеся в стоячем положении...

И еще там были скелеты. Не менее двух десятков. Одни в отрепавшихся лохмотьях выгоревшей до полной неузнаваемости ткани, другие лишены и этого. Они лежали в разных позах по всему широкому двору, и костяшки пальцев одного еще стискивали проржавевший пистолет ТТ, а в других местах Кирьянов увидел несколько «Калашниковых» самых первых выпусков, тоже траченных ржавчиной до полного убожества.

Стояла тишина, в применении к *такому* месту вполне заслуживавшая эпитета «гробовая»; а озеро с темно-синей водой беззаботно отсвечивало под солнцем россыпями отблесков, и повсюду на нем плавали желтые, мясистые листья, украшенные высокими бело-синими цветами — аналоги кувшинок, надо полагать...

Неприглядная была картина — и совершенно непонятная. Не нужно быть специалистом, чтобы сообразить: что бы здесь ни произошло, это случилось, когда Кирьянова, вполне возможно, и на свете-то еще не было... или был уже, но в самом нежном возрасте. С тех самых пор никто так и не позаботился навести здесь порядок — не убрал трупы и металлолом, не вставлял окон, не штукатурил дома. Все разрушалось естественным образом, ржавело, гнило, рушилось, рассыпалось. Значит, *хозяева* это место покинули давным-давно.

Кирьянов прислушался к себе, но не уловил ничего похожего на то тягостное, давящее ощущение *плохого места*, о каких рассказывают порой старые лесовики. Что до привидений, то он в них не верил отроду...

А потому он, отвернувшись от искореженных непонятным образом бронетранспортеров, направился к серому крыльцу одного из домов, выгля-

девшего самым официальным, насколько можно судить по останкам. Дело в том, что именно на нем висела какая-то вывеска, синяя с золотом.

Вот вывеска сохранилась прекрасно — стекло, как известно, с успехом противостоит разрушительному действию времени, не важно, о паре десятков лет идет речь или о паре тысячелетий... Красочный герб несуществующей более страны под названием СССР. И золотые буквы пониже, в три строки:

С С С Р

МИНИСТЕРСТВО ПРИКЛАДНОГО МАШИ-
НОСТРОЕНИЯ

П/Я № 988/56545

Все это легко читалось под слоем пыли. Рядом с вывеской на стене протянулась цепочка глубоких выщербленных ямок — очень похоже, по зданию все же успели выпустить пару очередей, прежде чем... Прежде — чего? А в общем, еще не факт, что на площади лежат именно нападающие, а не, скажем, оборонявшиеся из какой-нибудь усиленной роты охраны или комендантского взвода... Отнюдь не факт. Решительно ничего не понятно...

Он взялся за огромную ручку двери, сплошь покрытую слоем зеленой окиси, с силой потянул на себя. Дверь отворилась с пронзительным скрежетом, сделавшим бы честь иному голливудскому ужаснику, но на Кирьянова этот визг не произвел никакого впечатления, и он вошел внутрь, чувствуя себя в совершенной безопасности под покровом немудрящей истины: будь здесь какая-то опасность, его непременно предупредили бы, здешнее начальство во многом можно упрекнуть, кроме безответственного подхода к объекту и кадрам...

Он оказался в обширном вестибюле, пересеченном примерно пополам металлическим барье-

ром высотой этак в метр, с облупившимися красными буквами на нем: СТОЙ! ПРЕДЪЯВИ ПРОПУСК! СТРЕЛЯЮТ! В барьере был проем с металлической вертушкой, насквозь знакомым приспособлением, а рядом помещалась застекленная будочка вахтера — стекла покрыты непроницаемым слоем пыли. Повсюду грязь, неприкосновенное запустение, заброшенность...

После короткого колебания он с силой повернул жалобно заскрипевшую вертушку и вошел на запретную половину. И никто в него, конечно же, стрелять не стал — как и строго спрашивать пропуск. Некому было. Давненько некому.

Он прошел направо. Там на стене еще явственно виднелось с полдюжины прямоугольников — следы снятых портретов, судя по размерам, — а под ними красовалась нетронутая Доска почета. Чтобы не было ошибки, об этом и сообщали высокие буквы из крашенной золотистой краской фанеры.

Кириянов постоял, глядя на запыленные фотографии, выцветшие и покособившиеся. На иных уже невозможно было рассмотреть лица, другие с грехом пополам сохранились. Капитан Курносов И. П., мастер-старшина Бронелюк Н.Ф., флагинженер Гочеридзе С.Г., старшая телефонистка РНЧ Анчукова С.Л., премьер-лейтенант Шатов Г. Н. ...

Все, окружавшее его, было старым, очень старым. «Так это, значит, что же? — растерянно спросил он сам себя. — Значит, уже *тогда*... Все-му *этому* полсотни лет, не меньше...»

Погон премьер-лейтенанта Шатова Г.Н. не похож был ни на что, прежде виденное — темное поле, светлый просвет, завивающийся в середине странной петлей, вроде узора на царских гусарских доломанах, вместо звездочек два каких-то значка, не похожих ни на звездочки, ни на цветки с его собственных погон...

Дверь в вахтерку распахнулась легко. Хлипкий и ободранный стол, почти не тронутый ржавчиной зеленый электрочайник устрашающих габаритов, шаткий стул с изодранной обивкой... Черный телефон без всяких обозначений на диске, опять-таки невероятно старомодный...

И тут телефон зазвонил. Кирьянова так и подбросило, прошибло холодным потом от макушки до пяток — настолько это было неожиданно...

Справившись с собой, унимая колотящееся сердце, он стоял рядом с обшарпанным столом, не зная, на что решиться. Телефон надрывался. «Подождать, пока подойдет кто-нибудь?» — мелькнуло у него в голове, но он тут же выругал себя за идиотские мысли.

И, протянув руку, снял пыльную тяжелую трубку.

— Говорит генерал Мильштейн! — рывкнули ему в ухо так, что Кирьянов торопливо отвел трубку. — Передайте Третьему — тревога! Боевая тревога всем секторам! Нас атакуют превосходящими силами! — Энергичный голос умолк на несколько мгновений, в трубке все это время слышались непонятные шумы и трески. — Вестибюль захвачен, у нападающих превосходство в пулеметах! Связь с Первым потеряна, Первый не отвечает! Все линии отрезаны! Третий, Третий, это переворот! У меня вырублена вся спецсвязь! Блядь, это переворот! «Коробки» подошли вплотную! — Снова недолгое молчание, шумы и трески. — Третий, перестрелка на моем этаже, нам пиздец, Третий! Уничтожаю документацию без санкции, вам понятно? Третий, Третий, вся спецсвязь вырублена, захлопните периметр! Слышит меня кто-нибудь? Третий, Третий! По мне лупят «коробки» прямой наводкой! Слышит меня кто?

— Откуда вы говорите? — не выдержал Кирьянов. — Кого позвать? Вы кто?

Он лихорадочно осмотрел телефон в поисках каких-нибудь тумблеров или кнопок, но ничего подобного не обнаружил. На том конце провода его словно бы и не слышали, орали свое:

— Слышит меня кто? Третий, третий!

В этом голосе было столько смертной тоски и безнадежности, что Кирьянов не выдержал, закричал так же ожесточенно:

— Я вас слышу! Слышу! Обер-поручик Кирьянов! Я вас слышу!

— Третий, Третий, я Мильштейн! — кричал невидимый собеседник. — Ко мне ломаются! Все, кранты! Документация уничтожена, Третий! Хрен им по лбу! Попытайтесь...

В трубке загрохотало так, что Кирьянов держал ее теперь на вытянутой руке, но все равно оттуда неслись оглушительные хлопки, больше всего похожие на то, как если бы кто-то палил совсем рядом с телефоном. Потом грохот перешел в вой, вой — в скрежет, и трубка замолчала совсем.

Кирьянов аккуратно опустил ее на рычажки и постоял так, прекрасно понимая, что все равно не сможет ничего понять. Повернулся, чтобы уйти.

Телефон вновь зазвонил, столь же длинно, надрывно, настойчиво.

Кирьянов вновь поднес трубку к уху.

— Говорит генерал Мильштейн! — заорали ему в ухо. — Передайте Третьему — тревога! Боевая тревога всем секторам! Нас атакуют, здание блокировано по всему периметру..

Кирьянов терпеливо удерживал трубку возле уха и во второй раз выслушал то же самое, слово в слово, с той же интонацией, с теми же паузами, с теми же шумами. И с тем же финалом.

Решительно брякнул трубку на рычажки, повернулся и вышел из вахтерки. Телефон вновь

зазвонил, но Кирьянов и не подумал подойти — уверен был, что выслушает то же самое в третий раз. Черт его знает, мистика тут или не мистика, но полное впечатление, что он, войдя в заброшенное здание, самым своим присутствием вернул к жизни неведомых призраков былого, то ли классических, то ли электронных, если только уместно такое определение. Технотронных, выразимся так...

Теперь только появилось то самое пресловутое ощущение *плохого* места. Черт его знает, что там еще могло пробудиться к жизни, напомнить о себе, учуяв присутствие живого человека после долгих лет безвестной заброшенности, нескольких десятилетий пыли и забвения. Хоть верь в привидения и прочую мистику, хоть не верь, но *что-то* тут определено *осталось*. А если в основе не мистика, от этого не легче, право слово, нагрянет какая-нибудь напасть посерьезнее заблудившегося в телефонных проводах голоса. И как прикажете от нее отбиваться, ничегошеньки не зная?

Он побыстрее вышел под открытое небо, где светило пусть и тускловатое, но все же солнышко. Посмотрел на остовы бронетранспортеров и скелеты уже другими глазами: очень может быть, что здесь оказались предупреждены вовремя, тем же неизвестным генералом Мильштейном — где я слышал эту фамилию не так давно? — и приняли меры, судя по состоянию «коробок», весьма даже эффективные. Если в броневиках были все же нападавшие и они одержали победу, то в этом случае непременно убрали бы подбитую технику и трупы...

Он вздрогнул, развернулся к озеру и всмотрелся, напрягая глаза до рези. Облегченно вздохнул.

Во-первых, ему не показалось, во-вторых, то, что он видел, не сулило ни малейшей угрозы.

Метрах в трехстах от него вдоль озера не спеша шла девушка в светлом платье, определенно не замечая Кирьянова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА

В первый миг он испытал лишь одно чувство — несказанное облегчение, прилив детской радости, отнюдь не приличествующей бравому звездодоходцу. Что поделать, такое случается даже с крепкими мужиками: это странное место разбудило вдруг потаенные детские страхи, дремлющие в каждом до урочной поры. Невыносимо приятно было обнаружить, что он не один здесь, само присутствие другого человека вернуло спокойствие и уверенность в себе. Особенно если уточнить, что другим человеком была девушка, — а значит, оберпоручик автоматически становился покровителем и защитником. Мужик в погонах просто обязан вмиг обрести невозмутимость и в лучших традициях жанра закрыть слабое существо могучей грудью от любых опасностей. Как наверняка сказал бы Кац — звездорубы мы, или уже где?

Потом его мысли, ощущения и чувства, повинувшись наблюдаемой реальности, галопом свернули на привычную колею, уже вполне взрослую и сугубо мужскую. Он откровенно залюбовался.

Она шла вдоль берега грациозно и уверенно, явно никуда не спеша и ничего не опасаясь, бездумно помахивая рукой, и светлое платье четко обрисовало ее фигурку на фоне темно-синей спокойной воды. Светлые волосы, падавшие чуть ниже плеч, развевались при малейшем дуновении ленивого ветерка. Кирьянова прон-

зила щемящая грусть по чему-то несбывшемуся, упущенному, летящей походкой ускользнувшему по иной развилке времени, оставшемуся в иной реальности, где *другой* был чем-то большим, нежели скучным, правильным, размеренным пожарным, где все сложилось как-то иначе, не в пример интереснее, романтичнее, *звонче*. Он вдруг почувствовал себя отяжелевшим и старым — увы, случилось уже подобное и в прежней жизни на шумной городской улице, как правило, летней порой, когда при взгляде на какое-нибудь прелестное создание физически ощущался тяжелый поток времени.

Девушка шла вдоль берега, не замечая Кирьянова, — судя по всему, она пришла сюда не впервые. В кино в таких случаях непременно звучит нежная лирическая музыка, и это, ей-же-ей, абсолютно правильно.

Потом ему пришло в голову, что ситуация приобретает неловкость, и чем дальше, тем больше — исключительно для него. Незнакомка спокойно шла вдоль берега, беззаботно гуляла, а вот Кирьянов не представлял, как ему дать знать о своем присутствии. И стоять истуканом было глупо, и рта не откроешь. До нее далеко, пришлось бы кричать. А что он мог ей крикнуть: «Эй!» Или — «Не подскажите, когда ближайший автобус на Нижние Васюки?»

Лучше всего предоставить события их естественному течению — торчать на прежнем месте и в прежней позиции, ерзая от неловкости, пока девушка не достигнет поселка — потому что идти куда-то еще она на этой планете не может. Она либо привидение, либо служит на «точке», выбор вариантов невелик, их всего два. Первое предположение следует бесповоротно исключить, оставаясь твердым материалистом. Что до второго — при всем здешнем малолюдстве Кирьянов все еще

не знаком был с большинством из двух десятков тех, кто работал на кухне, обеспечивал связь и, если можно так сказать, транспорт — сиречь устройство мгновенной переброски через космические бездны. Существовала некая дистанция, как в любой сложившейся системе, тем более обмундированной. Как между летчиками и технарями.

Все разрешилось помимо его усилий — девушка, слегка повернув голову, внезапно заметила его. И без тени испуга, без малейшего удивления или неудовольствия помахала ему, непринужденно и просто, словно они были знакомы давным-давно. И остановилась в выжидательной позе, заложив правую руку за спину, обхватив тонкими пальцами левый локоть. Теперь воспитанный мужчина и галантный офицер галактической пехоты просто обязан был подойти к даме, дабы представиться и познакомиться.

И он подошел, искренне надеясь, что не выглядит сконфуженным вахлаком. Хотя сознавал, что именно таковым только что и стал.

Все обстояло гораздо хуже, чем ему поначалу представилось.

Она была не просто красивая — красивых много и, что характерно, Кирьянова всю жизнь отпугивали те из них, что выглядели утонченными, совершенными и, как следствие, холодными куклами. Она была совсем другая, с открытым — но отнюдь не наивным, не простоватым! — личиком, искренней улыбкой и веселыми синими глазами. Таких девушек удачнее всего называть *славными*. И в том-то вся беда, что именно такая славная девочка способна разбить сердце вдребезги быстрее и надежнее, чем роковая красавица типа «я-только-что-с-подиума». Ведь вполне может оказаться так, что ты ей, такой славной, ну совершенно не нужен, жила без тебя и дальше проживет, и ох как несладко тогда придется...

Он подумал, что нужно отсюда побыстрее убираться, пробормотав наспех пару вежливых фраз о погоде — и остался на месте.

— Вы случайно не привидение? — спросила девушка с наигранным ужасом.

— Странно, — сказал Кирьянов. — Я о вас поначалу то же самое подумал.

— А давайте поставим эксперимент... — Она легонько постучала двумя пальчиками по его плечу пониже погона, с тем же наигранно-веселым ужасом. — Нет, на бесплотного духа вроде не похожи, добротная казенная ткань и пресловутое крепкое мужское плечо...

— Вы в лучшем положении.

— То есть?

— Вы-то уже убедились, что я не бесплотный дух, а я...

— Вот и убедитесь, — сказала она то ли кокетливо, то ли насмешливо.

Она смотрела так простодушно и невинно, что это было не хуже изощенной насмешки — но не прикажете ли пасовать перед соплюшкой раза в два моложе тебя, слишком хорошо знающей о своем очаровании? Решительно протянув руку, Кирьянов сомкнул пальцы вокруг ее тонкого запястья.

— Результат? — поинтересовалась она лукаво.

— Вот теперь и я, со своей стороны, уверен, что вы не бесплотный дух, а создание вполне материальное, — сказал Кирьянов. — Не стоит даже добавлять, что очаровательное, вы это и без меня знаете бог ведает с каких пор... Вот и внесли ясность, а? Два материальных создания... Я вас еще не видел в поселке...

— И немудрено. Вовсе я не из поселка.

— Шутите? — удивился он искренне.

— Отнюдь, сказала графиня. Во-он я откуда... — Она повернулась и указала на дальний ко-

нец озера. — Видите, там, за беседкой, в распадке, стена проглядывает?

Кирьянов присмотрелся. И точно, в глубине распадка, за старой дощатой беседкой, хоть и неплохо сохранившейся, но принадлежавшей явно к тому времени, что и заброшенные дома, виднелась между тонкими желтыми стволами светло-коричневая стена с двумя высокими окнами, гораздо более современной постройки.

— Странно, — сказал он. — Мне про этот дом ничего не рассказывали.

— Вы новенький, ага?

— Есть грех.

— Вы не смущайтесь, я все равно не из «стареньких», — сказала девушка, вмиг вернув прежнюю непринужденность одной-единственной улыбкой. — Я, к сожалению, человек неискоренимо штатский. Мало того, я, как ни прискорбно признаться, имею к Структуре лишь косвенное отношение. Я, господин офицер, обыкновенная генеральская дочка. Ужасно, правда?

— Почему?

— Потому что жизнь далека от нормальной. Штабные хлыщи ухлестывают невыносимо развязно, полагая себя чем-то вроде неотразимых преображенцев старого времени, а обычные офицеры в большинстве своем от генеральской дочки на всякий случай шарахаются. А я — создание бойкое, в общем, не особенно беспутное, но определенно непосредственное. И жажду простого человеческого общения во всех его проявлениях. Особенно если уточнить, что в этом шикарном доме отдыха человеческим общением и не пахнет.

— А, так это дом отдыха...

— Ну да, — сказала девушка. — Небольшой такой и вовсе не престижный, не то что «Фиолетовые пески» или «Туманность» — очень уж

здесь скучная, ничем не примечательная планета. Там сейчас только я и какой-то ветхий дедушка с тремя генеральскими кометами на погонах. По виду и общему состоянию — современник братьев Монгольфье. Как ни столкнемся в столовой или на веранде, только и рассказывает, как он прокладывал трассу через гравилушку у какой-то двойной звезды с непроизносимым названием — лет этак триста тому. Ну, не триста, конечно, а всего-то тридцать, я от отчаяния посмотрела в Информаторин: это было совершенно рядовое предприятие в свое время, вроде постройки обыкновенного земного моста через какую-нибудь Лопушайку. Ну, я так и подозревала... Рехнуться можно! Я давно уже хотела зайти к вам в поселок, в гости, но неудобно как-то. Совершенно не представляю, как зайти ни с того ни с сего и сказать: «Здрасте, мне скучно, я живу по соседству...» Вы там, наверное, по уши в работе, про вас та-а-кое рассказывают... Те же штабисты. Между прочим, я — Тая.

— Константин, — сказал он, твердо решив обойтись без отчества, он все-таки не престарелый генерал с тремя кометами на погонах. — Обер-поручик Кирьянов.

— Что обер-поручик, я и сама вижу, — сказала Тая. — Я ж как-никак генеральская дочка, мне в таких вещах положено сызмальства разбираться... или с сыздевичества, так вернее, хотя и неграмотно... Значит, вы и есть один из этих загадочных суперменов? Галактический спецназ в сверкающих скафандрах, рыцари и витязи? Что же вы молчите? Военная тайна? Вы что, нисколько не хотите произвести впечатление на великосветскую дурочку?

И она старательно придала лицу выражение, по ее мнению, как раз приличествующее дурочке из высшего света. Вот только ничего не получилось,

она так и осталась собой — созданием определенно умным, лукавым и острым на язык...

— Да нет, — сказал Кирьянов. — Меня никто не предупреждал о необходимости хранить военную тайну, даже перечня тайн не показывали. Я подозреваю, его не существует вообще — в силу специфики службы.

— Ой, какая казенщина... Расскажите что-нибудь из героических будней.

— Да это попросту работа, — пожал он плечами.

— Ну, в таком случае сокройте что-нибудь завлекательное, что вам стоит? Знаете, какие байки штабисты разводят! Даже мне, существу юному и неискушенному, ясно, что это чистейшей воды побрехушки. Но завлекательно, спасу нет... — Тая прищурилась. — Знаете, а мне нравится, что вы от меня не шарахаетесь. Совершенно нормальный обер-поручик...

— Хотите страшный секрет? — спросил Кирьянов почти непринужденно. — Я не армеец, я пожарный. У меня просто нет такого рефлекса — шарахаться от генералов и уж тем более от их очаровательных дочек. Исключительно оттого, что пожарный генерал — это явление, знакомое лишь теоретически, существующее где-то на космическом отдалении. Вот вы на Земле видели когда-нибудь пожарного генерала?

Она старательно подумала, округлила глаза:

— А вы знаете, нет... Военных, из Структуры, из органов — сколько угодно. Но пожарных — ни разу в жизни.

— Вот то-то, — сказал Кирьянов. — Эта форма в Галактике встречается крайне редко. Я лично прослужил семнадцать лет и за это время пожарных генералов видел только дважды, да и то издали, в президиуме огромного зала...

— Понятно... У вас бывают какие-нибудь дискотеки?

— Честно говоря, у нас бывают пьянки, — сказал Кирьянов. — Может, и танцы случаются, но я совсем недавно здесь.

— Понятно, — повторила Тая. — Будни захолустного гарнизона а натюрель... Выходит, вы от скуки забрели в эти развалины?

— А что здесь, кстати, было раньше, вы не знаете?

— Представления не имею, — безмятежно сказала Тая. — Я же не в Структуре, я в МГУ учусь и не горю желанием продолжать семейные традиции, в Структуру уходить. Моя специальность — иностранные языки, а на *это* существование Структуры как-то не влияет... Что-то тут, конечно, было в стародавние времена, это и дураку ясно. Какая-нибудь «точка» из прежних времен. Так и побросали все почему-то — совсем как в «Руслане и Людмиле», только здесь нет никакой говорящей головы, вообще ничего нет, даже привидений, я специально интересовалась. А от этого вовсе уж уныло. Водись здесь привидения, можно было бы ночью наведаться, издали посмотреть осторожненько, чтобы не уволокли, чего доброго... Но привидений, увы, не бывает. Совсем. Отец давно служит в Структуре и ни о чем подобном не слышал...

«Вполне согласен, если речь идет о призраках *людей*, — подумал он мрачно. — А как быть с призраком *голоса*, который десяток лет блуждает по заброшенным линиям космической спецсвязи? Тут все не так просто... Особенно если учесть, что научного объяснения понятия «призрак» никто пока не дал...»

— Давайте искупаемся, а? — предложила Тая. — Я, собственно, за этим сюда и пришла. Вода здесь чудесная. У меня купальник под платьем, так что не спешите отворачиваться с ханжеским видом.

Она одним гибким движением сбросила через голову платье и осталась в красном купальнике из тех, новомодных и современных, что призваны главным образом открывать нескромному взору все, достойное внимания, а если что и скрывают, то сущий мизер. Аккуратно положила платье в желтую траву неподалеку от берега и, оглянувшись на Кирьянова с веселой подначкой, прыгнула прямо с того места, где стояла.

Кирьянов с уважением покрутил головой — девчонка вошла в воду, как клинок в ножны, без малейшего всплеска, без брызг. Чувствовался немалый навык. На поверхность она вынырнула метрах в двадцати от низкого берега и, не оглядываясь, уверенным кролем пошла к середине озера. Светлые волосы, отяжелев, облепили плечи, крохотные волны раскачивали широкие листья здешних кувшинок, и Кирьянов вновь ощутил мимолетный приступ грусти.

А потом без всяких колебаний принялся раздеваться, кое-как свалив униформу в траву, обрушился в воду далеко не так грациозно, как его новая знакомая, подняв тучу брызг. Плавать он умел, и неплохо, на Енисее вырос, но, увы, не мог похвастаться таким изяществом стиля, какой без всякого желания повыпендриваться являла Тая, русалкой скользившая меж кувшинок.

Вода была не просто чудесная — с *такой* Кирьянов еще не сталкивался. Она даже не походила на воду, ощущения вызывала невероятные: словно каждая капелька существовала сама по себе, тело чуяло, как мириады невесомых теплых касаний скользят по коже нескончаемым потоком. В слова это не умещалось. Походило на то, что он не сам плыл, а течение бережно и неуклонно несло его над невидимым дном, словно восходящие потоки — оборвавшегося с бечевки воздушного змея. Если плыть с закрытыми глаза-

ми, и вовсе казалось, будто вода давным-давно вынесла его в атмосферу, увлекла в космические бездны — ласковая, нежная, не расступавшаяся перед молотившими по ней руками, а словно бы мягко раздававшаяся в стороны именно так, чтобы человеку было удобнее. Ощущения столь сильные и неизведанные, что он испугался на миг, торопливо открыл глаза.

Но все, разумеется, было в порядке: спокойная и теплая вода вокруг, мясистая кувшинка, в которую он едва-едва не впечатался подбородком, неяркое солнце в небе, светловолосая головка впереди, оставшаяся вдали, как он ни пытался сократить разделявшее их расстояние. В конце концов Тая, уже с бело-синей кувшинкой в волосах, перевернулась на спину, оставаясь лежать на воде. С улыбкой повернула к нему лицо:

— Я вас не загоняла?

— Есть немного, — сказал Кирьянов, плавая рядом и стараясь особенно не баламутить воду. — Вас русалкой никогда не называли?

— Ого! — сказала Тая. — Вы себе представить не можете, как меня называли за последние годы, с тех пор, как стала объектом ухаживаний, осад и приступов, — русалкой, колдуньей, волшебницей, принцессой, ведьмой и королевой. Самые образованные — даже ундиной, нимфой, наядой и Цирцеей. Один майор упорно именовал дриадой, хотя я терпеть не могу лазать по деревьям... А вы как бы меня назвали?

— Ужасно неоригинально, — сказал Кирьянов. — Очаровательной. Конечно, банально...

— Зато искренне, — сказала Тая с чертиками в глазах. — Получайте за искренность приз.

Подплыла вплотную и, решительно притянув его голову, крепко, продолжительно и умело поцеловала в губы, на миг прижавшись всем телом. Потом парой сильных гребков отплыла и, огля-

нувшись через плечо с непонятным выражением, понеслась прямо к берегу.

Кириянов достиг одного значительно позже — не только оттого, что плыл неуклюже. Ему понадобилось время, чтобы подавить извечную реакцию нормального мужика на столь непринужденное обращение.

Тая как ни в чем не бывало сидела на бережку, опустив безукоризненные ножки в воду. Выбравшись, Кириянов уселся рядом, глядя куда угодно, только не на прелестную соседку.

— Что вы надулись, милейший обер-поручик? — негромко спросила Тая. — Можно подумать, это вы — невинная благонравная девица, которую помимо ее воли чмокнул в алые губки нахальный гусар... Стойте-стойте... Ага! Знаю, что вы подумали! Что взбалмошная и не особенно высокоморальная генеральская дочка от скуки хватается то, что подвернулось под руку, за неимением лучшего... Ага?

— Не люблю я, когда мной забавляются от скуки, — сказал он хмуро. — Да и кто любит...

— Ой, а вы прелесть... Только совершенно не берете в расчет технический прогресс, пребывая в плену расхожих штампов... При чем тут скука? Если бы мне позарез понадобился представительный кавалер или уж, прямо скажем, любовник, я, используя последние достижения транспорта и связи, уже через четверть часа обрела бы желаемое... Неужели вы мне не могли понравиться просто так?

— Вот так, сразу?

— А почему бы и нет? — сказала она без улыбки. — Вот взяли и понравились. Я вполне взрослая, между прочим. И не особенная дура. Смотрю на вас и думаю: нормальный мужик, спокойный, не трепач и не бабник, взглядом не раздевает... ну, самую чуточку, в пределах средней нормы. Пошлых комплиментов не отпускает с масляной улыбочкой, на поцелуй реагирует с оча-

ровательной старомодной романтикой. Честное слово, вы мне понравились. И я вам тоже, правда? — Она тихонько рассмеялась, глядя ему в глаза. — Правда-правда, не отпирайтесь. Понравилась. Вон как смотрите — не по-кобелиному, а с тем самым романтическим трагизмом...

— Не подозревал в себе таких талантов — с маху очаровывать юных красоток, — сказал Кириянов, злясь на все на свете, и в первую очередь на себя, поскольку прекрасно понимал, что *влипает*... А кто бы не влип? Прелесть какая...

— Не дуйтесь. Говорю вам, мы друг другу нравимся...

— И что теперь? — спросил он серьезно.

— А просто давайте попробуем подружиться. Что из этого выйдет, совершенно неизвестно, но давайте попробуем? Вдруг это судьба нам такая?

Он не был ни ярым романтиком, ни идеалистом. Пожарный в годах. Прекрасно знал, что внешность обманчива, и знал, что порой способны вытворять такие вот славные, светлые девочки с ангельскими личиками. По собственному опыту знал, чего уж там. Хуже всего, ее хотелось так, что зубы сводило...

— У вас примечательное лицо, обер-поручик, — тихонько рассмеялась Тая. — Никак не сообразите, что вам делать, можно ли теперь, после столь недвусмысленных девичьих откровений, сграбастать меня в охапку и завалить в траву.. Да нет, вы не такой. Вот это мне и нравится — ваше лицо сейчас... Прimitивный кобель на вашем месте давно бы стал с меня купальник сдергивать... И непременно получил бы по физиономии — я не *на-столько* раскрепощенная, хотя по жизни и балованная генеральская дочка. И не люблю дешевки. Знаете что, обер-поручик? Давайте, как писали в старинных романах, отдадимся неумолимому течению времени, способному все расставить на

свои места! Проще говоря, вы назначите мне свидание, уже целеустремленно и вовсе не случайно, а умышленно. Здесь же, над озером, у той вон беседки — она тут единственная, так что не заблудимся. Мы будем гулять по берегу, вы, если умеете, будете читать стихи, а если не умеете, и не надо. Что из нашего свидания выйдет, то и выйдет. Согласны?

— Согласен, — сказал Кирьянов.

— Завтра, в это же время? Нет, давайте за часок до заката, так романтичнее...

— Если нас только не пошлют куда-нибудь. Вполне могут.

Тая ненадолго задумалась:

— Ну, это не препятствие... Я просто буду вас ждать каждый вечер за час до заката. Только не пропадите надолго, а то кто вас знает, вдруг провалитесь в неведомые бездны лет на сто... ой, типун мне на язык! В общем, я буду ждать...

Глядя ей вслед, Кирьянов почувствовал себя совсем молодым. Не в жеребьячем смысле, ничего общего с пресловутой сединой в несуществующей бороде и вполне реальным бесом в районе ребра. Совсем другие чувства. Он словно бы стал прежним, молодым, невероятно наивным юнцом, которому только предстояло вступать в жизнь. Тот давний юнец твердо знал, что уж он-то непременно будет ни на кого не похожим и отнюдь не станет незаметным винтиком в огромном механизме. Лет в двадцать яростно верилось, что жизнь его будет какой-то *необычной*...

Получилось, разумеется, с точностью до наоборот, дорога выпала не блиставшая оригинальностью: институт-завод-пожарка-семья-служба-отпуска-продвижение. Жизнь, как ей и положено, быстро превратила очередного мечтателя в очередной необходимый элемент народного хозяйства,

безликую статистическую единицу. А впрочем, вина тут была исключительно его собственная: никто не виноват, что ему так и не удалось выломиться из общего течения, подняться над рутинной, не оказалось к тому возможностей и талантов.

И вот теперь... Теперь он вновь ощутил, что настоящая жизнь лишь начинается. Мало того, у него появилось что-то *свое*, совершенно не зависящее от воли начальства, служебного распорядка и регламента. Свой собственный секрет, ничуть не постыдный и не запретный, нечто личное...

Глядя вслед девушке, так ни разу и не обернувшейся, он мечтательно промурлыкал, отгоняя грешные видения:

Спрячь за высоким забором девчонку —
выкраду вместе с забором...

И направился к поселку упругой молодой походкой довольного жизнью человека, по-прежнему насвистывая нечто фривольное и поддавая ногой здешние камешки, коричневые и легкие, как пемза.

Заливистый посвист над головой хотя и застал его врасплох, но ничуть не напугал. Он попросту задрал голову и увидел на ветке мохнатого Чубураха — тот висел вниз башкой, зацепившись задними лапами за морщинистую желтую кору, а передние лапки разведя в стороны, как заправский гимнаст.

— Напугал, Соловей-Разбойник, — беззлобно сказал Кирьянов.

Чубурах зауהל, замурлыкал, проворно слетел на землю с обезьяньей ловкостью и, прокосопив к Кирьянову, принялся хватать его за форменные брюки.

— Держи, извращенец, — сказал Кирьянов, протягивая ему зажженную сигарету. — Завидую, вот кому на свете жить просто... Интересно, ты за

бабами ухаживаешь? Наверняка, млекопитающее ты, или уже где?

Настроение у него было невероятно благо-
стное. Чубурах преданно таращился на него сни-
зу, ловко пуская дым, с таким видом, будто и в
самом деле понимал человеческую речь — стриг
ушами с величайшим вниманием, таращил огром-
ные глупые глаза...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КОЛУМБЫ ПОХОДНЫМ СТРОЕМ

Назавтра оказалось, что Кирьянов как в воду
смотрел.

Все произошло без авралов и завывания си-
рен боевой тревоги (хотя таковая здесь, как вы-
яснилось, имелась). Сразу после завтрака Шиб-
ко исчез ненадолго, а потом явился какой-то
очень уж озабоченный и объявил, что труба зо-
вет...

Неожиданности начались вскоре. И первая
заклучалась в том, что в каптерку вместе с
ними получать скафандр пришел штандарт-пол-
ковник Зорич — во время последовавшего ко-
роткого перекура Кац шепотом сообщил Кирь-
янову, что это неспроста, что отец-командир
собственной персоной возглавляет группу лишь
в исключительных случаях, каковых лично Аб-
рам Соломонович за три года своей службы по-
мнит всего четыре, и это были не самые опас-
ные задания, порой даже нельзя было понять, в
чем же они, собственно говоря, заключались,
однако то, что они представляли собой нечто из
ряда вон выходящее, Кац знает совершенно
точно и готов дать в том честное жидомасон-

ское... Остальные старшего капитана немного-словно поддерживали.

Никаких пушек Митрофаныч им на сей раз не выдал, и они зашагали в соседнее здание, на стартовую, лишь с небольшими сумками, где совсем немного места занимали скафандры, в сложенном виде удивительно компактные, чуть ли не в кулаке зажать можно.

Переброска вообще-то была стандартной — если не считать, что с ними на сей раз не было ни Митрофаныча, ни шофера Васи. Восьмером они прошли в центр небольшого зала, на желтую «мишень», в точности такую, как тогда в аэропорту. Принципиальное отличие заключалось в том, что за небольшим пультом не было похмельного мужичка, а сидела там симпатичная брюнетка в идеально подогнанной униформе, та самая пассия проныры Каца. Она и повернула рубильничек совершенно будничным жестом.

И они после длившегося миг *выпадения* из всякой осязаемой реальности оказались на какой-то планете, где небо было почти голубым, не наблюдалось ни ветра ни облаков, а окружающий пейзаж представлял собой скучную равнину с пучками бурой травы, лишенную всяких техногенных признаков разумной деятельности. Из таковых обнаружилась лишь невиданная прежде тачка в виде овальной платформы с дюжиной сидений, накрытой прозрачным колпаком, которой управляло осьминогopodobное создание в соответствующем скафандре — блестящий шар и полдюжины гибких чешуйчатых чехлов для щупалец. На гостей оно обратило внимание не больше, чем водитель земного автобуса на каждодневных пассажиров — а впрочем, они тоже держались соответственно.

Тачка поднялась в воздух — и, набрав высоту, вместо того чтоб лечь на горизонтальный курс, продолжала вертикально переть в небеса, все

увеличивая скорость (но при этом волшебным образом не чувствовалось ни малейшей перегрузки). Не прошло и минуты, как небо вокруг потемнело, стало фиолетовым, а там и черным. На нем явственно засверкали звезды. Летательный аппарат в два счета вышел на орбиту и, сбавив скорость, направился к огромному блестящему шару с несколькими прямоугольными выступами, парившему в космическом пространстве.

Кириянов ощутил приближение чего-то необычного — он видел, как сослуживцы украдкой переглядывались, пожимали плечами, хмурились и обменивались многозначительными взглядами. Кажется, он понимал причину — знал уже достаточно.

В подавляющем своем большинстве межпланетные, межзвездные и межгалактические перелеты происходили без всякого выхода в космос, без всякой дополнительной техники — исключительно с помощью станций переброски на планетах. Встал в круг, не успел удивиться, оказался за тридевять миров... Агрегаты вроде этой орбитальной станции знаменовали нечто уникальное.

Тачка на полном ходу вошла в ближайший прямоугольник, оказавшийся чем-то вроде шлюза, влетела сквозь радужную завесу, в долю секунды погасив скорость (опять-таки пассажиры этого не ощутили вовсе), опустилась на металлическую ребристую поверхность. Тут же откинулась прозрачная овальная дверца, и осьминог в скафандре — точнее, его транслятор — ровным голосом напутствовал:

— Счастливо, ребята.

Отец-командир первым вышел под сводчатый потолок, за ним цепочкой потянулись остальные. В стене с едва слышным шелчком образовалось овальное отверстие наподобие двери, и вошел не-

сомненный гуманоид в блестящем скафандре без шлема, чертовски похожий на землянина — всякие мелочи вроде фиолетового отлива волос, иной формы ушей и разреза глаз не следовало принимать в расчет, нельзя быть таким уж привередливым. После пилота-осьминога такой вот гуманоид представлял братом родным...

— Добро пожаловать, — сказал он вежливо, но исключительно по-деловому. — Я — старший капитан Стивест, командир станции. Научная группа уже на стартовой позиции, пойдемте.

И предупредительно отступил на шаг, указывая дорогу — ни единого лишнего слова, ни единого постороннего жеста, надо полагать, служака опытный, вроде штандарт-полковника или Шибко. Прапорщик глянул на него с несомненным уважением и зашагал вслед за командиром, а за ними потянулись остальные.

Они некоторое время шагали по прямым и плавно изгибавшимся коридорам со скучными, голыми металлическими стенами, где порой помигивали цветные кружки и что-то самым загадочным образом свиристело, а порой мелодично позвякивало, и не было ни желания, ни смысла гадать, что означает эта иллюминация и эти звуки — какой нормальный землянин станет интересоваться природой шумов в моторе автобуса?

Оказались наконец в куполообразном зале с неизменной «мишенью» в центре — для разнообразия не желтой, а сиреневой. У стены рядом лежали несколько белых шаров и параллелепипедов, снабженных чем-то вроде ручек для переноски, а возле них стояла троица в скафандрах, не особенно и примечательная: гуманоид той же расы, что командир станции; галакт, больше всего напоминавший жабу ростом с метр; наконец, существо с двумя нижними конечностями и четырьмя верхними, с зеленой головой в виде со-

сновой шишки и глазами на стебельках. Ничего особенного, в общем.

Достаточно было одного беглого взгляда Зорича через плечо, чтобы команда браво выстроилась в шеренгу напротив этой троицы. Штандарт-полковник кратко представился по всей форме, на что существо с глазами-стебельками быстро ответило посредством транслятора:

— Очень рад, очень. Профессор... — Транслятор испустил череду мелодичных звуков, в основном гласных. — Извините, я совершенно не в курсе, как надо отвечать на все эти военные приветствия... Вы уж не посетуйте.

Кирьянов краешком глаза перехватил взгляд командира станции — тот прислонился к переборке, сложив руки на груди, сохраняя на лице невозмутимость опытного дипломата, но явно горестно вздыхая про себя — уж *этот* был служака, сразу видно, и не в восторге от того, что по вверенному его попечению объекту болтаются штафирки, не умеющие ни строем ходить, ни пуговицы драить.

— Вас предупредили, что мне поручено возглавить группу? — осведомился профессор у Зорича. — Вот и прекрасно... Вы уж простите великодушно, если я буду руководить как-то не так, неправильно, я попросту не знаю, как полагается...

Шибко тихонько похмыкал себе под нос, понимаясь переглянувшись с командиром станции. Зорич поднял бровь — и с физиономией обоих мгновенно исчезли все посторонние эмоции.

— Я в вашем распоряжении, профессор, — сказал штандарт-полковник с восхитительной невозмутимостью. — Инструктируйте, как вам удобнее.

— Собственно говоря, инструкции будут очень простые, — сказал профессор. — Если подумать, в данном случае нет и не может быть никаких инструкций, потому что нам предстоит идти туда, куда никто прежде не попадал...

— Уписаться можно от восторга, — не разжимая губ, произнес Мухомор, за что получил от прапорщика молниеносный тычок локтем под ребро.

— Я сейчас попытаюсь объяснить *предельно* просто, — продолжал профессор торопливо, чуть ли не захлебываясь словами, и транслятор идеально передавал эту информацию. — Понимаете, нам впервые в истории эндомерной физики слоистых пространств четвертой группы гломоурокхолеоидных взаимопроникновений предстоит совершить вход в качестве материальных, физических объектов, то есть, научно говоря, во плоти и крови, непосредственно в стазисное измерение глом-континуума...

Слова были понятны каждое по отдельности — по крайней мере половина, это уж точно, — но, выпаленные скороговоркой, превращались в загадочные шаманские заклинания. Зорич, однако, слушал с непроницаемым лицом. Зеленая голова профессора приобрела фиолетовый оттенок, а стебельки глаз проворно дергались вверх-вниз, как резиновые. Кирьянов стал не на шутку подозревать, что это соответствует крайнему волнению.

Улучив подходящий момент, Зорич прервал вежливо-настойчиво:

— Я понял, профессор. Но все же, что нам предстоит делать и что мы там встретим?

— Кто бы знал, милейший, кто бы знал... — живо откликнулся профессор. — Я же объясняю: никто еще не бывал в данном пространстве, тем более в стазисном измерении... *Что там и как там*, не знает ни одна живая душа. С чем мы можем столкнуться, решительно неизвестно. Самая смелая задача, которую я бы решился возложить на нашу группу, сводится к тому, что мы постараемся продвинуться на некоторое расстояние и установить аппаратуру. — Одной из четырех конеч-

ностей он указал на шары и параллелепипеды, похожие на научную аппаратуру не более чем земной кирпич. — После чего постараемся вернуться сюда. Извините, но конкретизировать я решительно не в состоянии, поскольку слоистые пространства сами по себе сплошная загадка, а применительно к изгибам кохлеоидной...

— Благодарю вас, мне достаточно, — вежливо прервал Зорич.

— Разрешите дополнить? — вмешался командир станции. — Профессор, вы упустили один немаловажный аспект... Вы — *научный* руководитель группы. А общее командование осуществляет штандарт-полковник Зорич.

— Мне не совсем понятна эта тавтология, коллега... — протянул профессор, отсвечивая уже густо-лиловым и шевеля всеми четырьмя верхними конечностями.

— Это не тавтология, профессор, — непреклонно сказал командир. — Ваша задача состоит в том, чтобы вести научные исследования, насколько это возможно. В обязанности же штандарт-полковника входит следить за тем, чтобы представители чистой науки не особенно увлекались и не заходили слишком далеко как в прямом, так и в переносном смысле. Другими словами, при необходимости штандарт-полковник не просто может, а даже обязан решительно прервать всякие исследования, какой бы фурор для науки они ни сулили, и дать команду возвращаться.

Профессор прямо-таки подпрыгнул на месте, заливаясь лиловым:

— Вы хотите сказать, что в случае какой-то там мнимой опасности нам придется возвращаться, наплевав на научное значение?..

— Именно это я и хочу сказать, профессор, — отрезал командир, начинавший нравиться Кирь-

янову все больше и больше. — Группа вернется, если даже штандарт-полковнику *покажется*, что существует некая опасность.

— Но позвольте!

Командир с той же восхитительной непроницаемостью, свойственной Зоричу, ответил:

— Вы действительно хотите, чтобы я связался со штабом сектора и попросил отменить экспедицию ввиду обнаружившегося с первых же минут непонимания ее *сути*?

Кириянов сначала решил, что профессор будет протестовать. Но даже столь оторванный от военной практики интеллигент, должно быть, прошел *свой* инструктаж. А у командира, надо полагать, имелись весьма обширные полномочия.

Как бы там ни было, профессор с непроизносимым именем моментально присмирел, почти вернувшись к прежнему зеленому цвету и далеко не так яростно колыша отростками. Он ответил почти смиренно:

— Хорошо, я понял, понял...

— В таком случае, прошу всех проследовать на стартовую позицию.

— Надеть скафандры. Построиться.

Через пару минут они уже стояли в центре сиреновой мишени. Кто управляет переходом, они не видели, и потому *это* обрушилось неожиданно: секундное растворение в небытии, чернильная тьма, ощущение, будто тебя размазало по всей необозримой Вселенной, как масло по хлебу, распад на атомы и воссоединение...

Тьма рассеялась, сознание вернулось, тела обрели прежнее состояние. Они стояли, сбившись в кучку — на белесоватой поверхности, явственно пружинившей под ногами, как резина или батут, вокруг по всем направлениям, куда ни глянь, лениво колыхалось-переливалось нечто тускло-радужное, то ли реальные потоки светящегося газа,

то ли что-то вроде неошутимого полярного сияния, и над головой была та же иллюминация, причем невозможно понять, далеко ли до нее. Ничего невозможно понять: не было ни протяженности, ни четких ориентиров, ни земли, ни неба — только поверхность под ногами пока что оставалась твердой, а там — кто ее знает...

Повинуясь возбужденным воплям профессора, двое его сотрудников проворно установили приборы в ряд, откинули крышки, и вся троица присела на корточки, наблюдая мельтешение цветных огней, ярких зигзагов и непонятных символов. Судя по кудяхтанью профессора, на их глазах, очень может быть, происходило нечто эпохальное и уж по крайней мере не обыденное, но Кириянов (как и остальные, ручаться можно) не в силах был должным образом проникнуться. Не было ни грандиозного, ни примечательного — трое существ с разных, надо полагать, концов Галактики, склонились над непонятными приборами, обмениваясь то краткими, то пространными репликами, казавшимися всем непосвященным бредом сумасшедшего, абракадаброй. Где уж тут проникнуться величиим научного подвига...

Вокруг все так же лениво мерцало, переливалось и струилось. Больше всего было желтого, серого и молочно-белого, хотя присутствовали и остальные цвета, как спектральные, так и оттенки во всем своем поразительном разнообразии. То ли казалось, то ли и в самом деле отовсюду доносилось нечто вроде тихого шуршания, непрерывного, однотонного.

Коснувшись плеча Кириянова, Шибко указал на жабообразного исследователя и скупыми жестами дал понять, что обер-поручик за него несет полную ответственность. Кириянов кивнул. Гуманоида Шибко отдал под опеку Кацу, а профессора оставил себе, в чем был резон.

— Пойдемте! — вскрикнул профессор, выпрямляясь наконец. — Это же поразительно, потрясающе! Уже первое зондирование...

— Куда? — хладнокровно осведомился Зорич.

— Да просто попробуем продвинуться вперед! Сколько можно тут торчать? — завопил он так, словно это кто-то посторонний допрежь удерживал его на месте грубой силой. — Вон туда хотя бы!

— Обращаю ваше внимание на то, что компас не работает, — ровным тоном произнес штандарт-полковник. — Как и все другие приборы ориентации.

— Так и должно быть! — воскликнул профессор. — Откуда здесь взяться магнитным силовым линиям?

— Вот и я так думаю... — сказал Зорич. — Как же мы в таком случае отыщем место, откуда можем вернуться?

— Ну это уж ваша забота! Сделайте что-нибудь, вы же профессионал в таких делах!

— Рая, — сказал штандарт-полковник. — Метку попробуй.

Фигура в блестящем скафандре кивнула угольно-черным шлемом, достала из наколенного кармана белый цилиндр и, присев на корточки, выпустила струю распыленной ярко-алой краски.

Вот только никакого пятна на белесоватой поверхности не получилось. Вместо того чтобы застыть пятном, краска превратилась в прихотливо изгибавшиеся под ногами разводы, они расплывались, как попавшая в воду струйка чернил, становясь все бледнее и незаметнее, пока не пропали окончательно. Кто-то протяжно вздохнул.

— Ковырните, Кац, — распорядился штандарт-полковник.

Кац кивнул, выдернул из узких ножен небольшой подручный кинжальчик и, присев на корточках, погрузил лезвие в белесоватую поверхность. На поверхности не осталось ни малейшего следа. Кац, не теряя надежды, несколько раз быстро ударил наотмашь — с прежним результатом.

Зорич достал из кобуры нечто напоминавшее большой черный пистолет — у него одного имелось оружие, не полученное в каптерке, а, скорее всего, хранившееся *дома*. Направив ствол вертикально вниз, нажал на спуск.

Ствол на секунду окутался желто-багровым сиянием, похожим формой на небрежно смятую тряпку. Судя по произвольному движению Зорича, следовало ожидать чего-то совсем другого.

— Профессор, — сказал командир без выражения. — Здесь ровным счетом *ничего* не действует.

— А приборы-то! — азартно воскликнул профессор. — Правда, нормально работает не более половины, да и они порой то ли галиматью несут, то ли фиксируют нечто такое, чему аналогов нет...

— То-то.

— Сделайте хоть что-нибудь! Это великий момент, а мы торчим тут как... как...

— Внимание, — раздался спокойный голос Зорича. — Всем связаться тросом. Первым идет прапорщик Шибко, за ним Жакенбаев... Последним — Кац в качестве вешки-ориентира, то есть остается на прежнем месте. Начали!

— Ну вот, опять махровый антисемитизм, — грустно сказал Кац. — Вечно сваливают самое трудное на бедного еврея...

— Капитан! — В голосе Зорича зазвенел непрекаемый металл, и реплик ни с чьей стороны более не последовало, даже профессор притих.

Они отстегнули с поясов мотки тонкого белого троса, без ненужной суеты соединились в связ-

ку, словно альпинисты. Вокруг, незначительно меняя оттенки и колера, плавали полосы непонятного свечения, и шуршание не прекращалось ни на миг. У Кирьянова вдруг стали отчаянно мерзнуть ноги, но он помалкивал — если ему мерещилось, не стоило разевать рот, а если и в самом деле ногам, только ногам вдруг стало холоднее, чем остальному телу, помочь ему никто не в состоянии. По крайней мере скафандр пока выдерживает неведомое пространство, и на том спасибо — ведь индикаторы показывают, что вокруг нет не только пригодного для дыхания воздуха, но вообще никакого газа... но и наличия вакуума прибор тоже не фиксирует, и лучше над этим не задумываться, все равно ничего не поймешь, вон четверорукий спец, и тот потерял всякий апломб...

— Вперед! Осторожно, шагом! Следим за окружающим, в случае резких изменений всем вернуться на исходную позицию!

Цепочка блестящих скафандров, нанизанных на тонкий белый трос, двинулась наудачу, переступая осторожно, словно по скользкому льду. Друг от друга их отделяло метра три этой прочнейшей веревки.

Пейзаж вокруг — если только он был достоин столь высокого названия — нисколько не менялся. Цветные потоки лениво колыхались без всякой связи с движениями и передвижениями пришельцев. Белесоватая поверхность все так же пружинила под ногами, как батут...

И вдруг Кирьянов ощутил, как она стала вздыматься. Словно нечто огромное, шарообразное поднималось вверх из глубин, образуя бугор, выгибая белесоватую гладь почти идеальной сферой слева, совсем близко от замершей цепочки незадачливых исследователей. Они застыли, как статуи, даже неутомонный профессор-энтузиаст стоял смиренхонько.

— Внимание! — раздался в наушниках нереально спокойный голос штандарт-полковника. — Всем отступить на четыре шага вправо!

Его команда была выполнена всеми до одного с похвальной быстротой, в едином порыве.

Бугор рос, поднявшись уже выше голов людей, одновременно сужаясь внизу, превращаясь в нечто напоминавшее исполинский гриб, место его соединения с поверхностью становилось тоньше, тоньше, тоньше, превращалось из ножки гриба в канат, веревку, ниточку...

Правильный шар оторвался от поверхности и очень медленно пошел вверх, по идеальной прямой. То ли он таял, то ли исчезал в нависшей над головами пелене цветного тумана. В конце концов от него не осталось и следа.

Но поверхность все так же ходила ходуном, толчки ощущались со всех сторон, в разных направлениях, казалось, они стоят на гигантской простыне, которую взяли за углы четыре великана и потряхивают все быстрее и быстрее...

— Всем назад, на исходную точку!

На этот раз профессор — прекрасно различимый среди однообразных фигур в непрозрачных снаружи шлемах, поскольку был тут единственным четвероруким — попробовал задержаться, протестовать, барахтаться, но тут же угодил в медвежьи объятия Шибко и был доставлен к исходной точке в положении, когда его нижние конечности не касались земли вообще.

Среди радужных струй показались колонны бледного сияния, распространявшегося снизу вверх, толчки сотрясали поверхность. Кирьянов видел, как Зорич, держа обеими руками какой-то продолговатый прибор, выглядевший крайне простым, как дырокол, раз за разом щелкает им, на-

жимая никелированный грибок наверху. В движениях штандарт-полковника впервые обнаружилась некоторая нервозность, и это не прибавляло спокойствия, наоборот... Вокруг менялись краски, приобретая все более холодные тона — фиолетовый, бурый, черный, — великанские качели раскачивались под ногами...

И вдруг все кончилось. Они вернулись на сиреневую «мишень», по-прежнему связанные белоснежным канатиком, а в куполообразном зале, вдоль стен, стояло сплошным кольцом множество людей, точнее, множество людей и существ, несколько десятков, напряженно и неотрывно таращась на вернувшихся — иногда весьма экзотическими органами зрения, с трудом опознававшими в качестве таковых.

Стояла тяжелая тишина. Наконец командир станции прямо-таки вбежал на концентрические сиреневые полосы, бледный, с трясущимися губами. Схватив за руку оказавшегося ближе всех — Кириянов так и не угадал, кого, — он выговорил прерывающимся голосом:

— Семьдесят один час, ребята... Я уже и не чаял вас оттуда выдернуть...

— Семьдесят один час — чего? — слышался спокойный голос Зорича.

— Это вас не было семьдесят один час по *вашему* стандартному времени, — ответил командир. — Мы думали, все, получилось только с девятой попытки...

От его голоса мурашки бегали по коже. Теперь только до Кириянова начало помаленьку доходить, что они были на волосок... что они очень даже свободно могли и не вернуться из неведомых пространств, и лучше не пытаться даже гадать, что способно было приключиться с героическими звездопроходцами в тех, ни на что не похожих краях...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАЖЕТСЯ, ЧЕГО-ТО УДОСТОЕН...

Генерал был невероятно правильный. Генералистее некуда. Ростом чуть не под потолок, косая сажень в плечах. Правда, он оказался не человеком, его физиономия была чем-то средним между человеческим лицом и курносой, брыластой мордой бульдога, но это лишь работало на образ. Вот уж в прямом смысле зверь, а не генерал, с какой стороны ни взгляни...

Он стоял у стола в актовом зальчике, высоченный, почти квадратный, основательный и несокрушимый, как египетская пирамида, в лазоревом мундире с золотыми кометами на погонах, внушительной коллекцией неизвестных наград на груди — среди них Кирьянов с ностальгической грустью углядел российский орден Почета — плетенными золотыми аксельбантами на левом плече и широким златотканым кушаком. Его безукоризненная русская речь, звучавшая трудами транслятора, все же удивительным образом напоминала громоподобное рычание могучего зверя. Правда, Кирьянов слушал вполуха: героизм и самоотверженность... беспрецедентный шаг вперед на тернистом пути научного познания Вселенной... долг и честь... В *этом* отношении мало что изменилось даже под другими звездами: слова были высокие и правильные, но казались не связанными с происшедшим, раздражали глупой высокопарностью, пышной казенщиной. «Все это уже было, мой славный Арата, — процитировал он, стоя с каменным лицом. — И на Земле, и под другими звездами...»

— Короче говоря, — прорывал генерал, пристукнув лапищей по столу так, что полированная коричневая плита жалобно скрипнула. — Хорошо поработали, душу вашу за хвост и об колено! Хва-

лю. И отмечаю, что наш сектор, бляха-муха, опять утер нос близлежащим, соседствующим, негласно соревнующимся... Чтоб так мне и дальше, орлы и соколики! Чего там воду в ступе толочь, подходи по старшинству, получай заслуженное! Штандарт-полковник Зорич!

Так и пошло — по старшинству. Когда подошла его очередь, Кирьянов сделал пять шагов к столу, принял из черной лапищи, покрытой жесткой, морщинистой кожей, синюю плоскую коробку с каким-то затейливым золотым вензелем на крышке. Усевшись на место, украдкой заглянул. Там, на синем бархате, покоилась восьмиконечная звезда размером с блюдечко, покрытая россыпью блистающих камешков, ежесекундно менявших цвет и оттенок, разноцветными эмалями, золотыми арабесками тончайшей работы. Регалия выглядела крайне внушительно.

— Ну что, свежие кавалеры? — жизнерадостно рявкнул генерал. — Не буду вас томить казенной бодягой, вы, поди, водочки хотите откусать из полного стакана? Дело хорошее, есть повод. Генералу нальете?

Нет, генерал был правильный, и точка...

Торжество состоялось в той же каминной. Генерал поместился во главе стола, задевая потолок макушкой, покрытой не волосами, а ежиком жесткой шерсти. Держался он, как и подобало правильному служаке: не чинясь, выпил пару рюмок, благодушно порывкивая, сжевал ломоть ветчины, еще раз громогласно поздравил всех уже не казенными словесами, а потом тихонечко улетучился в сопровождении штандарт-полковника, не доводя дело до неуместного панибратства.

Вот тогда все покатилося по накатанной колее — помаленьку расстегнули кителя, а кое-кто и вовсе снял, от рюмок перешли к сосудам повместительнее, заговорили громче и раскован-

нее, неведомо откуда выпорхнули давешние связисточки, уже поболее числом, даже Чубурах, занимавший свое законное место на каминной доске, с уходом начальства заметно оживился, словно понимал все не хуже людей — и проворно упер со стола апельсин, не дожидаясь, пока угостят, прямо из-под руки у нацелившегося было на тот же спелый фрукт прапорщика Шибко. Последний, беззлобно ему погрозив, проворочал:

— Был бы я зоофилом, я бы тебя поимел, да ладно, живи... Ну, как настроение, обер-поручик?

Кириянов пожал плечами, покосился на звезду, украшавшую левую сторону кителя. Не было никаких особенных чувств, хотя определенное удовлетворение имело место.

— Это и в самом деле было что-то важное? — спросил он тихо.

— Не то слово, — серьезно ответил Шибко. — Не сойти мне с этого места, гарантом буду... Не просто важное, а эпохальное. Настолько, что для нас даже определение подобрать трудно. Если обратиться к земной истории, то получается, что мы с тобой — Колумб, Гагарин, братья Райт и Эйнштейн в одном лице, а также Фарадей, Менделеев и куча других персонажей того же полета. Я тебе не стану объяснять, что это за место, потому что сам не понимаю ни черта. Как и подавляющее большинство обитателей Галактики, я разумных имею в виду. Просто никто ещё в том хреновом пространстве не бывал, только нашему профессору удалось впервые за чертову тучу лет придумать, как туда пролезть. Ну а с ним за компанию и наша дружная компашка попала в анналы и на скрижали... Так-то. Или сомневаешься? Зря.

— Как-то очень уж камерно все прошло... Не вяжется с эпохальностью.

— Ах, во-от ты о чем... Это, сокол мой, вовсе не по причине отсутствия эпохальности, а исключительно в силу галактической психологии. Не принято, понимаешь ли, награждать при большом стечении публики. Чтобы ненароком не поставить в положение обиженных тех, кто наград еще не удостоился, хотя продолжает честный труд на благо Вселенной. А награжденному, если он существо разумное, и самому должно быть неловко принимать регалию посреди выстроившихся шпалерами полков... Этика тут такая, сечешь? — Он хмыкнул. — А вообще ты, стервец, везучий. Давненько уже такого не припомню, чтобы группу награждали два раза подряд, хоть первый раз — и чисто провинциальной медалькой... Везение, давно признано, чисто физическая категория, вроде электромагнитного поля... так что надо за тебя, ценного кадра, держаться. Удачу приносишь, определенно. Выпьем, талисман двуногий?

— Выпьем, — сказал Кирьянов.

Выпили, закусили. С каминной доски свесился Чубурах, умильно косясь на полупустую бутылку недурственного коньяка и всем видом давая понять, что он тоже не прочь попробовать напиток повелителей.

— Отзынь! — прикрикнул на него Шибко. — Черт его знает, что там у тебя за метаболизм, еще копыта откинешь, стоит капельку лизнуть... Нет, я серьезно говорю, Степаныч: везет нам с тобой как утопленникам. А на эпохальность наплюй. В том-то и фокус, что оценить эту эпохальность в должной степени способна горсточка чокнутых гениев вроде нашего профессора, так было во все века, так оно и останется в любой Галактике. Широкие галактические массы, как я уже говорил, ни хрена не оценят. Как и мы сами. Вот если бы мы приволокли из неведомых глубин про-

странства девятиголового дракона, плюющего огнем и матерящегося на трех наречиях, нас бы непременно показали по стерео в вечерних новостях, в лучшее время...

«Спросить у него? — подумал Кирьянов. — Нет, не тянет как-то, хотя и отношения вроде наладились...»

Удобный случай представился даже быстрее, чем он рассчитывал — в каминную вошла давешняя блондиночка, при виде которой Шибко потерял интерес ко всему окружающему, вскочил и направился навстречу. Тогда Кирьянов спокойно встал, обошел стол, миновал Жакенбаева и Трофима, по своему обыкновению дружески общавшихся немymi улыбками, Каца с его брюнеточкой, Мухомора, травившего Раечке весьма похабный анекдот. Опустился на стул рядом с Митрофаным — пожилой оружейник по своему обыкновению восседал в полном одиночестве, с задумчивым и философским видом глядя куда-то в неведомые пространства. На его кителе поблескивала золотом какая-то медаль на широкой синей ленточке с золотыми же листьями неизвестного дерева — как это порой случается, обитающее в неведомых высях начальство, удостоив непосредственных виновников торжества орденских звезд, пролило золотой медальный дождь и на всех остальных, пусть даже косвенным образом причастных к эпохальному событию. И это нам знакомо, мой славный Арата...

— Хвалю, орденоносец, — сказал Митрофан. — Рад тебя видеть. Мы уж тут, прости за откровенность, думали, что вам всем кирдык, такое было общее настроение... А вы вот вывернулись, не посрамили, стало быть... Хвалю. Вмажем?

— Митрофан, — негромко сказал Кирьянов. — Ты, часом, не в курсе, что это там за бро-

шенные домики внизу, в распадке? Там еще два напрочь сожженных бэтэра стоят, скелеты валяются, и никто их не убирает...

Он легонечко отшатнулся от неожиданности — доброе и благодушное лицо оружейника, пожилая румяная физиономия Деда Мороза на миг стала неузнаваемо жесткой, замкнутой и злой, глаза укололи ледяным холодом. Но это тут же прошло, и собеседник стал прежним.

— Во-от оно что, — совсем тихо проговорил Митрофаныч. — Как это тебя туда занесло? Ведь занесло как-то, определенно своими глазами видел... И как ты туда вообще прошел, черт-те сколько лет было напрочь *запечатано*... Внутри был?

Кириянов молча кивнул.

— И телефон звонит? — совсем шепотом спросил Митрофаныч, приблизив к нему лицо.

Кириянов кивнул.

— Столько лет, а ничего не меняется...

— Что там было, Митрофаныч?

— Аквариум с окунями! — фыркнул тот. — Что там могло быть... Ранешняя «точка», само собой. — Он придвинулся вплотную: — Ты, главное, не болтай, никогда не стоит болтать, какие бы реформы ни веяли... Видел, стало быть, оба бэтэра? Ну-ну... Вот так они и жили — спали врозь и дети были... — Он улыбался, но глаза оставались холодными, цепкими и старыми, очень старыми. — Это все Никитка, болван лысый, мразь кукурузная, ничтожество, пидер... Он и Жорка два брата-акробата: хрен да лопата... — Оружейник шептал так, что Кириянов чуть ли не прижимался ухом к его губам: — *Хозяин* в свое время не подпускал к Структуре ни Никитку, ни Жорку — оба, если копнуть поглубже, были дрянь людишки, палачи тупорылые, зато власти хотели иметь полные пригоршни... На Структу-

ре у Хозяина другие сидели, поумнее и деловитее. Ну, понимаешь, кое-что эти все же пронюхали, оба-двое. А когда Хозяин умер... а то и не сам умер, давно слухи ходят, что *помогли*... одним словом, когда Хозяина не стало, эти два придурка решили, будто они теперь кумовья королю и свояки Галактике, наследнички хреновы... И послали своих волков в те места, про которые пронюхали. Только ничего путного из этого не вышло. Я ж тебе уже говорил как-то — Мильштейн был мужик крепкий, теперь таких не делают. Они там держались, пока могли, потом врубили самоликвидацию, всем документам и аппаратуре настал каюк. Мало того, Мильштейн успел дозвониться куда надо, сыграть общую тревогу. Лаврентия Палыча они тоже живым не взяли, а те, кого взяли, молчали, как жопа в гостях, тоже не пальцем деланы — Паша Судоплатов, Деканоз, Амаяк Бешеный... Одна-единственная группа и проскочила на э т у сторону. Что осталось, ты сам видел. Ту коробку, что со сквозной дырой, я сам поджег из «чертовой плювалки», а вторую напололам развалил «кладенцом» Вадик Чурилов... Ну, а с *зольдатыками* Жоркиными было и вовсе просто. Ребята встали к окнам, чесанули из табельного... Из *здешнего* табельного. Хозяин был большого ума человек, как ни посмеивались над этим втихаря, а коли приказал носить табельное, носили. И не зря, оказалось. Короче говоря, ни хрена не обломилось Никитке с Жоркой. Кого убили сгоряча, уже не воскресить, кого взяли, молчит как рыба, под дурачка косит... И ушла Структура у них меж пальцев, как песок... — Он поднял указательный палец, касаясь лица Кирьянова. — И легла, родимая, на дно, как субмарина. Она ж *спрятанная* всю жизнь, что в старые времена, что в нынешние. Сидит себе где-то неприметный человечек — и командует. Не швей-

царом, конечно, сидит и не младшим писарем, так тоже нельзя, что уж до абсурда доводить секретность, смекаешь? Швейцар, младший писарь или там заведующий парикмахерской в своих действиях стеснены все же в силу профессии. В общем, сидят людишки не высоко и не низко, в самую *плепорцию*... И притихли они все, как мыши под веником, и Структура лежала себе благополучно на дне, пока не сожрали понимающие люди Никитку с Жоркой. — Он протянул руку, схватил фужер и выплеснул содержимое в рот, как воду. — А тот сучий бэтэр, верно тебе говорю, я *оформил* с первого выстрела, «чёртова плювалка» — штука страшная, если умеешь с ней обходиться. Да и ребята у нас были, уж прости, не нынешним чета — спецотбор, спецподготовка, не то что теперь, продавщиц понапихали, зёков со стажем, чурку этого, хрен знает откуда приبلудившегося... — Он присмирел, вновь таращась в пространство. — Надо же, я и не думал, что распечатали в конце концов Старый Корпус, надо будет при случае сходить посмотреть. Как-никак я там восемнадцать лет оттрубил, что одна копеечка... Но ты смотри не болтай. Ни к чему... Не будешь?

Кирьянов кивнул. Он верил и не верил. Пове- рить до конца, касаясь *всех* деталей был не готов, но кто ее знает, Структуру... Следовало признать, что он делал первые шаги по галактическим тропкам. Кто знает, как все обстояло на самом деле, и *когда* все началось...

Он мимолетно глянул на часы и убедился, что до заката оставался час с четвертью. Огляделся. Никто не обращал на него внимания, всем и без него было весело, разбились на пары и компании, пили, смеялись, перебрасывались старыми шутками...

А посему Кирьянов встал и, двигаясь вполне непринужденно, покинул каминную и направился к выходу.

В коридоре ему попался молчаливый ящероподобный особист — как обычно, тот медленно полз по потолку, как обычно, завидев Кирьянова, приостановился и скрипнул:

— Честь имею приветствовать, товарищ оберпоручик.

Опять-таки как обычно, Кирьянов косо глянул на него, промолчал и пошел себе дальше. Так уж повелось, он с этой традицией помаленьку свyksя: особисту на его вполне вежливое приветствие никогда не отвечали, откровенно игнорировали, не говоря уж о том, чтобы наладить хоть какое-то общение, — а он никогда не обижался и ничего более не говорил, уползая по потолку или стене с самым равнодушным видом (если только можно употреблять такие определения применительно к метровой ящерице, чья рожа во всякий миг лишена и тени эмоций).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВЕЧЕР НАД ОЗЕРОМ

Особых иллюзий он, спускаясь к озеру, не питал — терпение редко числится в списке тех достоинств, которыми обязаны обладать очаровательные и балованные девицы. Учитывая, что их группа отсутствовала на планете трое суток, с иллюзиями следовало заранее распрощаться. Не было у генеральской дочки других хлопот, кроме как терпеливо дожидаться ухажера, подобно героине рыцарского романа...

Словом, он заранее настраивал себя на спокойное, обдуманное разочарование. И, издали заметив в беседке женский силуэт, миг выкинул из головы эти безрадостные мысли, прибавил шаг, временами оскальзываясь на сыроватой земле, потому что в голове еще бродил хмель.

Влетел в беседку, прямо-таки задевая белоснежными крыльями за края дверного проема, за потемневшие от времени доски — Тая поднялась навстречу с широкой лавочки, тянувшейся по всему периметру немудреного дощатого строения. Ее личико было таким славным, а глаза такими радостными, что белоснежные крылья за спиной шелестели, разрастались, грозя поднять в небо...

— Пришли? — радостно выговорил Кирьянов, прекрасно сознавая, что улыбка у него не просто широченная, но еще и глупая.

— Ага, — сказала Тая. — Я ж обещала? Помоему, мы всерьез свидание назначали? Я каждый вечер исправно приходила, только тебя не было.

— Нас посылали...

— Ты знаешь, я догадывалась, — фыркнула девушка. — Я ведь каждый раз поднималась наверх — и у вас в жилом корпусе ни одно окно не горело. А обычно все горят, я ведь присмотрелась уже к поселку, начала соображать... Бог ты мой! — вскинула она брови в чуточку наигранном изумлении. — Это у тебя что? Никак, регалия?

И легонько коснулась указательным пальцем разлапистой звезды на левой стороне кителя.

— Она самая, — сказал Кирьянов. — Кажется, чего-то удостоен, награжден и назван молодцом...

— Чего-то? У отца такой нет, у него висит штук пять, но поменьше и не таких... авторитетных. Честное слово. Вы что, мимоходом Галактику спасли?

— Ты знаешь, оказалось, мы неплохо поработали, — сказал Кирьянов с откровенно мальчишеским хвастовством. — Нас даже уверяют, что мы совершили нечто эпохальное, и я этому верю...

— Расскажи.

Он мгновенно сбился с высокого штиля, пожал плечами:

— Ты знаешь, оказалось... В общем, что бы это ни было эпохальное, но выглядело оно настолько скучно и буднично, что даже рассказывать не тянет. Правда...

— Seriously?

— Ага, — сказал Кирьянов, садясь рядом с ней на широкую и чистую деревянную скамейку, ничуть не прохладную. — Нас забросили в какое-то иное пространство, куда никто прежде не забирался, но там не было ни огнедышащих драконов, ни смерчей на полнеба... Просто что-то мерцало вокруг, глупый туман, вот и все...

— Я сразу поняла, что натура ты лирическая, — улыбнулась Тая. — Ну очень романтично описал. Просто счастье, что тебя не было с Колумбом. Представляю, как бы ты потом рассказывал: «Плыли мы это по морю, потом на берег высадились, а там деревья растут и птички порхают...»

— Что делать, — сказал Кирьянов, откинувшись на деревянную спинку в приливе блаженной, легкой усталости, перетекавшей в полное довольство жизнью. — У меня просто не было времени выдумать для тебя какую-нибудь красивую историю с галактическими вихрями, злобными монстрами и ломающимися через все преграды сверкающими звездолетами. Но я попытаюсь, обязательно.

— Не надо, — серьезно сказала Тая. — Хватит, наслушалась... Я очень рада тебя видеть, это прекрасно, что ты вернулся... Ты не думай, что я та-

кая уж дура. И потом, каждый генерал был когда-то офицером, я генеральская дочка не так уж давно, года два... Насмотрелась. Появляется бравый офицер, пригожий и лихой, начинает нравиться, даже тянет глупостей наделать — а потом пропадает куда-то, и когда сдуру спросишь в лоб, все начинают глаза отводить, в пол смотреть с таким видом, что все ясно делается. И ничего уже не вернешь, вот что скверно. Я так рада, серьезно...

Она опустила голову, глаза были ясными и умными, а во всей позе сквозила такая беспомощность, что у Кирьянова сердце защемило совсем даже *позабыто* — черт знает сколько лет назад обнаружил, что влюбляться разучился, повзрослевши, утилитарного цинизма преисполнившись...

И он попросту взял ее за руку, сжал узкую теплую ладонь, снова во власти самых откровенных желаний, но еще и нешуточной нежности, как встарь, в былые времена, оказалось, вовсе не ушедшие безвозвратно.

Тая медленно подняла голову, встретила его взгляд, чуть растерянно улыбнулась, и от этой улыбки спасения абсолютно не было, он понимал, что погиб. Вот именно здесь, над этим озером, на скучной пустой планете взял и погиб.

— Видимо, это все-таки судьба, — тихо сказала Тая. — Не зря же я за тебя беспокоилась и места себе не находила, случайно такого не бывает... Нет, подожди.

Она гибко высвободилась, встала, нагнулась, выдернула из-под скамейки клетчатый плед и решительно встряхнула, разворачивая, так что он, словно волшебный ковер, устелил всю беседку, совершенно закрыв старые некрашенные доски, мягкий и пушистый. Сбросила туфельки, прошла на середину, опустилась на колени и, уронив обнаженные руки, сказала:

— Иди сюда, что мы будем друг перед другом старомодную комедию разыгрывать, обоим же хочется...

...Скучной и унылой эту планету отныне язык не поворачивался назвать, ей следовало срочно подыскать какое-то другое определение, но бра- вый обер-поручик Кирьянов был пока еще решительно неспособен к трезвым размышлениям. В голове царил сладкая, восхитительная пустота, когда он, нимало не озаботясь неумолимым бегом времени и ночной порой, сидел в беседке в счастливом одиночестве и смотрел на озеро с застывшей на лице бессмысленной улыбкой довольного жизнью человека.

Беседка по природе своей краснеть была не в состоянии, а вот у него до сих пор приятно горели уши, когда вспоминалось все, что было ему позволено, все изощренные фантазии и откровенные забавы при отсутствии и тени ханжества. Говоря проще, он был вымотан и опустошен, но горд собой — все было искренним и неподдельным, опровергавшим расхожие штампы о беспутных генеральских дочках и донжуанах в погонах. Настолько искренним и неподдельным, что ему было чуть жутковато.

Плохо только, что подобную лирическую нирвану ухитряются бесповоротно опошлить не только на Земле, но и под другими звездами...

Совсем неподалеку, в стороне Старого Корпуса, с оглушительным по причине тишины и безлюдья звоном разлеталось что-то стеклянное, вмазавшись со всего разгону во что-то твердое. А вслед за тем послышалось нечто среднее между кличем пещерного человека и уханьем уэллсовского марсианина, каким оно представлялось читателям классики.

«Мать вашу, и сюда добрались», — подумал Кирьянов без особенной злости, потому что любил

сейчас весь мир, включая молчаливого ползучего особиста. Взглянув на часы, он присвистнул, виновато хмыкнул и вышел из беседки. Возле Старого Корпуса притихли, но, проходя мимо, он увидел на ступеньках здания с вывеской две темные фигуры. Судя по ярко-алым огонькам сигарет, это были не призраки.

— Стой! — жизнерадостно рявкнули оттуда. — Эй, Благородный Дон, а ну-ка предъяви подорожную!

Он спокойно развернулся в ту сторону и, ухмыляясь, ответил в том же высоком стиле:

— Хамье, вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

— Потому что — бдительность, и враг не дремлет! — взревел уже другой голос совершенно не по тексту.

Кириянов подошел, присмотрелся. На ступеньках восседал Митрофанч, баюкая в руке бутылку, а рядом помещался кто-то незнакомый, с погонами майора и аккуратно подстриженной шкиперской бородкой.

— Костенька! — истово воскликнул Митрофанч. — Спасибо, милый, что рассказал. Ты представляешь, здесь на кухне десять ящиков «Звездной» так и стоят нетронутыми, с той еще поры! И в комнате у меня все осталось, как было, тумбочка моя собственная, кровать, даже рубашка от *ранешней* формы в шифоньере завалилась... Выпей, милый, ее раньше не из опилок гнали...

И он сунул Кириянову в руку откупоренную бутылку с высоким старомодным горлышком. Опустившись рядом на ступеньку, Кириянов поднес сосуд к глазам. Здешняя вторая луна, та, что побольше, еще не взошла, но и зеленый серпик меньшей давал достаточно света, чтобы рассмотреть этикетку — на ней был изображен по плечи детинушка с простым и незатейливым, однако

исполненным отваги и решимости лицом образцового красноармейца с музейных плакатов, в комбинизоне и странном шлеме, поневоле заставлявшем вспомнить рисунки к фантастике пятидесятих годов. Осененный развевающимся красным знаменем с серпом и молотом, детинушка соколом взирает в небо, а над ним стояло «Звездная» — тем же шрифтом, что и заголовок газеты «Правда». Сделав основательный глоток, Кирьянов убедился, что собеседник был прав — положительно не из опилок...

— Давайте знакомиться, — сказал незнакомый, пьяный значительно менее вовсе уж рассолодевшего Митрофаныча. — Майор Стрекалов, Антон Сергеевич, заведуя в этом заведении четвертым сектором.

— А это что? — спросил Кирьянов.

— А, ерунда, — небрежно махнул рукой майор. — Включил — выключил, перебросил-принял... Вы, стало быть, геройствуете, а мы вас, соответственно, туда-сюда швыряем... Сплошная скука.

Внезапно отобрав у Кирьянова бутылку, Митрофаныч сделал продолжительный, устрашающий для неподготовленного зрителя глоток и, покачав у Кирьянова под носом указательным пальцем, с расстановкой протянул:

— Тс! Насчет четвертого сектора — не любопытствуй! И насчет остальных тоже. Враг по злобой своей натуре коварно бдит...

— То-то я смотрю — перископ на озере... — фыркнул майор.

Митрофаныч оскорбился:

— Па-апрашу не шутить! Идеалы не для того были созданы, чтобы о них грязные сапоги вытирали! И насчет бдительности — рано смеетесь, с-сопляки! Бдительность себя оправдывает. Если бы не бдительность, я бы сейчас,

чего доброго, лежал бы где-нибудь неподалеку от Лаврентий Палыча или там Пашки Чередниченко... А так...

Наполеоновским жестом вытянув руку в сторону броневика со сквозной дырой в боку, сквозь которую виднелось озеро и звезды над ним, Митрофаныч вновь принялся рассказывать, многословно и с нешуточным надрывом, как эти коробки нахрапом, дуриком ворвались в *ворота*, но исключительно благодаря бдительности и высокому пониманию долга, проявленному полегшим, как один, персоналом неведомого третьего управления, агрессора уже ждали и были готовы, и он, Митрофаныч, вмиг уделал первого «чертовой плювалкой», а по второму четко, как на полигоне, рубанул «кладенцом» Вадик Чурилов, вечная ему память...

— Вы давно обнаружили, что Старый Корпус открыт? — поинтересовался майор.

— Что? — спохватился Кирьянов. — А, нет... Случайно... Гулял вот от нечего делать... А что, раньше он был закрыт? Это как?

— Надежно, — пожал плечами Стрекалов. — Силовые поля, что-то там еще... Внутри не заходили? Зря. *Серьезной* документации, конечно, не осталось, но там валяется масса газет, журналов, книжек, каких вы нигде более не увидите. Вся не-секретная часть библиотеки так и осталась...

— Да? — с интересом сказал Кирьянов. — Надо будет посмотреть потом.

— А допуск у т-тя есть? — грозно спросил Митрофаныч.

— Есть, — не углубляясь в дискуссии, кратко ответил Кирьянов.

— Тогда — да, имеешь право... Секретность, хороший мой, для того и придумана, дабы... Дабы! — по буквам, внушительно воздев палец, проскандировал Митрофаныч. — Именно что —

дабы! Секретность бывает не «потому что», а исключительно «дабы»! И нет на этом свете более высокого наслаждения, чем быть охваченным секретностью. Это, пацаны вы мои, в сто раз приятнее, чем драть бабу или там в ротик ей кончать. Поелику — возвышает над серой массой, не достойной допуска по второй форме или там «а-дробь-два нуля»... Это серенькие пусть думают, что Мишку Тухачевского с корешками как приговорили, так и исполнили, пусть волну гонят на лубянские подвалы и крематорий в бывшем монастыре. А мы-то знаем, под какими такими далекими звездами эти косточки догнивают и в каком секторе Галактики... Хозяин был гениально-го ума, и к жизни подходил, как справный мужик, у которого в хозяйстве любой ржавый гвоздик сгодится... К чему их исполнять, если на седьмой планете тройной звезды, название засекречено, некому двоякодышащих шестилапов из болота цеплять? То-то...

— Митрофаныч, — серьезно сказал майор. — А это не есть разглашение?

— Ух ты тютя моя, пусенька! — рявкнул оружейник, облапив его шею. — Кого ловишь, дурашка? Информация о Тухачевском с поделеньками переведена из «железного кабинета» в спецхран относительного доступа циркуляром номер три-восемь-семь дробь два-пять от шестнадцатого ноль шестого шестьдесят девятого, подпись — гран-полковник Белосельский, печать приложена! Так-то, салажка... А то б разинул я хайло, жди...

Его так и кренило на ступеньки. Майор со вздохом поднялся:

— Помогите уж телепортировать болезного...

Кириянов взялся помогать. Митрофаныч, пока его где вели под белы ручки, где ташили ногами по земле в сторону поселка, особо не сопротивлялся, упоенно бормоча что-то в сушей

экзальтации. Насколько удавалось понять из членораздельно произнесенного, он искренне полагал сейчас, что шагает в колонне торжественного парада в честь неведомого Кирьянову Одиннадцатого Июля. Здравницы выкрикивал, перемешивая не просто знакомые — громкие имена с совершенно неизвестными, лозунги скандировал, в конце концов с огромным воодушевлением заорал:

Под знаменем партийного доверия
любой к борьбе и подвигам готов!
Нас в звездный путь ведет товарищ Берия,
о нас заботится товарищ Маленков!
Даем пример ударного труда!
Средь звездных россыпей освоенной Галактики
Сияет красная советская звезда!

Потом совершенно неожиданно принял стойку «смирно» — а поскольку как раз в этот момент оба носильщика ослабили хватку, убаюканные мнимой покладистостью ноши, Митрофаныч рухнул навзничь на землю, в высокую траву, но это его нисколько не смутило, он продолжал браворать:

Пускай вдали остались зимы с веснами!
Мы вечной правдой сталинской сильны!
Без усталости идут путями звездными
Сыны могучей молодой страны!

— Слушайте, — сказал Кирьянов. — Ведь перебудит всех, нарвемся...

— Милейший обер-поручик, вы недооцениваете старую закалку, — чуть пошатываясь, ответил майор Стрекалов. — Хотите фокус?

Он склонился над поющим манифестантом и явственно произнес ему в ухо:

— Комендантский патруль поблизости!

Митрофаныч мгновенно умолк, словно повернули выключатель, воцарилась оглушительная тишина. Затаившись в траве, оружейник, такое впечатление, даже дышать перестал.

— Видели? — сказал майор с неподдельным уважением. — Старая школа. Беритесь, мы его черным ходом затащим... А потом, может, выпьем за знакомство?

— Благодарствуйте, — сказал Кирьянов. — С удовольствием.

Он все еще был преисполнен доброты к окружающему миру.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДНИ ЛЕММИНГОВ

Повинуясь мяукающему сигналу, сопровождаемому отчаянным миганием зеленой лампочки, он осторожно стиснул затянутыми в перчатку пальцами круглый рубчатый верньер и повернул его на три деления вправо. И ничего особенного не произошло, ничего не изменилось, разве что сигнал больше не мяукал и лампочка потухла до времени.

Он достал из нагрудного кармана пачку и сунул в рот сигарету. Пальцы с «Золотой Явой» беспрепятственно миновали чуть заметно мерцавшую вокруг его головы полусферу неведомого поля — а может, и не поля, возможно, это было нечто вроде марлевой повязки, отсекавшей из окружающего воздуха, мало чем отличавшегося от земного, вредных микробов и прочих мусор.

Планета была кислородная, но на этом ее достоинства исчерпывались целиком и полностью. Кирьянов еще ни разу не высаживался на столь

неприятном «шарике» — и это определение было еще чересчур деликатным...

Небо над головой было желто-багровое, по нему тянулись длинные разлохмаченные буро-лиловые полосы — а вполне может оказаться наоборот, и буро-лиловые полосы как раз и есть кусочки небосклона, проглядывающие сквозь скопище желто-багровых облаков... За двое суток они так и не смогли определить, как же именно обстоит, где атмосфера, а где облака, на глаз не понять, с равным успехом может обернуться и так, и этак. А впрочем, какая разница? Им здесь все равно не жить, да и работать осталось всего ничего, Шибко уверяет, что смена непременно прибудет еще до захода здешнего светила (которое так и не удалось ни разу лицезреть, оно скрывалось где-то в пелене, нисколько не проглядывало).

Справа и слева вздымались горы, скопище зазубренных пиков, которые не покорились бы и опытному альпинисту — коричневые и серые нагромождения сплошных острых граней, копьевидных вершин, отвесных склонов, глубоких пропастей, вертикальных поверхностей. Не так уж далеко за спиной они сходились в узенький проход — а перед героическими звездорубами лежала длинная равнина с полкилометра шириной, и равнину эту перегораживала цепочка из восьми очередных тачек.

На сей раз доверенная им техника представляла собой нечто вроде гигантских хоккейных шайб диаметром метров в десять и высотой не менее двух, не черных, как приличным хоккейным шайбам полагается, а белоснежных, зеркально сверкающих. Наверху помещалось углубление с удобным креслом и небольшим пультом — управлять этой штукой, а также проделявать нехитрые манипуляции с излучателями было даже проще, чем дис-

танционкой для телевизора, гораздо меньше кнопочек, с десятков, не более...

А впереди, метрах в ста, остановленные неизвестным излучением сверкающих машин, копошились те, ради кого их и забросили на эту долбаную планету, и они третьи сутки занимались несложной, совершенно не опасной, но монотонной и оттого надоевшей хуже горькой редьки работой. И неизвестно, что было хуже: работа или утомительное безделье, на сей раз длившееся уже более трех часов...

Впереди, насколько хватало взгляда, копошились тесно сбившиеся в кучи странные создания — нечто вроде оживших абстрактных скульптур, созданных не самым талантливым ваятелем. Или овеществленных видений законченного наркомана.

Если взять несколько вязанок длинных темно-коричневых мочалок и кое-как соединить их в некое подобие снопов, то примерно так это и будет выглядеть. Оживший сноп мочалок, груда длинных перепутанных волокон, сквозь которую проглядывает нечто вроде чёрного каркаса из палок, а в верхней части светится цепочка желтых шариков — то ли органы зрения, то ли... Да черт его знает, кому это интересно? Понаблюдав за скопищем мочалок третьи сутки, Кирьянов все же склонен был считать, что это глаза, но не взялся бы рьяно защищать свою гипотезу, благо от него это и не требовалось...

Да мать вашу за ногу! По необозримому скопищу загадочных аборигенов словно прошли широкие медленные волны, вся эта орда заколыхалась, поднялась над землей, сразу прибавив в высоте вдвое, тупо и нерассуждающе хлынула вперед, прямо на цепочку сверкающих боевых колесниц — а может, попросту пожарных машин.

Все это было до такой степени знакомо уже, обрыдло в высшей степени и не таило неожиданно-стей. Кирьянов вывел тот же верньер еще на три красных деления правее. Судя по реакции скопища, остальные в похвальном темпе проделали то же самое, результатом их трудов стала опять-таки привычная картина: коричневые существа, как-то ухитряясь не перепутаться разлохмаченными волокнами, отхлынули назад, на несколько метров, сбиваясь в компактную массу, едва ли не спрессовываясь в живую, колышущуюся стену.

Насколько можно судить по нарабатанному уже опыту, это сулило очередную передышку на пару часов. Убрав руки с пульта, Кирьянов зажег очередную сигарету, потом, не удержавшись, коснулся пояса и убрал «звуковой щит».

Все то же самое, разумеется. Как и в прошлые разы.

На него обрушилась лавина совершенно непонятных звуков — потрескивание, громкое, глухое и непрестанное, нечто вроде свиристенья, пронзительные пiski, что-то вроде хриплого карканья и скрежета, хлопки, более всего напоминавшие звуки, с какими лопаются воздушные шарики.

Здесь и не пахло членораздельной речью, разумными словами, иначе транслятор непременно ухватил бы таковые и прилежно перетолмачил, как ему и положено. И тем не менее Кирьянов неким то ли восьмым, то ли девятым чувством улавливал смысл. Он не мог бы объяснить, как это получается, но руку дал бы на отсечение, что смысл улавливает...

Это была *беда*.

От метлообразных чудовищ веяло несчастьем, бедой, трагедией, катастрофой, чем-то роковым и неумолимым, гнавшим стадо аборигенов вперед и вперед, словно скопище леммингов. Окажись вместо передвижных излучателей шеренга

неутомимо работающих пулеметов, они с тем же тупым упорством лезли бы вперед, на пару часов притихая после невидимого лучевого удара — такое было у него впечатление. А временами казалось, что от колыхавшейся на равнине орды густо веет волнами тяжелого и неприятного запаха — опять-таки запаха несчастья и беды, трагедии и боли.

Вот это уже было чистейшей воды самовнушение, мерцающий колпак надежно ограждал не только от пыли и бактерий, но и от любых запахов — и все же Кирьянов порой ловил себя на том, что хочется поплотнее забить ноздри ватой, которую здесь неоткуда взять...

Он коснулся крутяшка на поясе, и звуки ментально утихли, но не прошло навязчивое ощущение, будто с равнины воняет грязными лохмотьями и гнойными язвами, болезнью и бедой...

Ладно, они притихли пока что. Еще пару часов изнывать от безделья, а вот сигареты кончаются, не рассчитал...

— Абрам Соломоныч, господин жидомасон! — позвал он негромко. — У вас как насчет табачку? В палатку тащиться неохота...

— Какой разговор, Костя? Подходите.

Кирьянов, беглым взглядом окинув нехитрые приборы и убедившись, что все в порядке, спустился по узенькой сверкающей лесенке, пошел к соседней тачке, откуда уже проворно спускался Кац. Далеко позади стояла их обычная палатка, и никого возле нее не было: всех усадили за пульта тачек, даже Васю с Митрофанычем.

Они встретились как раз на полпути, Кирьянов взял у напарника запечатанную пачку, благо у того это была не последняя. Щелкнув зажигалкой, спросил:

— Соломоныч, вы видели? Иные из них определенно тащат с собой какие-то *пожитки*. Что-то

вроде сеток, неизвестно из чего сплетенных, а там у них что-то навалено непонятное...

— И что? — устало пожал плечами маленький носатый Кац.

— Да ничего, — ответил тем же жестом Кирьянов. — Но это определенно пожитки... А звуки слышали?

— Я «щит» включаю.

— Я тоже. Но иногда тянет послушать.

— А зачем, Костя? Какой смысл?

— А без всякого смысла, — сказал Кирьянов. — У них что-то случилось, полное впечатление...

— Вполне может быть. И что, нам легче будет, если мы поймем, что именно? У нас задача и точный приказ...

— Ну да, — сказал Кирьянов. — А если что не так — не наше дело, как говорится, родина велела... — И он немелодично мурлыкал дальше: — Как сладко быть ни в чем не виноватым, солдатом, солдатом...

— Мы все же пожарные скорее, а не солдаты, — сказал Кац. — Не принимайте все так близко к сердцу, душевно вам советую. Я за три года навидался сцен и загадочнее, и, пожалуй что, гораздо печальнее. Вы привыкайте. Это надолго — я имею в виду, служба.

— Она вам нравится?

Кац пожал плечами:

— Я как-то и не задумывался в этом аспекте... Как это служба может нравиться или не нравиться? Коли она — служба? Нужно держать равнение в шеренге...

— А все же?

— Костя, мы все через это прошли, — сказал Кац негромко. — Сначала многое кажется бессмысленным и нелепым, потом втягиваешься. Главное, совершенно точно известно, что нас никогда не заставят делать ничего по-настоящему

плохое, уж поверьте изрядно пожившему на этом свете старому еврею. Но это еще не самое главное. А самое главное... Самое главное, пожалуй, в том, что *здесь* нет антисемитизма, что как нельзя более по душе старому Кацу. Между прочим, *здесь* нет также и тени русофобии, что должно быть как нельзя более по душе вам. Здесь вообще нет никаких «фобий» и «измов», этот мир настолько прекрасен, несмотря на то, что порой скучен бесприсветно, неинтересен в той его части, что довелось увидеть, даже уныл...

— Душу щемит от этой красоты, — саркастически ухмыльнулся Кирьянов.

Глаза Каца были большими и печальными.

— Это оттого, Костенька, что вы, в общем, благополучный пожарный, — сказал он совсем тихо. — А вот попробуйте представить себя в месте под названием Аушвиц... слышали про такое место? И попробуйте представить, что вас в этом Аушвице взяли за локоток, отвели в угол и предложили более там не быть, и все, что обещали, вот поразительно, оказалось чистой правдой, а не бредом спятившего соседа по бараку...

Кирьянов сглотнул застрявший в горле комок и с трудом выговорил:

— Шутите?

— Шучу, шучу, конечно, — ответил Кац с принужденной улыбкой. — Что еще делать прожженному жидомасону, как не пудрить мозги рослому, бесхитростному и красивому русскому парню? Карма такая... У меня, кажется, индикатор пищит?

Он резко отвернулся и пошел, почти побежал к своей сверкающей тачке. Кирьянов долго смотрел ему вслед в тяжелом раздумье, потом плюнул, дернул головой и взобрался на свое место, злясь на себя за то, что не знает, как отнестись к услышанному. Временами окружающее каза-

лось ему неустойчивым и зыбким, странной смесью сна и яви, он не мог отличить правду от баек, истину от вранья, мучительно продирался к неким откровениям, вот только не знал, стоит ли это делать вообще, не знал, существует ли законченная, неподдельная и всеобъемлющая истина. Она открывалась как-то по кусочкам, урывками и случайными озарениями, и за крохами точного знания, он знал совершенно точно, высилась такая громада непознанного, что руки опускались...

Расфилософствовался, топорник, одернул он себя, ловко взбираясь по сверкающей лесенке. Самое подходящее занятие для рядового галактического пехотинца, никогда не ощущавшего желания уподобиться Канту, Шопенгауэру и даже доценту-соседу из пятой квартиры... Интересно, зачем тебе абсолютная и всеобъемлющая истина, даже если она существует? Тайка и без философических рассуждений принимает, каков есть, да и остальные...

Он с угрюмым вздохом откинулся на спинку кресла, присмотрелся. Да, это были пожитки — набитые чем-то сетки, продолговатые предметы, чересчур правильной, рукотворной формы, непохожей на игры природы с деревом и камнем... Ну и что?

Вдали показался приближавшийся с приличной скоростью летательный аппарат, обтекаемый, небольшой, сверкавший. Не издавая ни малейшего шума, он пронесся высоко над скопищем метлообразных существ, не обративших на него ровным счетом никакого внимания, миг погасил скорость — только что неслись быстрее иного истребителя и вот уже висит над бурой каменистой землей рядом с тачкой Кирьянова.

Опустился наземь, едва слышно захрустели мелкие камешки, придавленные плоским брюхом.

Колпак откинулся, выпрыгнул прапорщик Шибко, быстро оглядевшись, взлетел к Кирьянову с обезьяньим проворством.

— Держите? — спросил он вяло, доставая сигареты.

— Держим, — сказал Кирьянов. — Три раза лезли вперед, три раза откатывались. Рутина...

— Терпи, обер, — фыркнул Шибко. — Не каждый же раз героически зарабатывать приличные ордена в роли Колумбов и Магелланов...

— Что там? — спросил Кирьянов, кивнув вперед, в ту сторону, откуда прапорщик прилетел.

— Да ни хрена хорошего, — поморщился Шибко. — Ни просвета. Километра на три по долине — сплошные метелки. Помнишь долбанные времена борьбы с алкоголизмом, когда в магазин и с талонами было не пролезть, кроме как по головам? Вот такая картина. Классическая очередь в винный. Ордами прут...

— Зачем?

Шибко посмотрел на него устало и насмешливо, шелчком отправил окурочек за борт тачки:

— Степаныч, как мужик мужику: звездоруб из тебя получается вполне приличный, и хотел бы, да не придерешься. Но я тебя душевно прошу: брось ты, как дите в зоопарке, ежеминутно пальцем тыкать во все стороны да ныть, зачем оно, почему и откуда... По большому счету, оно нам на хрен не надо. Легче тебе станет, если будешь знать, что это беженцы племени Мапиндузи, пустившиеся в паломничество во исполнение заветов блямбовизма, воплощенного в учении святого Чупахи? Это я, если ты не понял, на ходу выдумываю... Ты еще столько всякого насмотришься, что гляделки устанут. Слушай лучше приятную новость. Нас вот-вот сменят, группа из соседнего сектора уже на подходе.

Кирьянов облегченно выругался, вмиг позабыв о колыхавшемся совсем близко океане коричневых метелок.

— Так-то, — осклабился Шибко, похлопав его по плечу. — Совсем другое выражение морды лица... Ага!

Кирьянов проследил за его взглядом. С противоположной стороны медленно приближалась тачка уже знакомой системы — овальная платформа с сиденьями, накрытая прозрачным колпаком, вызывавшая не больше эмоций, чем мусороуборочная машина на земле.

— Пошли, — сказал Шибко. — Интересно, кого нам на смену кинули.

Из образовавшегося в прозрачном колпаке проема вереницей тянулись фигуры в скафандрах. Парочка человекоподобных, нечто вроде гигантского богомола с фасеточными сиреневыми глазами, жвалами и толстыми усиками, мохнатая физиономия с тремя горящими сквозь завитки курчавой шерсти зелеными глазами, парочка жабобразных, и каждый знает свое место в шеренге, сразу ясно: группа слаженная, выдавшая виды...

Обогнав своих, к ним приблизился гуманоид с уверенными повадками командира. Кирьянов с вялым, едва тлевшим любопытством уставился на него, гадая, где могут обитать подобные чернокожие великаны, и тут до него дошло, что это определенно не инопланетник, а самый натуральный негр, судя по сложению, завербованный где-нибудь в боксерском клубе...

Черный великан лихо отмахнул ладонью от виска:

— Флаг-майор Гамильтон, имею указание вас сменить. — Он присмотрелся к обоим, блеснул белоснежной улыбкой: — Парни, вы, часом, не с Земли? Что-то рожи ваши у меня с Солнечной

системой ассоциируются... я сам из Кентукки, если кому интересно.

— Солнечная система, Земля, Россия, — с ухмылочкой ответил Шибко.

— Ну, я ж чуял! Не первый год по Галактике шлепаем, чутье, оно себя оправдывает! — Он повернулся к своему воинству и взревел: — Шеренгой стройся в положении «вольно»! Как оно тут, прапорщик?

— Бодяга, — сказал Шибко лениво. — Третьи сутки воду в ступе толчем.

— Начальство поблизости есть?

— Слава богу, ни единого...

— Ну и отлично! — громыхнул чернокожий флаг-майор, извлекая из набедренного кармана большую плоскую фляжку. — Махнем по глоточку за галактическое братство?

Шибко церемонно сказал:

— С точки зрения постоянной Планка и учетом гравитационных возмущений в секторе — самое уместное в данный момент предложение...

— А я что говорю? Поехали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГОСТИ НОЧНОЙ ПОРОЙ

Он спал беспокойно — мерещилась какая-то чепуха, смесь пережитого в разных уголках Галактики и откровенных кошмаров, тяготящая и унылая. То он стоял на берегу *своего* озера, поджидая Таю, но вместо нее со стороны генеральских дач приближалось что-то, не имевшее четких форм, обтекаемо-склизкое, бледно-зеленое, уставившееся тусклыми желтыми бельмами — причем не было

страха, во сне Кирьянов совершенно точно знал, что происходит нечто *ожидаемое*. То его забрасывали на какую-то заснеженную планету в совершеннейшем одиночестве, ласково уговаривая, что потерпеть на боевом дежурстве придется всего ничего, лет двадцать, а потом обязательно пришлют напарника, правда, если получится, — и вот *этот* кошмар, лишенный омерзительных образов и реальной угрозы, был настолько страшным, что Кирьянов проснулся, как от толчка...

И довольно быстро понял, что его в самом деле толкнули — или попросту грубо потрясли за плечо. В спальне стояла темнота, но на фоне окна — штору он, конечно же, не задернул, ни к чему было — явственно виднелся силуэт человека, и кто-то цепко держал его за оба запястья, а чья-то бесцеремонная рука шарилась под подушкой, и склонившиеся над ним были вполне материальные, это уже не сон, это самая доподлинная явь...

— В чем дело? — недоуменно спросил он.

— Молчать, тварь! — шепотом рывкнул кто-то в самое ухо. — Мозги вышибу! Молчать!

В висок ему упиралось что-то твердое, холодное и вроде бы округлое, судя по ощущению.

Кирьянов поежился — дело в том, что предмет, вошедший в непосредственное соприкосновение с виском, чрезвычайно напоминал пистолетное дуло. Насколько удавалось определить, по комнате осторожно передвигались три-четыре человека, не меньше.

— Тихо, тихо, — негромко произнес над ним другой голос, уверенный, властный и насмешливый. — Не надо дергаться. Не жульманы в гости зашли, не гоп-стопники, а вполне приличные и где-то в чем-то милые и душевные люди... НКВД, управление «Кассиопея». Доводилось слышать о таком заведении, господин Гурьянов? Только, я вас умоляю, целку не строим... Свет.

На столике щелкнул выключатель его собственной настольной лампы, и ослепительный свет ударил в лицо. Он зажмурился, что помогло плохо. Кто-то передвинул лампу, и глазам немного полегчало, теперь свет бил на постель в ногах.

Твердый предмет отодвинулся от виска, но вместо этого оба его запястья крепко прижали к постели цепкие, умелые и сильные лапы. От субъектов, державших его за руки, пахло табаком, одеколоном и гуталином.

Скрипнул передвигаемый стул, кто-то уселся рядом с постелью — обладатель того самого начальственно-насмешливого голоса.

— У нас совершенно нет времени, Гурьянов, — сказал он холодно. — Поэтому беседу придется вести в быстром темпе, чечеточном, я бы выразился, уж безусловно не танго... Нет у меня времени танцевать с вами медленное танго.

— Что вам...

— Что нам нужно? — понятливо подхватил голос. — Уж, безусловно, не часы с ночного столика. Расклад простой: вы мне быстренько рассказываете, кто передал в Амстердаме мальчикам Троцкого папку с документацией по альтаирскому направлению... и мы, очень может случиться, расходимся вполне мирно. Конечно, не буду лукавить, предварительно мы бюрократическим образом оформим некие нежные отношения. Это — если не вздумаете вилять. Прежде чем *извиваться*, надобно вам знать, что Мирского мы повязали, как пучок редиски. В Киеве, не дожидаясь, когда пересечет границу. Буду с вами предельно откровенен, дружище: с Максом так не получилось, ваш Максик обладал неплохой реакцией и стрелять умел, так что не удалось живьем... Но Мирский выболтал столько, что вам и запирайтесь, в общем, глупо... Ну? Кто попятил папку, я уже знаю. А вот кто передал ее Левиным маль-

чикам — пока нет. Но горю желанием узнать...
Исповедуйтесь, родной!

В его голосе звучала серьезная, нешуточная деловитость. Все происходившее никак не напоминало ни сон, ни розыгрыш...

— Да послушайте вы...

— Слушаю. Кто был в Амстердаме?

— Это ошибка какая-то...

— А я ведь предлагал по-хорошему, — грустно сказал невидимый собеседник. — Что там у него по ориентировке, Коля? Пассивной педерастии не отмечено?

— Да нет, — торопливо ответил кто-то другой. — Баб дерет, как нормальный.

— Это великолепно, — задумчиво произнес человек, определенно бывший здесь старшим. — Это замечательно... Упрощает задачу. Хотя он и не Кашей Бессмертный, но смерть у него в яйце...

В круге света появилась рука в черной кожаной перчатке. Кирьянов прекрасно видел рукав *старомодной* гимнастерки — из хорошего материала, светло-зеленый, с вышитой красным и золотым эмблемой на рукаве. Там были щит и меч, там были серп и молот, но центральное место занимала восьмиконечная звезда с разновеликими лучами, в точности такая, как на рукаве его собственного кителя... Все это было настолько нелепо и жутко, что у него пропал голос.

Простыня отлетела в сторону, рука в черной перчатке обхватила его гениталии и легонько надавила, самую чуточку, но и этого хватило, чтобы взвыть от тупой боли. Правда, один из стоявших по бокам тут же зажал ему горло, и вопля не получилось.

— Это, как вы понимаете, легонькая демонстрация, — сказал старший. — Но если ты мне начнешь целку изображать, давану уже по-настояще-

му, от души. Только хрупнет... Ну, ты будешь колоться или как?

— Идиоты! — прохрипел Кирьянов, смаргивая выступившие на глазах слезы от боли. — Кирьянов моя фамилия, никакой я не Гурьянов, причем тут Троцкий? Вы куда вломились, дуболомы?

— Интересно, — сказал старший, не убирая руки. — Несколько неожиданный поворот беседы...

— Сергей Семенович... — слышался рядом почтительный шепот.

— Ну?

Шепот стал вовсе неразборчивым и откровенно взволнованным.

— Твою мать... — с чувством произнес старший. — Точно?

— Посмотрите вон...

— Вот именно, идиоты, посмотрите! — придуманно произнес Кирьянов, чувствуя на горле сильные пальцы. — В столе, в верхнем ящике, там все написано...

— Коля... — веско произнес старший.

Послышались шаги, легонький скрип выдвигаемого ящика. Кирьянов зло хмыкнул. Там, в верхнем ящике, лежала оформленная по всем здешним правилам грамота на орден, выполненная на левой половине какими-то загадочными знаками, а на правой — классическими русскими буквами. Красивая грамота с голограммами, печатями и эмблемами, где синим по светло-желтому были прописаны его звание и фамилия с именем-отчеством.

— Сергей Семенович... — произнес невидимый Коля убитым тоном гофмаршала, у которого посреди большого королевского приема вдруг упали шитые золотом панталоны, открыв ситцевые трусы в дырках и заткнутую за резинку оных украденную золотую ложку с алмазным вензелем сурового монарха...

— Что?

— Вы уж сами посмотрите...

Старший встал, исчез в темноте. Вспыхнул узкий луч фонарика, послышалась энергичная матерщина. Тут же вернувшись, старший склонился над распластанным Кирьяновым:

— Это что, четвертая плоскость?

Ободренный впервые зазвучавшими в этом голосе нотками неуверенности, Кирьянов злорадно ответил:

— Представления не имею, четвертая или пятая с половиной. Одно знаю: вас, клоунов, здесь быть не должно, вы куда-то не туда забурились, идиоты! Не знаю, как там у вас, не бывал, а у нас Троицкий лет шестьдесят как помер!

— Приятно слышать... — сказал старший, отчаянно пытаясь обрести прежний напор. — Ну, полежите пока...

По комнате метались уже три луча сильных фонариков. Кто-то вышел в кабинет и вскоре вернулся, протянул испуганно и тоскливо:

— Сергей Семенович, бля буду, это не та плоскость...

— Вы бы хоть компас завели, Колумбы! — воскликнул приободренный Кирьянов.

— Тихо, тихо, — посоветовал старший не особенно и помягчевшим голосом. — Не выступайте, не на трибуне... Ну что, товарищи дорогие? Не опять, так снова? Быстренько определите меж собой, кому из вас раком становиться — потому что кому-то непременно придется...

— Сергей Семенович... Расчетчик сбилсся, показал в правом окошечке не пятерку после запятой, а...

— Расчетчик — машина тонкая и где-то даже умная, — сказал старший. — Но вот в блудливых рученьках она... Ладно. Извините, товарищ Кирьянов, простите великодушно, *обшибочка* вышла, никто не гарантирован и не застрахован... Случа-

ется из-за таких вот разгильдяев, чего уж там...
Винные, как говорится, понесут...

Правда, особого раскаяния в его голосе не чувствовалось, скорее уж легкая досада.

— Сергей Семенович...

— А?

— Это, точно, четвертая... Плоскость «Зет». Хозяйство Зорича.

— Ну и?

Голос предложил с нешуточным азартом:

— Сергей Семеныч, а давайте *этого* грохнем! Не подписку ж с него брать? Сохранение тайны и вообще... Не люблю я эту белогвардейскую рожу, с души воротит... Кто узнает? Острую сердечную недостаточность ему по счету «раз»...

— Это самодеятельность, Вадичка, — сказал старший небрежно. — Весьма даже непозволительная. Мне этот недобитый гад тоже не по душе, но нет у нас полномочий пакостить в сопряженной плоскости, тут свое начальство и свои органы...

— Так сил же нет смотреть! Развели тут...

— Я с тобой потом поговорю, — пообещал старший. — Вдумчиво и подробно. Чтобы не декадентовал и не подменял собою инстанции... — Он наклонился к Кирьянову, стягивая черную перчатку. — В общем, извините, товарищ обер-поручик, оргвыводы последуют, гарантирую, с занесением и опубликованием, как положено, инстанции исправят отдельные нетипичные ошибки и головотяпство... Мы уж пойдем, ладно? Так что еще раз *звиняйте*...

И в следующий миг короткий умелый удар чиркнул Кирьянову по горлу, на несколько секунд совершенно лишив дыхания, цепкие лапы разжались, и старший прикрикнул:

— Ноги в руки! Навести прежний порядок, ничего не брать... Коля, тебя касается!

— А тут и нечего поправлять...

Несколько пар ног энергично затоптали к выходу, пока Кирьянов корчился от боли — в глотку словно колышек загнали. Когда чуть-чуть отпустило, он вскочил, не теряя времени, кинулся следом, злой как черт от боли, унижения и обиды, как был, в трусах, вдогонку освещенным странным неярким сиянием силуэтам.

Входной двери словно бы и не было, на ее месте зиял квадратный проем, обрамленный множеством слабо мигающих огоньков, там, внутри маячили какие-то зеркальные поверхности, трубчатые конструкции, выгнувшиеся аркой, и под эту арку торопливо ныряли один за другим ночные гости.

Настигнув последнего, Кирьянов от всей изобужденной души припечатал ему кулаком по загривку и, вот везение, успел — человек в туго подпоясанной широким ремнем старомодной гимнастерке охнул и с матерным рывканьем полетел головой вперед прямо под арку.

И тут же все растаяло в беззвучной вспышке, обдавшей волной сухого жара. Кирьянов, потеряв опору под ногами, полетел на пол в коридоре, ушиб локти и колени, обрушился с таким грохотом, словно шкаф уронили.

Неуклюже поднялся, вне себя от ярости. Коридор был пуст, мягким приглушенным светом сияли лампы. Потом приоткрылась дверь, высунулся майор Стрекалов, всклокоченный, тоже в одних трусах, но вовсе не казавшийся вырванным из сна.

— Белая горячка или тревога? — поинтересовался он живо. — Вроде бы стадо слонов протопало...

Кирьянов оглянулся — дверь его квартиры вновь возникла из ниоткуда, аккуратно затворенная.

— Что за фокусы?

— Не поверите, — зло сказал Кирьянов. — Козлы, мать их...

— Кто опять? — Он присмотрелся. — Заходите-ка, определенно что-то стряслось. У меня лекарства навалом...

— А удобно?

— А чего ж неудобного?

Поколебавшись, Кирьянов вошел. Майор проворно достал из шкафчика бутылку микстуры известной фармацевтической фирмы «Хеннесси» и два стаканчика из черненого серебра. Наполнил опытной рукой.

Кирьянов прислушался. В спальне определенно скрипнули пружины, кто-то ворохнулся на постели. Интересно, кто? Девочка-связистка или воплощенная кнопкой мечта?

— А...

— А подождет, — сказал майор, перехватив его взгляд. — Никуда не денется. Ну, за кибернетику...

Кирьянов осушил свою «микстуру» единым духом, помотал головой:

— М-мать, вот о таком меня точно не предупреждали...

— Кратенько, в нескольких словах, — без всякого удивления сказал Стрекалов.

Выслушав краткое объяснение, он преспокойно пожал плечами:

— Ну, бывает. Дело житейское. Кто квартирой ошибется, кто плоскостью. Аппаратура-то наверняка примитивная, первых выпусков, детство человечества...

— Они говорили, что из НКВД...

— Ну и что? — с тем же видом величайшего спокойствия сказал майор. — Не разобрались еще, где очутились? — Он черкнул пальцем по воздуху.

Прямо перед ним повисла призрачная клавиатура, словно нарисованная розовым светом. Стре-

калов небрежно коснулся пары значков, присмотрелся к зеленым кривым и сине-желтым знакам, возникшим повыше клавишей, вновь пожал плечами:

— «Кассиопея», говорите? Никакой это не библом Ньютона... Объясняя так примитивно, насколько это возможно, к нам по ошибке нагрянули ребятки из шестой плоскости отрицательной абсциссы, многоточие-слоистости четвертого многоточие-пространства. — Он предупредительно пояснил: — Слово «многоточие» я произношу вместо длиннейших обозначений координат континуумов, в которых вы все равно не разберетесь, не будучи специалистом...

— Большое спасибо, спасибо огромное, — сказал Кирьянов, понурясь на табурете. — Что бы я без вас делал... отрицательная абсцисса, конечно... А совсем просто нельзя?

— Ну... Структура не просто грандиозна и необорима. Она еще предельно разветвленная, слоистая, взаимопересекающаяся, состоит из неисчислимого множества миров параллельных, перпендикулярных, взаимно пересеченных, соседствующих... А, да что там. Вы вспомните всю прочитанную фантастику, сложите вместе и умножьте раз в десять степень сложности... Вот и все, если совсем просто.

— Подождите, — хрипло сказал Кирьянов. — Вы хотите сказать, не только пространство, а еще и *время*?

— Головоломная и запутанная это штука — Структура...

— Налейте еще.

— Извольте, чего жалеть...

— Что же, мне безоговорочно верить Митрофанчу?

— Вот уж чего не следует делать, так это безоговорочно ему верить, — усмехнулся Стрекалов. — Старая школа, знаете ли, своя специфика, эти ре-

бьята сызмальства приучены так виртуозно перемешивать правду с дезой, что через их рассказы надо *продираться*. Но в *главном* я бы ему на вашем месте верил. Старушка Структура гораздо старше, чем может показаться.

— М-мать... — сказал Кирьянов, отставив пустой стаканчик. — Куда я попал?

— В Структуру, мил друг, в нее, родимую...

— Подождите. Вы что, хотите сказать, что где-то там, в соседних плоскостях, Троцкий и в самом деле...

— Ну что вы прицепились к Троцкому? Не он единственный, там масса игроков... Ну да, а что особенного? Степаныч, вам пора отучаться от местечкового кругозора. Полагаете, в тридцатых вся эта компашка рвала друг другу глотки исключительно ради кресла в Кремле? Ради нашего *шарика*? Скажу по совести: я не до конца верю Митрофану в части того, что именно он конвоировал к месту назначения Михал Николаича со сподвижниками, но нисколько не сомневаюсь: в свой последний час эта компания, я о проигравших, увидела отнюдь не то, что ожидала увидеть... И очень даже возможно, что косточки их в самом деле обсасывал какой-нибудь шестилапый пятихрен при свете двух солнц или пяти лун... Ну, возьмите себя в руки, вы же должны быть психологически подготовлены многолетним и систематическим чтением фантастики. На стра- ницы коей, если уж мы беседуем откровенно, иногда *прорывалось* некое отражение взаправдашней реальности — когда по недосмотру контроля, ибо всего не охватишь, когда в рамках неких проектов, рожденных многоопытными спецами из недр Структуры... Я бы мог навскидку назвать вам пару-тройку имен, но боюсь, вы тогда окончательно расклеитесь. У вас

и сейчас-то вид крайне предосудительный... Выпьем, что ли?

Глядя сквозь него, Кирьянов произнес, обращаясь скорее к самому себе:

— Интересно, сколько еще будет сюрпризов?

— Поскольку, как известно, Вселенная бесконечна, то и сюрпризы, соответственно... Знаете что? Напишите жалобу. Я не шучу. Жалобу по всей форме. Незаконное вторжение в результате халатности, моральный и материальный ущерб... Кое-кому непременно строгача влепят, лычку снимут, квартальной премии лишат...

— Да пошли они... — зло сказал Кирьянов. — Черт, я только-только начал осваиваться и привыкать...

— В этом и ошибка, — серьезно сказал майор. — *Слишком* рано вам успокаиваться и привыкать. Настолько рано...

— Жизни-то хватит? — печально усмехнулся Кирьянов.

— Ну, не бросайтесь из одной крайности в другую... Вообще не считайте, будто с вами произошло нечто *новое*. С какой это, интересно, стати? — Майор проворно наполнил стаканчики. — Весь грустный юмор ситуации в том, что ничего принципиально нового с вами не произошло. Что, у нашей далекой Родины нет своих строго охраняемых государственных тайн? Которые иногда выплывают на свет, а иногда и нет? Навалом — как в любой другой стране. И устойчивых мифологем навалом. *Здесь* — по большому счету, то же самое. Ничего нового. Тайны, которые понемногу раскрываются, и мифы, которые со временем рушатся... И если каждый раз приходиться в уныние, обнаружив, что вам о чем-то врал, а на самом деле было совсем даже не так... Не стоит оно того. Это я вам точно говорю, как доморощенный философ-стоик. Строго говоря, мы с вами Земли и

не покидали — наша Земля просто раздвинулась до немислимых пределов. Разве что за границей стратосферы малость чище, гуманнее и мирнее... Всего делов!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГОСТИ ЯСНЫМ ДНЕМ

Столовая, рассчитанная человек на пятьдесят, была пуста — все-таки здешняя жизнь была далека от казарменного распорядка, к тому же связисты и транспортники, работавшие по своим графикам, и есть ходили по другому расписанию, как кому выпадет. Кирьянов разделялся со своим десертом — инопланетными фруктами неведомо из какого уголка Галактики — в полном одиночестве.

Возникший в дверях Миша Мухомор направился прямо к его столику своей расхлябанной походочкой, но не сел, остановился над плечом Кирьянова, насвистывая сквозь зубы, нетерпеливо притопывая.

— Что, начальство вызывает? — спросил Кирьянов, запихивая в рот сразу три последних ломтика, ноздреватых, синих с желтыми точками. Ломтики растаяли сами по себе, истекая густым соком.

— А? Да нет... Степаныч, нам бы потолковать душевно...

— Давай.

— Да нет, не тут. Мало ли что... Ты уже похавал или еще, как аристократу положено, кофей хлебать будешь?

— Да в принципе и без кофея можно обойтись... — сказал чуточку заинтригованный Кирьянов.

Отношения с «потомственным уркаганом», как и с прочими, у него были ровными, нормальными, но впервые тот первым выходил за установленные рамки.

Кириянов вытер рот белейшей салфеткой, бросил ее на стол и поднялся. Мухомор чуть ли не бежал впереди, нетерпеливо оглядываясь. Положительно, он был ненормально возбужден, из кожи вон лез... Любопытство крепло.

— Пошли за локалку куда-нибудь, — сказал Мухомор. — Подальше. Кто их ведает, может, тут повсюду микрофоны натканы...

— А зачем?

— Ну, для порядка. Особист же ползает, жаба зеленая... Береженого бог бережет, небереженого конвой стережет...

Они отошли от поселка метров на сто — в противоположную от Старого Корпуса сторону, по колее, наезженной уазиком Васи во время возвращения с Земли.

— Степаныч, — сказал Мухомор проникновенно, душевно, невероятно доверительно. — Бля буду, я тебя по жизни уважаю. Ты правильный пацан, начальству жопу не лижешь, в хате своей держишься правильно. Короче, я тебя давно зауважал...

— Приятно слышать.

— Ты не лыбься, я к тебе с полным доверием и дружбой... Степаныч, — он остановился напротив Кириянова и с загадочным видом уставился прямо в глаза, — можешь ты мне помочь в совершенно пустяковом деле? Не, я неправильно выразился... Не то чтобы мне помочь, а себе самому полезное дело сделать?

Чуть подумав, Кириянов сказал:

— Ладно, если в рамках закона и не понадобится сейфы ломать или перо кому-то в бок вставлять.

Мухомор оскалился:

— Ну ты даешь... Сейфов тут таких нету, чтобы стоило их ломать, а перо в бок я и без твоей помощи вставляю, коли возникнет такая потребность — потому что ты-то, прости, в этом ни черта не смыслишь, где тебе фраера грамотно пописать... Ну конечно, в рамках, а как же... Исключительно в рамках... Степаныч, ты ж нормальный в половом плане, чего там... Бабу отодрать сможешь?

— Какую? — опешил Кирьянов.

— Та-акую, что все отдай, и мало! — протянул Мухомор, едва ли не облизываясь. — Точно тебе говорю. Ты не думай, ей самой охота, чтоб ее вздружили со всем усердием. Я бы и сам оформил, с тобой не делясь, но у меня свой фронт работ, и тут уж на тебя рассчитывать нечего. Ты ж у нас чистоплюй, на нарах не чалился, ты пидора шпилить толком не сможешь...

— Не приходилось как-то.

— А ты губы-то не криви, мало ли когда какое умение в жизни пригодится... Короче. Ко мне тут гости нагрянуть обещались.

— К тебе?!

— Ну да, — безмятежно сказал Мухомор. — Что я, у бога теля съел, что ко мне гости прийти не могут?

— С Земли?

— Да нет, — серьезно сказал Мухомор. — Стал бы я из-за Земли переживать... *Местные.* Здешние, усек? — Он сделал обеими руками широкий жест в сторону то ли небес, то ли горизонта.

— Интересно девки пляшут... — сказал Кирьянов. — Как тебе удалось?

— А чего тут «удаваться»? Законом не запрещено. И почта здесь, между прочим, работает исправно. Ты просто никогда не пробовал, без году

неделя здесь, знакомых у тебя нету. А я малость обжился уже, огляделся и приноровился... Дело в принципе нехитрое. Врубаешь компьютер, шлешь письмо или к визору подключаешься, и собеседничек у тебя на экране, как живой, болтай с ним до посинения... Ладно, не в том дело. Короче, вот-вот нагрянут. Я этого козлика долго обхаживал, пока согласился заехать, тварь ленивая, зажавшаяся... Ничего, установлю раком, не впервой... Но у него, понимаешь, есть сеструха, ей тоже романтики охота, только совершенно нормальной, под мужика примоститься... Что тебе стоит? Деранешь ее со всем усердием, попросишь сувенирчик...

— Какой?

Мухомор огляделся, невзирая на безлюдье и тишину, зашептал в ухо:

— Степаныч, хочешь в самоволку сорваться? *Настоящую* Галактику посмотреть? А не эту зачуханную зону? Ну чего ты рот разинул, дурило, я тебе всерьез предлагаю...

— Как так?

Миша расхохотался:

— Ну и рожа у тебя, ты б видел... Повторяю по буквам: в самоволку хочешь? Галактику посмотреть?

— Хочешь сказать, что *ты*...

— Будешь с головой — нигде не пропадешь, — назидательно поднял палец Мухомор. Гонят кипеж — Галактика, Галактика... А если разобраться, нет в ней ничего такого сложного. Надо только знать, какие ниточки дергать. Для умного человека — непаханая целина... Челюсть подбери и смотри веселей! — хлопнул он Кириянова по плечу. — Дело предлагаю.

— Да говори ты толком!

— А я что, ребусы тебе подсовываю? Короче, эти типы, братишка с сестренкой, — из *жирных*.

Здесьняя аристократия. Аристократия такая штука, что она есть всегда и везде, только зовется по-разному — графья там, партийные работники, этот, как его... истеблишмент, олигархи там... Смекаешь? У них есть такие карточки, — он очертил двумя указательными пальцами в воздухе нечто продолговатое, не особенно большое, — ну, типа кредиток. Хреномудия там всякая намалевана... Я совершенно точно выяснил: с такой карточкой можно проехать всю Галактику вдоль и поперек, везде тебе будет и стол, и дом, и накормят от пуза, и напоят, и спать уложат в лучшем отеле... Она на предъявителя, понял? Я все проверил, за базар отвечаю! В общем, я харю пидора, как человек привычный, ты заваливаешь сестренку. Нормальные, мать их, *хуманоиды*, на нас похожи как две капли, хрен отличишь... Совать им, куда и всем, так что не собьешься, как ни старайся. Берем карточки — и рвем в самоволку. Это ж *Галактика*, Степаныч, тут ни паспортов, ни прописок, ни запретных зон, есть какие-то мусора, но они главным образом галактических бабушек через дорогу переводят. Как дети малые, тут ни войны, ни криминала, благолепие повсюду... Куда ни плюнь, сплошные права разумных существ, и столько этих прав, что охренеть можно. Я из информатория столько скачал про здешние права и конституцию... Короче! Мы с тобой можем весь свет пройти и назад не вернуться, и ни одна собака не спохватится. Нет тут системы розыска и уголовки тоже нет... Чем хочешь божусь, хоть жо-пою!

Кирьянов хмыкнул:

— В побег, значит, сорваться?

— Не в побег, а в путешествие. Одни удовольствия и никакого риска! А *этим*, если заявят, новые карточки выпишут в минуту, и всего делов... Ну, ты понял, какое дело я тебе предлагаю? Золо-

тое дно! Я бы рванул в одиночку, но в таком деле нужен напарник, одному неуютно как-то. Я зэчара простой, а ты человек по прошлой жизни респектабельный, галстук вязать умеешь... Вдвоем веселее, да и сподручнее. Давай, шевели мозгами, они вот-вот нагрянут! Трудно тебе бабу отодрать с ее полного согласия? Верняк, говорю!

Кириянов испытывал странные чувства, схожие с раздвоением личности. С одной стороны, такое предложение выглядело форменным бредом, авантюрой, законченным идиотством. С другой же... Он словно стал прежним мальчишкой, с приятным предвкушением открывавшим первую страницу одолженного на один день пухлого, растрепанного тома с ракетами на обложке. Все это вновь ожило в нем — звездолеты, инопланетные пейзажи, чудовища, плазменные океаны и заброшенные марсианские города, пескоходы и разумные кристаллы. Ожило и нахлынуло *прежним*, детским восторгом...

— И все же как-то... ÷ с сомнением покачал он головой.

— Устав читал?

— Ну.

Мухомор прищурился:

— Там что-нибудь было касасемо запрета на самоволки?

— Откровенно говоря, ни строки.

— Ну вот, — торжествующе сказал Мухомор. — Если чего-то в кодексе не прописано, то оно и под преступное деяние не подпадает, и под административное правонарушение даже... Ты меня слушай, я все *библии* наизусть вызубрил — и старый УК, и новый, и УПК... Если закона нет, то нарушать нечего. Согласен?

— Да в общем...

— Степаныч! — ожесточенно сплюнул Мухомор. — С тобой толковать — семь потов сойдет.

Легче прокурора на минет раскрутить прямо в зале суда... Я тебя умоляю, шевели мозгами, время поджигает!

— Твою мать, — сказал Кирьянов. — А я ведь соглашусь...

— Ну, наконец-то! Уломали девочку! — Он отвернулся, уставился в небо. — Гарантом буду, они! Гляди веселей, подельник!

Кирьянов проследил за его взглядом — там, в зените, среди безмятежно проплывавших в зеленом небе желтоватых облачков, что-то определенно происходило. Протяженное сияние, вспыхнувшее в одной точке и быстро распространившееся в длину, сначала напоминало корону из синего света, потом расширилось в ажурный шар, на миг обрело нестерпимую яркость и тут же угасло.

Яркая точка, отражавшая солнечные лучи, неспешно двинулась по направлению к поселку, медленно разрастаясь.

Радостно, затейливо выругавшись, Миша Мухомор проворно извлек из кармана короткий блестящий стержень, что-то с ним сделал, держа в кулаке, — и вверх ушел пронзительный свист, высоко над головами вспыхнули огромные узоры, напоминавшие то ли головоломки, то ли переплетенные снежинки, переливавшиеся всеми цветами спектра: каждый-охотник-желает-знать...

Кирьянов залюбовался.

— Вообще-то простая штука, — сказал Мухомор небрежно, чуть рисуясь. — Детская игрушка. Тут таких бесполезных красивых штучек вагон раздобыть можно, и совершенно бесплатно, жалко, на Землю не протащишь для понтов... Ага! На посадку идут!

Яркая точка опускалась все ниже, и это была уже не точка — нечто округлое, прозрачно-блистающее, в одном месте ярко зеленевшее, в другом отбрасывавшее мириады солнечных зайчиков.

Чуть погода, когда неподалеку на равнину упала огромная овальная тень, Кирьянов смог определить истинные размеры летательного аппарата. И поневоле восхитился.

Вообще-то *это* никак нельзя было назвать звездолетом, космическим кораблем, транспортным средством. Прилетевшее из неведомых космических глубин диковинное диво не походило ни на что прежде виденное и было таким красивым, что дух захватывало.

Теперь его можно было рассмотреть во всех подробностях.

На классический звездолет — из иллюстраций к фантастическим романам или из здешнего космофлота — кусочек летучего рая походил не больше, чем яркая тропическая бабочка на детский самолетик из тетрадного листа. Словно роскошный экзотический парк оторвался от земли и пустился в самостоятельное плавание от звезды к звезде. Овальное сооружение в несколько ярусов из стекла и белого металла казалось хрупким, как помянутая бабочка, и совершенно непонятно, как эта конструкция ухитряется держаться в воздухе. Среди пышных садов — где зеленых, где оранжевых, где желто-багряных — виднелись небольшие беседки, оплетенные лианами и гирляндами разноцветных листьев лестницы соединяли их плавными кривыми, в корме виднелась исполинская чаша, наполовину заполненная прозрачной водой, и в ней, видно было, скользили обнаженные тела, ничем не отличавшиеся от человеческих. Озерца со скульптурами над ними, перепархивавшие меж ветвями то ли яркие птицы, то ли огромные бабочки, небольшой водопад, сверкавший радугой, вычурные мостики, не похожие один на другой, крохотная копия старинного замка на зеленой лужайке, под высоченным деревом, имевшим неуволимое сходство с дубом...

И этот райский уголок опускался на равнину совсем неподалеку — плавно и бесшумно, как сухой лист.

— Видал, какие у них яхточки? — подтолкнул его локтем Мухомор.

— Мать твою, — сказал Кирьянов в совершеннейшем расстройстве чувств. — Да это ж целое поместье...

— А я тебе что говорил? — самодовольно осклабился Миша. — Дерьма не держим, дорогой товарищ! В нашем магазине все самое первосортное. Понял, какая аристократия, бля! Хрен сравнишь с какой-нибудь зачуханной Барвихой. Мне *тамошние* корешки говорили, что это вот — еще так себе, лодка прогулочная. Есть гораздо почище: у них там ипподромы собственные, озера с яхтами, леса и горы... Летит такое — небо закрывает. Там километрами мерить надо...

— Мать твою, — повторил Кирьянов, все еще тараша глаза самым откровенным образом. — Как ты только ухитрился с ними не то что познакомиться, а еще и в гости пригласить?

— Держись меня, первоходок, — веско сказал Мухомор. — Мишь-ся плохому не научит. Ты одно запомни: человек с головой нигде не пропадет, что на зоне, что в Галактике. Понимаешь, друг мой ситцевый, в Галактике живут не одни только академики, генералы, ученые и прочие интеллигентские чистоплюи при портфелях и галстуках. Тут еще навалом самого простого народа: швейцаров, официантов, мусорщиков, разных там кондукторов и старших проводников мягких вагонов. От того, что они все не земные, а галактические, суть дела не меняется. Есть белая кость, которая престижной работой занята, а есть еще и уйма обслуги, самого что ни на есть простонародья. И простой пацан вроде меня, битый-хаваный жизнью и выдавший виды, с ними всегда дотумкается до полного понимания и брат-

ства цивилизаций. Дело житейское. Короче, я сначала свел знакомство, когда был в отпуске, с пилотами из obsługi этого вот летающего борделя, а там помаленьку и повыше пролез... Благо, Степаныч, я тебе скажу со всей ответственностью: этот высший свет, что на Земле, что тут, не особенно и отличается от рванины из дешевых забегаловок. Потому что упирается все в одно: отдохнуть поприятнее и потрахаться до посинения. В возможностях только и разница, сечешь? У одного хватает только на стекломой и вокзальных минетчиц, а другой лакает из хрустальных бокалов дорогое пойло да девиц холеных на бархате раскладывает. Такая вот нехитрая философия... Пошли? Ты только не подгадь, душевно тебя прошу. Если сорвется, я на тебя на всю жизнь обижусь. Когда еще выпадет такой случай...

И он решительно зашагал вперед, к подножию упиравшейся нижними белоснежными ступеньками в желтую траву лестницы, на верхней площадке которой, меж двумя высокими статуями (позолоченными? или литыми из чистого золота?) появились две фигуры в белом.

Сначала показалось, что обе они женщины, но потом, когда обитатели заоблачного дворца спустились ниже, Кирьянов рассмотрел, что женщина там только одна, а ее спутник попросту крайне женоподобен — вялый и расхлябанный, томный и смазливый молодой парень с накрашенными сиреневым губами, затейливыми золотыми безделушками на мочках ушей, сверкавшей россыпью самоцветов диадемой в роскошных золотых волосах. Одет он был в некое подобие римской тоги с алым узором по подолу — или как там он называется? — и золотые сандалии.

— Опа, опа... — сквозь зубы прошептал Миша. — Полный и законченный пидор, не ошибешься. Видал балахон? Это я ему в прошлый отпуск про Древний Рим рассказал и матерьяльчики подсунул на-

счет модных тогдашних фасонов. Он дуб дубом, аристократ хренов, про Рим только и запомнил, что там педерастия была в ба-альшом ходу... Ладно, это, как договаривались, мой фронт работ, куда тебе с непривычки... Ты на его сестренку целься. Есть внутренние возражения?

— Никаких, — вынужден был тихонько признать Кирьянов.

Она была очаровательна — перевитые алмазными нитями золотые волосы, огромные синие глаза, прямой носик, пухлые губы, застывшие в невероятно капризной улыбке. Коротенькое белое платьице, словно сшитое волшебным образом из снежинок — и каждая снежинка видна, и каждая не похожа на другую, — золотые сандалии, ноги до колен обвиты крест-накрест сверкающей самоцветами тесьмой...

Но дело даже не в том. Над ней, очаровательной, грациозной, хрупкой по-аристократически и великосветски томной, витал ощущавшийся любым разумным существом мужского пола приманчивый ореол полной и законченной шлюхи — не той, что вызывает презрение, а, наоборот, той беспутной феи, которую хочется трахать и трахать от заката до рассвета, вытворяя с ней все, что в голову взбредет, вгрызаясь по-звериному, ломая в руках...

И ведь не было ничего внешне порочного ни в личике, ни в манере держаться — скромное очарование, тихая девочка на выпускном балу, разве что платьице коротковато. И все равно, эта чертова аура мощно ощущалась всеми имеющимися у гуманоида чувствами, так что Кирьянова проняло всерьез, и неловкость почти улетучилась. Даже светлый образ Таи померк в мыслях — а впрочем, не впервые, так уж получилось, что он *сгорал и пылал*, когда Тая была рядом, а стоило расстаться с ней, вернуться домой, чувства и впечатления, вот странность, тускнели, серели, слабли, но Кирьянов старался не за-

бивать себе этим голову, все дело, конечно, в пресловутом мужском легкомыслии...

Мухомор совершенно непринужденно шагнул вперед и по-хозяйски похлопал томного древнего римлянина по щеке, не так уж и шутейно, аж зазвенели шлепки. Однако того это ничуть не обидело, он заулыбался, преданно таращась на скалившегося Мишу. И абсолютно по-свойски сказал Кирьянову, словно они были знакомы сто лет:

— Ваш друг великолепен, правда? В наши времена дурацких условностей и морализаторства так трудно встретить искренность и непосредственность...

— Уж это точно, — глазом не моргнув, ответил Мухомор. — Повезло тебе, дурашка, что попал ко мне в руки, а то кто его знает, на кого мог напороться... Ну, что стоишь, друг мой застенчивый? Познакомь живенько сестренку с бравым офицером Костей, видишь, он сам язык проглотил. Как увидел ее на снимке, покой потерял, куска в рот не взял, глоточка не выпил, ходит печальный... Если ему на его высокие чувства не ответят немедленно, он, чего доброго, застрелится прямо под полковым знаменем — чтобы торжественнее вышло и пафоснее...

— Ой, только не надо! — взмахнула длиннейшими ресницами ослепительная блондинка. — Вы же не всерьез, Костя? Вы такой симпатичный, бравый, мне будет жалко... — Она подошла вплотную, протянула узкую ладонь: — Меня зовут Аэлита.

— Ка-ак? — оторопело переспросил Кирьянов.

— Аэлита, — сказала она безмятежно. — Это старое дворянское имя, у нас в роду много Аэлит...

«Ну, это в принципе объяснимо, — подумал он растерянно. — Тот же речевой аппарат, те же гласные-согласные, по теории вероятности, ничего

удивительного, что обнаружилось этакое вот совпадение... Или все сложнее? И не в совпадении дело? Что, если и Алексей Николаич... Структура — вещь загадочная...»

Он не сразу решился взять в ладонь ее тонкие пальчики — вокруг них вились тонкие струйки разноцветного сияния, безостановочно, механически как-то, переплетаясь и кружа, от алых ухоженных ногтей к ладони и в обратном направлении, показалось вдруг, что может током ударить...

Аэлита-два звонко рассмеялась:

— Ну что же вы? Это такая бижутерия, не бойтесь...

Он решился. Рука ничего не ощутила — только теплая, слабая женская ладонь. Разноцветные струи продолжали завиваться, кружить, пронизывая его пальцы без всякого вреда.

— Вы и правда так вдохновились моим снимком? — спросила она с невинным выражением лица.

— Правда-правда, — ответил Мухомор. — Говорю тебе, спать не мог, ложку мимо рта проносил... Ну, что мы тут стоим? Приглашаю в нашу хижину. Или, может, мы к вам?

И он с нешуточной готовностью сделал два шага в сторону белоснежной лестницы с золотыми статуями доверху, его худая физиономия, без наигрыша, стала мечтательной — манила потомственного урку неопикуемая роскошь, как многих бы на его месте...

Аэлита решительно подняла ладонь:

— Ой, только не к нам! И так надоело все... Можно, мы лучше к вам? Посмотрим, как там у вас все устроено... Ну пожалуйста! Это будет так романтично... Настоящие офицеры, настоящая крепость... Я листала какой-то старый роман про армию... Это правда, что вас за провинности заковывают в кандалы и плетью бьют?

На сей раз даже многоопытный Мухомор чуть растерялся, протянул:

— Э-э-э... Всякое бывает. Служба тяжелая, начальство — зверь на звере, один другого лютее, и пожалуй-то некому, не поймет никто нашу долюшку солдатскую... Ладно, что делать, давайте вы к нам.

Аэлита подняла руку и шелкнула пальцами — Кирьянову при этом ее немудреном жесте послышался тонкий хрустальный звон. По лестнице проворно сбежали, чуть ли не колобками скатились, два субъекта, от ушей до каблуков упакованные в золотое шитье, пышнейшие кружева, широкие полосы искрящихся самоцветов, с высокими белыми плюмажами на плечах. Ну, лакеи, конечно, тут не надо быть семи пядей во лбу, вон какие примечательные у них хари: словно маски из мягкой резины, растягиваемые изнутри сложнейшей системой рычагов, готовые вмиг принять любое выражение, но главным образом предупредительность и услужливость...

Совершенно земным жестом Аэлита взяла Кирьянова под руку и сказала тоном избалованного ребенка:

— Ну, показывайте вашу крепость... Ой, прелесть какая! Совсем маленькие домики, вроде сторожки в имении у тети Белатор... А где этот минутный... секундный... ну да, часовой! Он же должен стоять с копьём наперевес и что-то такое тайное спрашивать, иначе не пройдешь, я помню, читала...

Кирьянов покосился на нее. Нет, она вовсе не играла — совершенно искренне щебетала с простодушием малого ребенка. Ну да, ну конечно, а с чего ей быть умной, когда есть возможность порхать по Галактике на таких вот летающих чудесах...

Они вошли в холл. Кирьянов испытывал смешанные чувства — с одной стороны, хотелось так никого и не встретить, пока не нырнут в комна-

ту, и в то же самое время так и подмывало, так и свербило — пусть бы кто попался навстречу, из мужиков, чтобы посмотрели, какую красотку он ведет в свою скромную хату... От этой двойственности он даже перестал думать, сколь незавидная роль ему выпала — по сути, мальчика по вызову, есть что-то общее...

Мухомор обернулся, осклабился:

— Ну, мы пошли, а вы, молодежь, развлекайтесь как следует... — И он бесцеремонно хлопнул «римлянина» по заднице, направляя к лестнице на второй этаж, что тот воспринял опять-таки с полным пониманием.

Кириянов оглянулся через плечо — роскошный лакей с непроницаемым лицом бесшумно шествовал за ними.

— Прелесть какая! — повторила Аэлита, вертя головой и хлопая ресницами. — Как в стерео — коридорчики низкие, все маленькое... Совершенно по-армейски. Я так и представляла рыцарскую кордегардию... А лошади у вас где? Ой, я и забыла, вы ведь больше на лошадях не ездите... Жаль. Красиво было... Вот сюда, наверное?

И она, прежде чем Кириянов не то что успел воспрепятствовать, а хотя бы разинуть рот, распахнула дверь в служебный кабинет штандарт-полковника Зорича, моментально оказалась внутри, увлекая за собой кавалера — а безмолвный слуга «без речей» замыкал шествие.

Таково уж было его невезение, что Зорич оказался на своем месте, сидел за столом, безукоризненно подтянутый, застегнутый на все пуговицы, разве что без фуражки. На столе перед ним переливалась цветными линиями и ползающими огоньками какая-то схема — такое подозрение, карта очередной акции.

Штандарт-полковник, здешний царь и бог — или уж, как говорится, первый после бога — под-

нял глаза и, как любой на его месте, на миг оторопел. Но тут же обрел прежнюю непроницаемость — суший *статуй*, бронзовый кондотьер...

«Силен шеф, — с уважением подумал Кирьянов. — У меня на его месте глаза точно на лоб бы полезли, а ему хоть бы хны...»

Ему захотелось зажмуриться от ужаса — очаровательная Аэлита с детской непринужденностью обошла стол, уселась на его краешек рядом с мигающей картой, словно нарисованной в воздухе лучами света, положила ногу на ногу и уставилась на штандарт-полковника с бесстыдным любопытством эскимоса, дитяти природы, впервые в жизни увидевшего трамвай или антилопу в зоопарке.

Зорич бросил на Кирьянова беглый, совершенно бесстрастный взгляд, от которого обер-поручику захотелось провалиться сквозь землю. И ровным голосом осведомился:

— С кем имею честь?

— Значит, это вы тут главный? — спросила Аэлита безмятежно. — А вы красивый мужчина, такой обаятельно-замкнутый, словно на старинной гравюре с этими, как их... кавалергардами, да? И у вас, конечно, какой-то романтичный чин — штаб-тысяцкий, ротмистр... простите, я не сильна в истории, но эти золотые штучки у вас на погонах ведь что-то да обозначают, они совсем не такие, как у моего Кости...

— Совершенно верно, — сказал Зорич и перевел взгляд на Кирьянова. — *Костя*, не представите ли милую барышню? И не объясните ли, какими судьбами...

— Это... это Аэлита, — еле выговорил Кирьянов, чувствуя, что от жгучей неловкости, неправильности ситуации покраснел *весь*, от макушки до пяток, и от него можно прикуривать в любом месте.

— Совершенно верно, — сказала Аэлита, чье нереально изящное бедро коснулось светящейся карты, отчего та отчаянно замигала, изменив оттенки. — Аэлита фойл Гламертен, восьмая маркиза Денури, младшая графиня ан-Ретагон.

— Ах, вот как... — непринужденно сказал Зорич. — Да, разумеется, мне следовало догадаться...

У застывшего навытяжку Кирьянова создалось впечатление, что штандарт-полковник не просто отделался дипломатичной фразой, а в самом деле получил исчерпывающий ответ на некий висевший в воздухе вопрос. На лице полковника мелькнула тень эмоций — но не досады или раздражения, как следовало бы ожидать, а, скорее, скуки и примирения с неизбежным.

— Вот как... — повторил он, скучнее на глазах. — Я в вашем полном распоряжении, дорогая младшая графиня... долгие лета старшей. Чем могу служить?

— Это вы, жестокий человек, заковываете их в кандалы и бьете плетью? — спросила Аэлита с непритворно сердитыми нотками, показав кивком на Кирьянова. — Только не притворяйтесь, я читала... или в стерео видела... Такой же там был сатрап, красивый и холодный, как лед... Вам не стыдно?

— Помилуйте, за что? — спросил Зорич чуть-чуть растерянно.

— Ну, вы же командир здесь?

— Должен признаться...

— Значит, это вы за малейшую провинность караете офицеров, как зверь?

«Гос-споди, — подумал Кирьянов тоскливо. — Мне теперь на чердаке жить придется с неделю, пока все не забудется... вот только нет тут чердаков, очень современной постройки здания...»

— Милая младшая графиня, — сказал Зорич, моментально справившись с собой. — Право же, у вас

неверные представления. Армия давным-давно избавилась от наиболее одиозных традиций прошлого, вы черпали знания из книг и стерео, которые не всегда отображают реальность, могу вас уверить...

— Честное офицерское?

— Честное офицерское, — подтвердил Зорич.

И глянул на Кирьянова с непонятным выражением в холодных глазах. Тот отчаянно прикидывал, как ему с помощью одного-единственного взгляда выразить сожаление, раскаяние, все возможные извинения, но так и не придумал. И пытаться нечего посредством одного взгляда отобразить столь сложную гамму чувств...

Он готов был провалиться сквозь землю — как человек, привыкший к иерархии, субординации, служебной лестнице, прекрасно понимал, в каком положении оказался. В жизни еще не выглядел столь нелепым дураком...

Что до Аэлиты, она как ни в чем не бывало восседала на столе, скрестив стройные обнаженные ножки, взирая на Зорича с кокетливой укоризной. Лакей монументом застыл в углу.

— Значит, это ваша яхта появилась на орбите вне расписания... — протянул Зорич. — И вы, насколько я понял, имеете честь состоять в дружеских отношениях с нашими офицерами?

— Именно так. — И она надменно вздернула подбородок. — Надеюсь, вы не имеете ничего против?

— Ну что вы, — сказал штандарт-полковник. — В полном вашем распоряжении, госпожа младшая графиня... Чем могу служить?

— Оставьте нас, — сказала Аэлита с той непередаваемо аристократической интонацией, которую Кирьянову, плебею сибирскому, ни за что не удалось бы повторить, проживи он хоть девять жизней. — Мне здесь нравится, я хочу уединиться с Костей, и вы будете мешать...

Кириянов наконец зажмурился. Однако в комнате стояла тишина, гром не грянул, небеса не сотряслись, и земля под ногами не перевернулась... Пришлось открыть глаза.

— Ну разумеется, — сказал Зорич; встал и коротко поклонился. — Не смею мешать, младшая графиня... Если вам что-то понадобится, готов служить...

И он пошел к двери своей обычной походкой, проходя мимо Кириянова, и бровью не повел. Ни тени гнева в орлином взоре — скорее уж Кириянову почудилось в глазах отца-командира усталое сочувствие, но не следовало обманываться, сам Кириянов на месте шефа ни за что не спустил бы подобных выходов: бог ты мой, кранты, кирдык, конец света, притащить в кабинет командира ветреную девицу, пусть и из высшего света, которая без церемоний выставила хозяина, дабы невозбранно... Жизнь невероятно усложнилась.

Едва за Зоричем закрылась дверь, Аэлита сделала небрежный жест, и монумент в углу мгновенно ожил: шагнул вперед, повозился с извлеченной из-за пояса золотой штукой, напоминавшей то ли вычурный жезл, то ли затейливый ключ...

На полу моментально возник из ниоткуда ворох белоснежных и рыже-черных шкур, даже на вид мягчайших, невесомых, пушистых, рядом с ними выстроились полукругом золотые и хрустальные подносы, заваленные диковинными фруктами, уставленные бутылками, кувшинами и некими затейливыми, разноцветными конструкциями, в которых смутно угадывались неизвестные яства. Кириянов вновь ощутил себя чем-то вроде мальчика по вызову.

Еще один небрежный жест — и лакей улетучился в коридор, словно дух бесплотный. Аэлита

спрыгнула со стола, мимоходом примерила забытую штандарт-полковником фуражку, полюбовалась собой в зеркале, сделала гримаску, повесила назад уставной головной убор и танцующей походкой направилась к вороху шкур. Опустилась в середину, опершись на локоть, легла в грациозной, нисколько не деланной позе, хлопнула ресницами:

— Костя, что ты стоишь?

Кириянов осторожно примостился на краешке, так же, как она, утонув наполовину в пушистом мехе. Невинно щуря глаза, Аэлита поинтересовалась:

— Ты будешь набрасываться на меня, как дикий варвар, или предпочитаешь медленно и нежно? Милый, я тебя умоляю, действуй так, как тебе приятно, — для меня любые впечатления будут восхитительно романтичными, как бы ты ни держался. Я еще никогда не была в настоящей... ну вот, вспомнила наконец! Казарме! Конечно, казарме! Я ведь что-то такое помню из курса знаний, не могло же все испариться бесследно, я не дура, в конце концов... Ка-за-рма! — повторила она, словно смакуя. — Прелесть какая! Настоящая казарма, в которой мною сейчас решительно овладеет бравый офицер... — Глаза у нее были восхищенные и наивные, как у месячного щенка. — Ну, не совсем настоящая, в казарме вроде бы должно *пахнуть*, и шмыгать под ногами обязаны эти, как их... специфические насекомые и крысы... А на стенах должны висеть сабли... Ничего, все равно ужасно романтично! Девчонки умрут от зависти, когда расскажу: не припомню даже, чтобы кого-то из наших в казарме... Послушай, нужно же, чтобы было совсем романтично, назвать это каким-то грубым солдатским словом, а я ничего такого не помню... О да! — Она подняла указательный пальчик, оку-

танный радужными струйками неуловимого сияния. — Ты будешь со мной охальничать... — От восторга она прикрыла глаза, томно улыбаясь. — Ну да, конечно... Милый Костя, не тяни, начинай со мной охальничать! Разорви платье на груди, как в «Невесте барона», да?

Кириянов вздохнул про себя, прекрасно сообщая, что пришла пора исполнять долг — обязанность не тягостная, конечно, чего уж там, перед ним, следуя классику, лежала совершеннейшая красавица, ее щеки порозовели, безукоризненная грудь часто вздымалась, губы приоткрылись, руки расслабленно закинута за голову...

Примостившись рядом, он неловко обнял красавицу.

— Платье... — прошептала она требовательно.

Кириянов добросовестно рванул обеими руками платье на груди — белоснежная ткань поддавалась неожиданно легко, отчего дела пошли гораздо сноровистее, по накатанной, она была восхитительна и подстрекала на грубости захлебывающимся шепотом, и он старался соответствовать — вот только, как ни пытался, не мог стать по-настоящему грубым, отчего-то испытывал к этой очаровательной дурехе чуть ли не настоящую нежность, потому что она не виновата, ни в чем не виновата...

— Прелесть какая, — полушепотом произнесла она свою обычную приговорку, когда черт-те сколько времени спустя, после долгой и затейливой вакханалии настало время отдыха. Чуть приподняв голову, оглядела кое-как державшиеся на дивном теле клочки белоснежной ткани. — Как в «Закате над островом», бедную наивную девочку притащили в казарму и долго над ней охальничали... Спасибо, милый! — Она звонко чмокнула Кириянова в щеку. — Все было ужасно романтично... Девчонки умрут

от зависти! Что бы тебе такое подарить... Офицеру неприлично брать деньги, я помню, но что-то же я тебе подарить просто обязана за эти неизгладимые впечатления... Чего тебе хочется?

Собравшись с духом и ощущая жгучий стыд, он произнес, глядя в сторону:

— Можешь — карточку?

— Индик? — ничуть не удивившись, спросила она. — Конечно, с превеликим удовольствием... Хочешь повеселиться? Я о чем-то подобном слышала... Сейчас, как это...

Она коснулась струйки холодного огня на безымянном пальце — и в воздухе над ним стало формироваться нечто прямоугольное, быстро превратилось в тонкую белоснежную карточку длинной и шириной не более пачки сигарет, покрытую строчками каких-то знаков — мерцающих и неизменных, выпуклых, ярких и уныло-черных. Протянула Кирьянову:

— Вот, ничего особенного... Несколько дней тебе хватит? Скажем, я попрошу новую дней через десять по нашему счету, это почти то же самое, что по-вашему...

— Хватит, — осторожно сказал Кирьянов.

— А сейчас, извини, мне придется упорхнуть, — сказала она деловито, легкими прикосновениями поправляя волосы. — Все расписано на три квадрума вперед, пора лететь...

— Подожди, — сказал Кирьянов. — А как вы, собственно, живете?

— Ужасно, милый, — сделала она гримаску. — Вечером прием у герцога, это наверняка затянется до рассвета, завтра выставка декоративных цирелодов, не знаю, как это будет на вашем языке... И так далее, и тому подобное — приемы, балы, большие гонки в Арстапане... Ну, в общем, всякое такое.

— Откуда ты? — настойчиво спросил он, сам плохо представляя, чего добивается.

— Ну, милый, я даже не знаю... Такая планета... Ее называют Минишел. Желтая звезда... галактические координаты... я их и не помнила никогда, к чему? В общем, вроде бы не так уж далеко отсюда, хотя кто его знает... Ну не помню, честное слово.

«Галактика, — подумал он горько. — Обитаемая Вселенная, звездное содружество... Понятно было, что в Галактике, если она обитаема, все будет как-то не так, совсем не похоже на то, что мы о ней напридумывали... но почему *вот так*? Почему *вот такие*? Нет, а чего ты, собственно, хотел?»

И от того, что он не мог понять, чего же, собственно, хотел, на душе стало еще грустнее. Аэли-та же, как ни в чем не бывало, встала, едва прикрытая обрывками платица, потянулась:

— Вот так и пойду, пусть завидуют... Не провожай меня, чтобы было совсем как в стерео... Карточку не забудь. — Она положила ему в ладонь магический прямоугольник, открывавший путь в Галактику, на миг прижалась, поцеловала в ухо: — Ты был великолепен, позвони мне как-нибудь, если не буду особенно занята, непременно отвечу...

И выпорхнула, грациозная, в жутких обрывках роскошного наряда, за ней проворно засеменил раззолоченный лакей, и из комнаты исчезли все атрибуты инопланетной сладкой жизни, будто их и не было вовсе...

Даже не пытаясь разобраться в своих эмоциях и переживаниях, Кирьянов вмиг оделся с проворством истого пожарного, выскочил в коридор. Ну не везет, так не везет — Зорич неторопливо шествовал навстречу. Кирьянов замер в жуткой неловкости.

— Очаровательная девушка, право, — сказал штандарт-полковник рассеянно. — Такая милая, непосредственная... Что с вами, обер-поручик? Плохо себя чувствуете? — Он усмехнулся. — Бросьте, не берите в голову. Я ничего вам не собираюсь говорить и ни в чем упрекать. Я все понимаю. Куда денешься, если имеешь дело с младшей графиней и восьмой маркизой...

Кирьянов присмотрелся внимательнее. Нет, ничуть не походило, что Зорич над ним издевается — штандарт-полковник и в самом деле выглядел так, словно уже забыл о примечательной сцене (какой здесь, надо полагать, не разыгрывалось за все время существования поселка). Что ж, начальству виднее, если оно вовсе не настроено метать громы и молнии, не стоит самому этого требовать...

— Я, наверное, пойду? — неловко спросил Кирьянов.

— Да, конечно, можете заняться, чем хотите, никакого *дела* вроде бы не предвидится...

Отодвинувшись бочком-бочком, Кирьянов поднялся на лестницу — и на второй этаж взлетел уже в три прыжка. Миша Мухомор появился из своей двери веселый и довольный, насвистывая что-то, почесывая голый впалый живот под расстегнутой рубашкой, украшенный какой-то затейливой татуировкой. Завидев Кирьянова, он разжал кулак и с торжествующим видом показал точно такой же белый прямоугольник, испещренный загадочными знаками.

Кирьянов, тяжело вздохнув, продемонстрировал свой.

— Ты что такой смурной, поделльник? — хлопнул его по плечу Мухомор, скалясь и сияя. — Веселиться надо: мы с тобой, похоже, покучерявим по полной... Пошли к Антохе, он точно скажет, фуфло нам подсунули или все по правилам...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ДЕМОНЫ НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ

— А что, могли наколоть? — встревоженно спросил Кирьянов, выходя следом за ним из здания и сворачивая в сторону соседнего корпуса.

— Да не должны бы, — подумав, заключил Мухомор. — Ты ж видел, они простые, как перпендикуляр, до того зажавшиеся, что на обман и вообще на мысли им ума не хватит... Но проверить для порядка не мешает. Ничего, у Антохи это быстро. Хваткий парень, уважаю... Ну, как тебе лялька? По роже видно, доволен... — Мухомор приостановился и протянул мечтательно: — Эх, Степаныч, друг ты мой ситцевый, давно уже голову ломаю, как бы к ним *воткнуться*...

— Это как?

— А взять да и *врасти*, — сказал Мухомор. — Зацепиться как-нибудь, внутрь просквозить, не в холуи, конечно, а просто поблизости от аристократии... — Он сплюнул: — Черт, должны же быть возможности! Где аристократия, там тебе непременно и карточные игроки, и развлекатели скучающих герцогинь, и прочие тому подобные... Ведь есть это, есть! По обмолвкам видно! У них там взаправдашний король, двор, монархия со всеми причиндалами, а значит, умный человек может карьеру составить. Не такой уж я темный, как тебе, должно быть, кажется, мы тоже и книжечки почитывали, и из глобального информатория много полезного скачивали...

— Заманчивые планы, — сказал Кирьянов. — Наполеоновские.

— А ты не лыбься, не лыбься, — сердито бросил Мухомор. — Ты у нас человек благополучный был и *допрежь*, а я, как тот портсигар, и без папирос, и

без мамы рос, и мотала меня жизнь исключительно по тем закуткам, где дерьмо, вертухаи и раз-два по морде. Нынешняя служба — дело, конечно, чистое и приличное, но маловато этого, ох маловато. Мне бы отъесться за все, что не доел, уважения получить за все прошлое дерьмовое житье...

— Ну и поставь себе такую цель... — пожал плечами Кирьянов.

— Да я ее давно поставил, — серьезно ответил Мухомор. — Только не получается. Пока добьешься от этих пофигистов, чтобы пригласили в гости в какое-нибудь путное место, в приличный дом... Мне бы зацепиться только... Я цепкий, я вылезу. Помню ведь из нашей истории, как иные каторжанские морды и в фельдмаршалы, и в герцоги выходили... Нет, вон в ту дверь давай.

Кирьянов, по привычке свернувший было в направлении «стартовой», развернулся в другую сторону. За белой дверью с простецкой цифиркой «4» не оказалось ни часового, ни каких бы то ни было систем контроля (как и на «стартовой», впрочем, откуда тут шпионы и диверсанты...), а обнаружился там небольшой холл с инопланетным деревом в керамической кадке, откуда они прошли в короткий чистый коридор с полудюжиной дверей, и Мухомор, для приличия стукнув костяшками пальцев повыше ручки, решительно распахнул ближайшую.

— Здорово, сексуальные террористы, — сказал Стрекалов. — Отстрелялись? Морды у вас довольные, чего там...

— Ажур, — самодовольно сказал Мухомор, плюхаясь на стул в углу. — Клиенты дозрели, ксивочки сбросили...

Кирьянов огляделся. Как и следовало ожидать, кабинет у Стрекалова был небольшой, отнюдь не блиставший яркими образчиками инопланетных технических чудес: главным образом оттого, что тех-

ника на данном уровне развития напрочь лишена громоздкости и, как бы это понятнее выразиться, *вещественности*. Осязаемости. Не огромные агрегаты, а неосязаемые, невидимые энергетические поля, выполняющие те же функции. Так что небольшой пульт вроде дистанционки для земного телевизора мог оказаться чуть ли не аналогом Центра управления полетами...

Имелось еще чисто земное дополнение к деловой мебелировке — белый шкафчик, откуда Стрекалов проворно извлек бутылку коньяка, стопки и блюдечко с конфетами. Налил гостям, но к своему стопарику пока что не притронулся: вызвав одним движением повисшую в воздухе клавиатуру, словно нарисованную розовым светом, положил перед собой карточки, коснулся пары-тройки знаков, и на пропусках в неизведанную Вселенную скрестились какие-то неяркие лучи, над столом заплясали знаки, символы, кривые...

Мухомор, зажав в ладони нетронутый стопарик, завороченно, с пылающей в глазах надеждой следил за этой вакханалией света и красок, чей смысл был темен и ему, и Кирьянову. Заразившись его напряжением, Кирьянов тоже замер на стуле.

— Ну, я вас поздравляю, герои-любовники, — скучным голосом сказал Стрекалов, выключив всю свою иллюминацию. — Конечно, тут есть несколько знаков, которые машина ни с чем не в состоянии ассоциировать, их примерно треть...

— Антоша, — сказал с тревогой Мухомор. — Ты уж... ассоциируй, а?

— Программа не та, — сказал Стрекалов. — Ясно тебе? Здешний компьютер занимается глубоко прикладными задачами по переброске вас, олухов, туда и оттуда. А вовсе не вдумчивым изучением галактических удостоверений личности. Можно, конечно, сходить в центральный информаторий, но, честное слово, не вижу

смысла. Вряд ли вам нужны *тонкости*, а? Главное и так понятно. Вот эти вот значки, — он показал, — означают «неограниченный кредит», эти — доступ к транспортным коммуникациям, то бишь цивильным трассам, по которым путешествуют мирные галактические обыватели по своим туристским и прочим бытовым надобностям...

— Антоха! — истово ударил себя в грудь Мухомор. — Так нам больше ничего и не надо! Лавэ и транспорт... Какого еще хрена? — В приливе эмоций он стукнул Кирьянова кулаком по колену. — Эх, и погуляем, Степаныч! С ветерком по Галактике, из конца в конец! Знаю я один кабак, на который раньше честных отпускных не хватало... Координаты записал до цифирки, ошибки не будет... — Он умолк, покосился на хозяина кабинета настороженно, просительно. — Антоха, ты ведь в обратку не сыграешь? Обещал же...

— Да отправлю я вас, ироды, — фыркнул Стрекалов. — Что мне с вами делать? Ближе к ночи и отправлю, когда «главную трассу» снимут с дежурства.

— А раньше никак?..

— Миша, будь доволен тем, что есть, — сказал майор серьезно. — Говорю тебе, до двадцати трех тридцати «главная трасса» на постоянном дежурстве. Запороться хочешь? Ежели автоматы контроля зафиксируют, огребем все... — Он вздохнул: — Интересно, почему я вообще с тобой связался? Почему соучаствую в твоих авантюрах, за которые и мне при неудаче холку намылят?

— А ответ простой, Антоха, — сказал успокоенный Мухомор. — Потому что ты по натуре такой же авантюрист и прохиндей, вовсе не склонный делать культ из уставов и регламентов... Скажешь, нет? Да ладно тебе, Степаныч свой парень... — Он одним глотком осушил стопочку, блаженно улыбнулся, расслабленно откинулся на спинку. — Слышь... Давай,

пока делать нечего, Степаныча по *хроносу* покатаем? Пусть первоходок полюбуется...

— Миша, ты, однако...

— А что? — невинно вытаращил глаза Мухомор. — Говорю тебе, парень в доску свой, не заложит. Меня ж ты катал? Да ты на него косяка не дави, Степаныч, точно тебе говорю, не из стукачей... Антоха? Все равно без дела маешься... К Иринарховичу, а? Мне после этого долбаного пидора хочется нормально расслабиться душой и телом... Да и тебе... Танюшка прибежит, Лизавета... Ах, Лиза-Лизавета... Ну чего ты менжуешься? С понтом, самому неохота. Хронос-то ни на каком не на дежурстве, точно? Что мне тебя учить, напишешь потом насчет профилактической проверки...

— Соблазняешь ведь, змей, — сказал Стрекалов, глядя в потолок с мечтательной улыбкой. — Танюшка и Лизочка — оно, конечно...

— Ну, так чего? И Степанычу покажем, что такое время и с чем его едят... — Он обернулся к Кирьянову. — Ну, ты понял, юнкер-кадет? Стрекалов, господин майор, он у нас не просто так, пописать вышел. Серьезными делами заворачивает. У него тут, — Мухомор легонько постучал кулаком по белоснежной стене, — машина времени, или как она по-научному именуется...

— Seriously? — спросил Кирьянов осипшим голосом. Как он ни приобвыкся ко всевозможным чудесам, *этого* не ожидал.

— Ну да, — досадливо махнул рукой Стрекалов. — Хронологаторный пульсор последнего поколения, с автореверсом и стабилсканированием... Машина времени, если вульгарно. Костя, нижнюю челюсть на место поставь...

— Ай да Структура... — проговорил Кирьянов.

— На то она и Структура, — пожал плечами Стрекалов. — Ага, ага... На смену полной обалделости приходит отчаянный блеск в глазах, бла-

женная улыбка... Насколько я могу судить, воспитанный фантастиком индивидум, сиречь обер-поручик Кирьянов, в мгновение ока возмечтал о головокружительных приключениях в стиле своих любимых авторов... Вынужден разочаровать. Все опять-таки скучно и буднично.

— Почему?

Стрекалов сказал без улыбки, совершенно серьезным тоном:

— Потому что существует длиннейший и обширнейший список ограничений и оговорок, который даже я со своей склонностью к гусарству и пренебрежению регламентами нарушать не берусь... Это как-никак *время*, Степаныч. Давным-давно прошедшее, и прошедшее именно так, а не иначе.

— Да я понимаю! — быстро сказал Кирьянов. — Хроноклазм...

Стрекалов поморщился:

— Грамотные все, книжек начитались... Но в принципе все верно. Хроноклазмы, а как же. Куда от них денешься, родимых. А посему, как легко догадаться, осторожность возведена даже не в куб, а в культ. Чтобы чего-нибудь ненароком не *покорезжить*. Я, конечно, говорю не о пресловутом «парадоксе убиенного дедушки» — тут все сложнее. В случае *серьезного* нарушения уже *однажды бывшего* последующая линия времени искажениям не подвергается. Грубо говоря, можешь не только своего дедушку завалить, но и перестрелять полгорода с ним за компанию... Вкупе с дюжиной самых что ни на есть исторических личностей — Наполеона со всем его генеральным штабом, Ивана Грозного с боярской думой...

— *Развилка*, а? — сказал Кирьянов завороченно.

— Неплохо для дилетанта, — благосклонно кивнул Стрекалов. — Именно, обер-поручик. На «точке вмешательства» возникнет развилка, и мо-

жет этих развилок образоваться столько, что целая академия не сочтет. Но именно здесь и таится философский препон. Галактическое моралитэ. В этой новообразованной развилке может пролиться столько крови и совершиться столько непотребств... Следует простой, ясный и логичный вывод, продиктованный галактической моралью и гуманизмом: ввиду непредсказуемости последствий следует категорически избегать действий, приводящих к образованию развилок. С нарушителя, конечно, кожу живьем не сдерут и даже на пятнадцать суток не посадят, но наказание, по галактическим меркам, будет нешуточное — на всю оставшуюся жизнь отлучат от Структуры... Потому что, пока набрались опыта и обучились на прецедентах, печальных примеров успели навидаться...

— Я, кажется, понимаю... — сказал Кирьянов.

— Хочется верить... — кивнул Стрекалов. — Словом, отсюда и ограничения. Ничего страшного не произойдет, если мы все втроем прогуляемся по московским улицам в день коронации последнего императора — там будет столько народу, что возможности создания развилки сведены практически к нулю. Конечно, если мы ограничимся тем, что будем лишь смотреть и слушать, а не полоснем по кортежу его величества боевым лазером... Черт, да мы даже в нынешнем своем виде смогли бы прогуляться по Бородинскому полю, под Ватерлоо или даже на Курской дуге. Там кипела такая мясорубка, что никто чисто физически не смог бы отвлекаться на нас. А если кто и увидел бы, ему потом все равно не поверят, решат, что у человека крыша поехала...

— Антоша, хватит, — нетерпеливо поерзал Мухомор. — Он и так уяснил, не вчера родился... Парень ответственный. Поехали к Иринарховичу, а? Он рад будет...

— Да уговорил, ладно, — махнул рукой Стрекалов. — Танюша, да... Только на пару часов, не более. Мало ли...

— Как хочешь, хозяин — барин! — замахал руками Мухомор. — Боже упаси, я не банку! Спасибо, милостивец, а уж мы тебе потом из Галактики привезем какую-нибудь такую бутылочку, что в паек, безусловно, не входит... С аристократического стола.

— Вы доберитесь раньше до аристократического стола, — хмуро сказал Стрекалов.

— Доберемся, — уверенно протянул Мухомор. — Мудрено не добраться, если в Галактике, согласишься, ни вертухаев, ни шмонов, ни запреток. А пока — к Иринарховичу! Слышь, изобретатель, верти свою машину, как сказали бы в той киношке. А ну, шофер, крути-верти свою баранку...

— Подождешь, — сказал Стрекалов серьезно. — Браслетик надень пока. И ты тоже, Степаныч. Уж если нарушать правила, то с минимальными отклонениями от инструкции...

Кириянов взял просунутый браслет — по цвету похожий на золото, но по весу легче пластмассы, состоявший из одинаковых прямоугольников толщиной с костяшку домино. Пока он натягивал его на запястье, прямоугольники разошлись, будто на невидимых резиночках, но, оказавшись на левой руке, браслет мгновенно превратился в монолит (Кириянов это обнаружил сразу же, когда попытался передвинуть повыше).

— Штука несложная, но необходимая — автореверс, — сказал искоса наблюдавший за ним Стрекалов. — Поставлю таймер на три часа...

— Антоха, ну мало! — умоляюще воззвал Мухомор. — Пока баньку натопят, и вообще...

— Ладно, на четыре, не ной... В общем, через четыре часа тебя, Костенька, автоматически выдернет в настоящее, да и нас тоже... А то пыта-

лись взбрыкнуть... некоторые. — Он с намеком посмотрел на Мухомора.

— Антоха, я ведь покался и признал все допущенные ошибки, — недовольно сказал тот. — Чего ж глаза колоть при посторонних?

Стрекалов преспокойно продолжал:

— А то случилось однажды у нашего Мишани неодолимое желание остаться в прошлом. Конкретнее, во времена государя императора Александра Второго Освободителя. Подумал, дитя природы, что если там нет ни дактилоскопии, ни телексов, ни компьютерных картотек уголовного элемента, то там он будет кум королю. Рокамболь местного розлива. Мне же и выгаскивать пришлось. Хорошо еще, обошлось не только без развилок, но и без огласки...

— Антоша! Все осознал!

— Ты браслетик-то натяни... Вот так... Оно спокойнее будет.

— Да кто ж знал, что там, по большому счету, такая скука... — покаянно сознался Мухомор. — Ни тебе телевизоров, ни киношки, вместо такси лошадь везет и тут же, зараза, на мостовую серет... Сортира путного не найдешь, разве что кабаки хороши, да городовые, суки, в струнку тянутся, если одет барином... Ну прав ты, Антоша, кругом прав — человек должен жить в своем времени, в других ему неуютственно...

— Рад, что осознал наконец... Ладно, посиди тихо, не мешай.

Стрекалов вновь вызвал из небытия светящийся призрак пульта и легкими касаниями пальцев принялся с ним манипулировать, бормоча под нос:

— Учитывая, Степаныч, что все автоматизировано и компьютеризовано до предела, трудиться особо и не придется. Временные координаты, пространственные... Только не спрашивай, отчего так получается, что мы из космоса *прыгаем* в аккрат на земную орбиту, я и сам не все понимаю,

поскольку нет такой необходимости... Ну вот и все, пожалуй. Пройдемте, граждане...

Он тронул очередной розовый символ — и вместо одной из стен возникло огромное окно в соседнее помещение: невысокое, куполообразное, где под потолком сверкало несколько рядов маленьких блестящих полушарий, а на полу нарисована знакомая «мишень», только на сей раз черная.

Рядом с окном обнаружилась обыкновеннейшая дверь.

— Пройдемте, граждане, — повторил Стрекалов, прихватывая из шкафчика другую бутылку коньяка, непочатую. — Чего кота за хвост тянуть?

— И это... все? — спросил Кирьянов.

— Ага, — кивнул Стрекалов. — Чем изощреннее и грандиознее техника, тем она проще выглядит. Давно уже следовало привыкнуть к этой нехитрой теореме.

— Подождите. А... переодеться? — Он тронул лацкан кителя.

— Вот это совершенно не обязательно, — сказал Стрекалов скучным голосом. — Мы же не собираемся по Невскому разгуливать ясным полднем, у нас поездка куда как прозаичнее...

Он подтолкнул Кирьянова в дверь, пропустил вперед Мухомора, зашел последним. Все трое встали на центр «мишени», майор извлек из кармана что-то вроде блестящего яйца, нажал на верхушку большим пальцем...

И вновь навалилось *ничто* — мгновенное растворение в окружающей Вселенной, ставшее уже почти привычным за время нескольких командировок в медвежьи углы Галактики. Только на сей раз к знакомым ощущениям примешалось что-то еще — столь мимолетное и непонятное, что Кирьянов ничего не смог рассудочно осознать.

Некогда было. Мрак рассеялся, их ослепил солнечный свет.

Они стояли на узорчатом ковре, посреди обширной комнаты, поначалу показавшейся Кирьянову ужасно знакомой. Однако вскоре он сообразил, в чем тут дело. Нечто похожее он сто раз видел в кино: старинная мебель на гнутых ножках, портреты и пейзажи на стенах, от огромных до овальных миниатюр, беломраморные бюсты, высокий и узкий книжный шкаф, набитый толстенными фолиантами, часы под стеклянным колпаком...

И вопросительно воззрился на Стрекалова.

— Уютное, спокойное времечко, — сказал тот с некоторой рисовкой. — Разумеется, для тех, кому не приходится ходить с сошкой. В стольном граде Питере восседает на троне государь император Николай Павлович, венгерский мятеж уже подавили, но Крымская кампания еще не грянула... Тишь, гладь и божья благодать. Если ты — вроде нашего гостеприимного хозяина, коего сейчас мы и вызовем...

Он уверенно подошел к овальному портрету, изображавшему пожилую даму в букольниках, сдвинул его в сторону и нажал кнопку.

Не прошло и минуты, как в замочной скважине тихонько повернулся ключ, и в комнату прямо-таки ворвался полный, румяный, суетливый человек со странной прической хохолком и бакенбардами, в обширном халате. Столь же проворно заперев за собой дверь, он кинулся к неожиданным визитерам, ничуть не удивившись, распростерши руки:

— Господин майор, наконец-то! Я уж заждался... И вы здесь, Михаил Петрович? Душевно рад! А вот с вами, сударь, не имел чести...

— Обер-поручик Константин Степанович Кирьянов, прошу любить и жаловать, — сказал Стрекалов с поразительной обыденностью. — Наш сослуживец, рекомендую...

— Душевно рад, душевно! — заверил румяный, обеими руками схватив ладонь Кирьянова и ожесточенно ее сотрясая. — Друзья Антона Сергеевича и Михаила Петровича — мои друзья... к тому же вы, я так понимаю, имеете честь служить по тому же ведомству, что и они? Ну разумеется, я же вижу... Надобно вам знать, дорогой Костантин Степанович, я сам служил в свое время, да-с, в Белавинском драгунском, в отставку вышел поручиком — родители скончались, наследство, надобно было посвятить себя домашним хлопотам... Честь имею представиться — Степин Алексей Иринархович, отставной поручик и здешний помещик, царь и бог, так сказать, хе-хе-с... Помилуйте, господа, о чем то бишь мы? Чего же мы стоим? Сию минуту распорядусь!

И он, издали целясь ключом на замочную скважину, метнулся к двери, во мгновение ока отпер замок, захлопнул дверь за собой, слышно было, как он, вприпрыжку удаляясь по коридору, орет во всю глотку:

— Прощка, Афошка, строфокамилы неповоротливые, рабы нерадивые! Один на кухню, другой в баню, шевелись, бессмысленные, пока не запорол! Поворачивайся!

Где-то в недрах дома возникли суета, топот, легонький переполох. Стрекалов опустил в ближайшее кресло, закинул ногу на ногу и достал портсигар. Щелкнув зажигалкой, повернулся к Кирьянову:

— Садись, Степаныч, в ногах правды нет. Иринархович, конечно, зверь и крепостник, типичный продукт эпохи, чего там, — но исключительно по отношению к ревизским душам. Что до приятных гостей, коими мы, как ты уже понял, являемся, то тут обращение другое. Сейчас на себе испытает классическое помещичье хлебосольство. Хозяин наш не из убогих, как ни кутит, а осталось нема-

ло, так что готовься. Вокруг — девственная природа, экология полностью нетронута, так что птица откормлена чистейшим зерном, а рыбка плавала в водоемах, где нет пока ни капли промышленных стоков и прочих химикатов. А уж вино... А яблочки-груши без всякой химии...

— А девки... — подхватил Мухомор, вольготно развалившийся на диване с вычурной спинкой.

— И девки хороши, — кивнул Стрекалов. — Тоже экологически чистые. У нас тут нечто вроде постоянной базы, Степаныч. Место прямо-таки идеальное. Провинция, глушь, медвежий угол, уездный город верстах в восьмидесяти, что по здешним меркам — расстояние прямо-таки космическое, а проезжий тракт еще дальше. Посторонних практически не бывает, а на дворе, напоминая, стоит крепостное право. Наш экс-поручик и в самом деле царь и бог. Никто не пикнет. Не положено пиццать — поскольку в противном случае можно обрести все тридцать три удовольствия: тут тебе и кнуты, и Сибирь, и собаками затравить... Грустно, конечно, что *это* наши предки, и секущие, и секомые, ну да что же поделаешь? Должен быть здоровый профессиональный цинизм. Как у врачей и гробовщиков. По большому счету все они, — он обвел комнату широким жестом, — давным-давно умерли уже, хоть и живы *для себя самих*. И менять в окружающем ничего нельзя, что вам, большому любителю и знатоку фантастики, должно быть понятно. А?

— Конечно, — сказал Кириянов. — Ну да, разумеется...

С ним происходило что-то странное. Он старательно пытался отыскать в душе хотя бы тень восхищения и восторга — машина времени, первая половина девятнадцатого века, взаправдашнее прошлое! — но получалось плохо.

Потому что все опять-таки, в который уж раз, обстояло крайне буднично и откровенно скучно.

Он подошел к распахнутому высокому окну, выглянул. Дом стоял на возвышении, и вид открывался великолепный: могучие липы, за ними неширокая извилистая речушка, зеленая равнина, лес вдали... Воздух чистейший, непривычный на вкус. Во дворе слышался озабоченный женский голос:

— Пелагья! Пелагья! Ключи неси! Гости у барина!

Он добросовестно пытался настроить себя на некий возвышенный лад, но вновь ничего не получилось.

Если подумать, не было никакого *прошлого*. Был самый обычный лес вдали, и скучная зеленая равнина, и мужик на подводе, которую неспешно тащила пегая клячонка по ту сторону речушки. И толстощекий, суетливый отставной поручик, наверняка существо примитивное и неинтересное, судя по первому впечатлению. Еще одна книжная иллюзия рассыпалась прахом.

Затоптали шаги, ворвался хозяин, упал в кресло напротив и с видом величайшей усталости картинно смахнул пот со лба.

— Господи боже мой, пока разбудишь в тычки этих гиппокаламусов, пока втолкуешь им... Не беспокойтесь, господа, вскорости же сядем честным пирком... — Его глаза приняли лукавое выражение. — Как обычно, милейший Антон Сергеевич?

— Да, конечно, любезный Алексей Иринархович, — благосклонно кивнул Стрекалов.

— Баньку истопят вскорости, уже приступили... Можете не сомневаться — за время, прошедшее после вашего последнего визита, ни одна непосвященная душа не осведомлена... Попробовал бы кто! — Он потряс сжатым кулаком, и в глазах на миг мелькнуло совершенно иное выражение, цепкохищное. — Укатаю, а то и до Сибири не доведу! Нет

уж, не извольте беспокоиться, полная конфиденциальность-с! Привыкли помаленьку мои нерадивцы, никто более не считает вас нечистой силою, несмотря на общую неразвитость дремучих умов... — Он непринужденно повернулся к Кирьянову: — Антон Сергеевич понимает, о чем я. Каюсь, со мной самим поначалу вышел чистейшей воды конфуз — когда Антон Сергеевич изволили впервые *появиться*. Но только поначалу, да-с! Я как-никак человек образованный, вольтерьянец и материалист, так что Антон Сергеевич с присущими ему красноречием и логикой быстро прояснил истинное положение дел...

— Да, разумеется, — кивнул Кирьянов из вежливости, чтобы не молчать. — Конечно...

— Но поначалу-то, поначалу! — воскликнул хозяин, заливаясь жизнерадостным смехом человека, совершенно довольного жизнью, полностью избавленного от ипохондрии. — Не стыжусь признаться, мелькали такие суеверные страхи, приличествующие скорее грубому мужичью... А впрочем, я-то быстро осознал истинное положение дел, зато мои скотоподобные холопы... Вы не поверите, были такие, что в ногах валялись, Христом-Богом заклинали: батюшка-барин, брось ты свое чернокнижие, душеньку побереги постом и молитвой, эвона, мол, до того дошел в богомерзких поползновениях, что демоны стали являться... Богомерзкими поползновениями, изволите знать, эти троглодиты именовали мои ночные бдения с телескопом и рассуждения о наблюдении атмосферических светил, а также забавы с электрической машиной... Каково? Ну, вразумил в конце концов, есть же безотказные средства... Душенька! — воскликнул он, заламывая руки в трагическом ужасе. — Молвите мне, милушка, вы не демон ли?

Кирсанов вежливо посмеялся ему в тон. Тем временем дверь тихонько растворилась, в зал про-

ник невысокий старикашка в неизвестной Кирьянову по названию длиннополой старинной одежде, крайне подвижным лицом, льстиво-умильной улыбочкой сразу напомнивший лакеев Аэлиты. Он остановился в тщетных попытках придать себе осанистость и выкрикнул:

— Трапеза милостивца нашего Алексея Иринарховича!

И мимо него один за другим потянулись добры молодцы, одетые в схожие наряды, замерев от напряжения верхней половиной тела, несли на вытянутых руках блюда, от которых пахло невыразимо аппетитно. Принялись расставлять их на столе, пуча глаза от усердия. Когда церемония была закончена, хозяин выкрикнул по-военному отрывисто и резко:

— Становись!

Молодцы выстроились в шеренгу — с проворством, изобличавшим длительные тренировки.

— Ну что, дикарские ваши морды? — спросил хозяин с ласковым пренебрежением. — Не лезете больше с суевериями вашими дурацкими? Кто это ко мне в гости изволил пожаловать? Ну-ка ты, Парфенка!

Левифланговый, старательно выкатывая глаза, проорал:

— Благородные господа офицеры из грядущих времен, кои настанут спустя долгое время от времени нынешнего!

— Вот то-то, — сказал хозяин умиротворенно. — И обратите внимание ваше непросвещенное, рожи, на примечательное обстоятельство: века и века протекут, а благородные господа так и будут ходить друг к другу в гости во всем блеске, что бы там ни плели! Изыдите!

Когда слуги вереницей покинули зал, он склонился к Кирьянову и вполголоса доверительно сказал:

— Бродил тут... странничек божий. Плел вавилонь и турусы насчет якобы писанной золотыми буквами царской грамоты, по которой будто бы поведено все благородные сословия уничтожить и землю отдать этим скотам... Ну, представили, куда надлежит. Теперь тихо...

«Ах ты, сволочь, — подумал Кирьянов с легким раздражением. — На нашем примере крепостническую пропаганду тискаешь? Незыблемость строя проповедуешь?

Его утешали *цифры*. Даты. Уже подавлен венгерский мятеж, но Крымская кампания пока не грянула — временной отрезок можно определить довольно точно... Пройдет самое большее двенадцать лет, и *воля* все же будет объявлена самым доподлинным царским манифестом, пусть и не золотыми буквами писанным. Усеченная воля, половинчатая, но все равно этот пухлощекий поганец переживет немало неприятных минут, если вообще *переживет*. Вполне возможно, жизнь закончит под забором, беззаботно промотав денежки. В любом случае скверные сюрпризы ему гарантированы, и никакой тебе незыблемости...

У него были в родословной крепостные крестьяне — и теперь он ощущал что-то вроде злорадного удовлетворения — смутного, неосознанного, но тем не менее...

— Ага! — оживился хозяин. — Вот, честь имею рекомендовать — наяды и нимфы!

Вошли четыре девушки — две в чистеньких сарафанах и красивых кокошниках, две в *господских* воздушных платицах, знакомых по фильмам и книгам. Вопреки расхожим штампам, сложившимся у Кирьянова в голове, они не выглядели ни забитыми, ни угнетенными — красотки как на подбор, с откровенными, лукавыми взглядами, мгновенно заставившими вспомнить очаровательную Аэлилу.

— Вот-с, милейший Константин Степанович, мои прелестницы! — гордо сказал хозяин. — Танюша, Лизочка, Дуня и Наташа. Дриады, право! Ну что же, прошу за стол!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БРАВЫЕ ПАРНИ В САМОВОЛКЕ

— Я вас, понятное дело, не отговариваю, господа самовольщики и авантюристы, — сказал Стрекалов безнадежным тоном. — По вашим физиономиям видно, что дело это бесполезное. Но вы все равно пораскиньте еще раз мозгами. Очень уж проблематичная и чреватая затея...

— Посадить не посадят? — осведомился Мухомор вызывающе.

— Ну, не посадят...

— А вообще что-нибудь сделают? Кроме общественного порицания?

— Да нет...

— Вот тебе и весь сказ! Общественное порицание как-нибудь переживем, не смертельно и не впервой... — Он ухмыльнулся. — Сложный ты человек, Антоха. Загадочная русская душа. Самому, значит, можно болтаться по прошедшим историческим временам, чтобы винцо жрать с тамошними знакомыми и девок тискать? А нам, значит, не положено?

— Ну, есть же некоторая разница, — сказал Стрекалов не без смущения. — Я, в общем, *накатанными* маршрутами пользуюсь, официальными резидентурами. А вы наобум прете по большим галактическим дорожкам, практически без компаса и карты...

— Плавали — знаем. Доводилось по этим дорожкам подошвы бить.

— В отпуске, по известному маршруту...

— Ну и что? Есть некоторый опыт... Ладно, хватит нам тут мораль декламировать. Или посылай на три буквы, или крути машину...

— Ладно, — сказал майор с досадой. — Шагайте уж...

Он распахнул дверь, и Кирьянов с Мухомором привычно прошли в самый центр сиреневой «мишени», откуда уже раз десять стартовали на задания, но официальнейшим путем, конечно, в составе группы, под чутким руководством и уверенным командованием... Видно было через большое окно, овальное, чистейшее, как Стрекалов производит нехитрые манипуляции с пультом.

Кирьянов откровенно волновался. За недолгое время галактической службы ему довелось испытать массу разочарований, когда здешняя обыденность, скучная рутина уничтожала прежние мифы и иллюзии один за другим, одну за другой. Но теперь обстояло совсем иначе. Он не строил ни малейших иллюзий и не рассчитывал узреть воплощенные в реальности мифы. Ему предстояло увидеть повседневную жизнь Вселенной, а это совсем другое...

Как всегда бывало, мрак и небытие навалились неожиданно — и столь же мгновенно рассеялись, оставив их посреди белоснежного помещения, в центре такой же сиреневой «мишени». Все происходило с деловитой обыденностью: прямо перед ними в стене куполообразной комнаты вспыхнула зеленая линия, очертившая контур двери, а потом возникла и сама дверь.

— Ну, с богом, — сказал Мухомор. — Держись за батьку, не потеряйся, места тут оживленные...

Кирьянов в этом сам убедился незамедлительно...

Перед ним простирался огромный зал с уходящими в невообразимую высь бело-розовыми стенами: пересекающиеся чуть ли не под самым не-

босклоном изящно выгнутые плоскости потолка, напоминавшие то птичьи крылья, то паруса, то рыболовные сети; огромные незнакомые деревья, разноцветные и пышные, растущие прямо из белоснежного пола, многочисленные фонтаны, не похожие один на другой — бьющие то быстро, то лениво завесы струй, смахивавшие скорее не на воду, а на гибкие полосы разноцветного сияния...

Сначала показалось, что в зале царит сущий хаос. Но очень быстро, присмотревшись, он понял, что все обстоит как раз наоборот, мнимая сумятица на деле очень упорядоченная, и порядок этот поддерживается как бы сам по себе: безостановочные потоки живых существ двигались по бесконечным разноцветным дорожкам, не пересекаясь и не создавая заторов, а те, кто никуда не спешил, обязательно находились на очерченных оранжево-зеленых участках пола.

— Это вокзал такой, — сказал Мухомор покровительственно. — Тут-то я бывал, бан знакомый... Пошли.

Кириянов оглянулся — там, позади, кабинок, подобных той, из которой они вышли, было не менее сотни, и к одним выстраивались недлинные очереди, а из других то и дело выходили странствующие и путешествующие. Их было столько (и ни разу не попало двух одинаковых), что все они слились для Кириянова в некий живой океан, где глаз с непривычки даже не мог выхватить примечательных деталей.

Он заспешил следом за браво шагавшим Мухомором, и в самом деле чувствуя себя малышом, которого папа взял в огромный магазин. Они шли по черно-голубому пунктиру в компании доброй сотни обитателей Галактики, и никто не обращал на них ни малейшего внимания, разве что держался так, чтобы не заехать в бок локтем или его аналогом, не наступить на ногу конечностью —

воспитанные, предупредительные пассажиры, совершающие привычный рейс...

Довольно долго бок о бок с Кирьяновым шагало превосходившее его в росте на добрый метр бурое существо на двух конечностях с широчеными ступнями-ластами, бочкообразное, поросшее по бокам толстой бахромой — и поди догадайся, то ли это конечности, то ли уши... Глаз у него было не менее полудюжины, на толстых стебельках, и два из них все это время взирали на Кирьянова с совершенно непонятным, разумеется, выражением. Потом оно свернуло вправо, когда рядом с пунктиром повис в воздухе высокий красный иероглиф. Такие то и дело возникали возле «тропинки» — зеленые круги, синие треугольники и квадраты, знаки, иероглифы — и всякий раз кто-то покидал пунктир, сворачивал в сторону, что-то все это должно было означать.

Мухомор остановился, сошел с пунктира, коснулся вершины невысокой конструкции, словно бы из полупрозрачного синего стекла, подставил ладонь. На нее упали два желтых цилиндрика размером с карманный фонарик, Мухомор сунул один Кирьянову, а от второго откусил верхушку. Подбодрил, явно рисуясь:

— Жуй давай. Хорошая шамовка...

Кирьянов осторожно откусил что-то хрустящее, рассыпчатое, сладкое, прожевал — ну, вполне...

— Это бесплатно, — пояснил Мухомор, в два счета расправляясь со своим цилиндриком. — В обеспечение потребностей. Ну да, а ты как думал? У них тут тоже на зарплате живут, куда ни кинь. Есть какой-то там минимум, который бесплатно, а если захочешь себе позволить что пороскошнее, изволь лавэ доставать. И правильно, по моему, народишко без стимулов зажрется и разболтается, хоть двуногий, хоть шестилапый... Короче, первым делом пойдем в кабак. Роскошный кабак,

я каждый раз слюнки глотал, но не по моим отпусным было. Зато теперь, с аристократическим баблом... Эй, сюда! Во-он по той зеленой!

Улучив момент, Кирьянов протянул руку и осторожно коснулся кончиками пальцев светло-малиновой струи ближайшего фонтана, рассудив логически: будь это опасно, фонтан непременно огородили бы...

И точно, это была не вода, а нечто вроде света, пальцы прошли насквозь, ощутив лишь легкое тепло — а может, это просто показалось. В воздухе повис сильный приятный аромат. Кирьянов поднес руку к носу. Пальцы пахли, как тысяча кусков туалетного мыла... Где-то он уже то ли слышал, то ли читал...

И тут он вспомнил совершенно точно. Покрутив головой, подумал ошеломленно: «Ах, вот оно что... Похоже, до чего похоже! С натуры, выходит, писал классик...»

И заторопился следом за Мухомором, направившимся под блестящую высоченную арку. Менее чем через минуту они оказались под открытым небом — приятного нежно-сиреневого цвета. На небе сияло желтое солнце, иногда в высоте проносилось что-то обтекаемое, серебристое, дул слабый теплый ветерок, порой обдававший волной незнакомых запахов, среди которых не было ни одного неприятного.

Поток живых существ поредел. Они шагали по широкой синеватой поверхности, чистой, гладкой и ничуть не скользкой, определенно тротуару; неподалеку, по центру улицы, проносились разноцветные шары, конусы и нечто, напоминавшее дирижабли — без окон, дверей, колес. А на противоположной стороне по такому же тротуару неспешно шагали те же разнообразные живые существа.

Трудно было сказать, дома это или просто некие конструкции неизвестного назначения — не

было двух одинаковых, разнообразие форм, высоты и цвета было таким, что глаз опять-таки отказывался воспринимать сооружения, мимо которых они двигались, как нечто рукотворное.

— Ну, какие впечатления? — ухмыльнулся Мухомор.

— А черт его знает... — сказал Кирьянов потеврянно. — Глаза разбегаются, в глазах рябит...

— Ничего, привыкнешь. Ну, ты обратил внимание? Ни единого мента, никто не лезет документы проверять, никто не интересуется, какого черта эти двое тут шляются... Раз идут, значит, так надо, раз едут куда-то, имеют право... Свобода, кореш! Хочешь, дам по рылу вон тому, хлипкому? На кенгуру похожему? Зуб даю, он мне в ответ не заедет и менты не прибегут — засюсюкает, что я негуманно поступаю, шокирую его, падлу. И всего делов... Хочешь убедиться?

— Да ладно, — сказал Кирьянов. — Пусть его...

— Хотя, конечно, оборачивается по-всякому... Видишь во-он ту вывеску, желтую, с черной каймой, с синими загогулинами? Хороший бар, бесплатный. В прошлый отпуск мы с ребятами там малость поцапались с какими-то фраерами, черт их ведает, кто они и откуда, на собак похожи, вроде того генерала, что ордена нам вешал, только поменьше и другой породы. Тоже выпить не дураки, тоже были в форме. И, что характерно, насчет гуманизма ни хрена не чирикали. Мигом просекли, что к чему — ну, мы с ними и похлестались добре, во-он за тем углом, там скверик, место подходящее... Собаки они там или кто, а в торец заезжали умеючи и с большим удовольствием. Так мы чавки друг другу начистили — вспомнить приятно. И опять, что характерно, ни единого мента не примчалось. Я себе прикидываю, что это были орелики вроде нас, не зажавшиеся галакты, а *дикие*... Видно птицу по полету, а борзого по плю-

хам... Нет, туда мы не пойдем. С нашими ксивами да ошиваться по бесплатным забегаловкам? Бери выше, кореш! Прямым ходом в ресторацию для белых людей...

Он свернул направо, к сооружению, больше всего напоминавшему пчелиные соты — только высотой с десятиэтажный дом, со множеством шестиугольных ячеек медового цвета. Посреди каждой горели огоньки, зеленые и розовые. Выбрав ячейку с зеленым, Мухомор проворно подтолкнул к ней Кирьянова, вытянул руку, коснулся огонька, словно кнопку нажал. И уверенно шагнул в клубившуюся в глубине ячейки желто-золотистую пелену.

Они оказались в небольшом помещении кубической формы, с золотистыми стенами, больше всего напоминавшем кабину лифта. Перед ними вспыхнула в воздухе цепочка разноцветных символов.

— Во-от, — Мухомор бесцеремонно ткнул пальцем в ближайший, — это-то я знаю. Написано, что заведение весьма даже коммерческое, и всякой шушере с тощим лопатником не хер заглядывать...

Послышался приятный голос:

— Уважаемые гости, ресторан считает своим долгом предупредить, что наше заведение относится к разряду полноправных и отличается варьированным в высокой степени эквивалентом...

— Слышал? — обернулся Мухомор к Кирьянову. — В точности, как я тебе толкую. Говоря попростому, кабак дорогой... Ну и хрен с ним! Нас нынче не испугаешь!

Он коснулся одного из символов, и пелена перед ними распахнулась.

У Кирьянова перехватило дух.

Они стояли в центре огромного белого круга, окаймленного полосой столиков, напоминавших светло-коричневые шляпки грибов. Иные из них то-

нули в полумраке, едва озаренном колышущимися язычками свечей, иные ярко освещены. Добрая половина занята самыми разнообразными существами.

Но не это было самым удивительным. Помещение более всего походило на исполинский стеклянный колпак, лишь кое-где пересеченный тоненькими прожилками золотистого металла — и по ту сторону высоченных широких окон открывался прекрасный вид. Полнеба занимал бело-зеленый диск неведомой планеты — туманные струи облаков, завивавшиеся причудливыми спиралями, меж ними на зеленом фоне проглядывают буроватые, четко очерченные полосы, похожие на наблюдаемые с неимоверной высоты горные хребты. А над диском чернело космическое пространство, где ярко светили огромные звезды, складывавшиеся в незнакомые созвездия.

Кириянов словно к земле прирос.

— Оценил? — самодовольно спросил Мухомор с таким видом, словно это он спроектировал и построил все это или был полноправным владельцем. — Это мы с тобой на орбиту запрыгнули. Лучший кабаk на планете, так и называется «Орбиталь» или что-то вроде... Для начала мы с тобой пожрем и выпьем от души, а потом не спеша выберем приличный курорт, опять-таки дорогуший, и махнем развеяться по полной. Могу тебе по секрету сказать, что насчет баб тут обстоит, как и везде, если опять-таки умеючи... Гляди веселей и шагай за дядькой!

Осмотревшись, он направился к ближайшему свободному столику, и на первый взгляд из-за своей формы совершенно не приспособленному для того, чтобы за ним уютно могли устроиться существа вроде землян — сплошная полусфера, ничего похожего на стулья...

Однако стоило им подойти вплотную, стол моментально изменил очертания: полусфера плавно

приподнялась, обнаружив толстую ножку, *перетекла* в круглый стол знакомой формы, а из пола выросли медленно и грациозно, словно инопланетные цветы, два мягких даже на вид кресла, опять-таки идеально приспособленных для землян.

— Видал технику? — прищелкнул языком Мухомор. — Все продумано... Ну, сидай, друже!

Подавая пример, он по-хозяйски развалился в кресле, кинул перед собой сигареты и зажигалку, потер ладони:

— Щас вкусим сладкой жизни на манер аристократии, успевай, кума, любоваться... Халдеев что-то не видно, значит, и тут автоматика...

Откуда-то из центра стола раздался приятный, мелодичный голос, не мужской и не женский, так, нечто среднее:

— Уважаемые гости, прошу прощения за мимолетные формальности, но крайне желательно будет, если вы предъявите идентификационные карты считывающему устройству...

Вслед за тем в центре стола с неприкрытым намеком образовалась небольшая неглубокая выемка, окаймленная весело мерцающими зелеными огоньками, и голос предупредительно уточнил:

— Прошу вас, положите сюда идентификационные карточки в любом их положении...

— Бюрократы хреновы, — пожал плечами Мухомор. — На улицах не шмонают, зато в кабаках не увернешься... Давай.

Он шлепнул своей карточкой по выемке так, словно побивал козырным тузом какую-нибудь мелкую карту. Кирьянов последовал его примеру. Огоньки изменили цвет на синий, замерцали чаще и, такое впечатление, *пытливо*. Потом выемка вдруг исчезла, столешница вновь стала ровной. И голос с прежними интонациями сообщил:

— Уважаемые гости, к великому сожалению, вынужден вам напомнить, что наше заведение от-

носится к разряду полноправных. Надеюсь, вас не затруднит покинуть его уже знакомой вам дорогой.

Вслед за тем возле стола раздался мелодичный звон, и возник гуманоид в малиновом одеянии, напоминавшем то ли халат, то ли бурнус, щедро украшенном золотыми шитыми узорами и символами.

Кирьянов уже давно пришел к выводу, что для описания всех встречавшихся ему на галактических стежках-дорожках инопланетян нет особой нужды изощряться в описаниях, стремиться к скрупулезности. Гораздо проще обходиться краткими определениями «вроде собаки», «вроде человека», «вроде кактуса». Все остальное — детали, без которых можно и обойтись, чтобы не добавлять себе лишней головной боли — он не ученый, в конце концов, подавляющее большинство однажды встретившихся галактов во второй раз уже не встретится, так стоит ли фантазию напрягать?

Согласно сей ненаучной классификации, инопланетянин был вроде человека — разве что голова безволосая, зрачки вертикальные да вместо ушей некая напоминающая цветок конструкция из прозрачной розовой кожицы. Будь это человек, Кирьянов уверенно сказал бы, что физиономия у старикашки склочная и неприятная, но в данном конкретном случае следовало воздержаться от скоропалительных суждений: может оказаться, что это юнец, настроенный крайне доброжелательно...

Галакт произнес, сурово таращась на них синими глазами с вертикальными коричневыми зрачками:

— Мне очень неловко причинять вам неудобства и, вполне возможно, душевные травмы, но я попросил бы покинуть наше заведение вас обоих.

Принятые правила, увы, не содержат каких-либо исключений для данного случая...

— Ты что, старый хрен, не понял? — процедил Мухомор, медленно закипая. — Документов не видел? Чистые документы, в натуре...

— Подожди, — сказал Кирьянов. — Вдруг это и не человек вовсе — снова иллюзия...

— Я вот сейчас этой иллюзии рога на сторону посшибаю! — рявкнул разозленный Мухомор, вскакивая.

Судя по тому, что старикан отступил на шаг, иллюзией он вовсе не был. Моргнув несколько раз, он произнес чуть растеряннее:

— Следует ли мне понимать вас так, что вы намерены выйти за пределы обязующей морали?

— Уж это точно, — грозно пообещал Мухомор, старательно себя распаляя. — Не отдашь карточки, я тебе сей же час слушалки оборву и запихаю в...

Двойной мелодичный звон. По обе стороны от старичка возникли еще двое, при виде которых у Кирьянова неприятно заныло в желудке — да и Мухомор не двигался с места.

Один был вроде человека, другой — вроде собаки. Но не в том дело: на обоих была темно-синяя одежда с блестящими золотыми пуговицами, полосками на плечах и рукавах, волнообразными шевронами и непонятными нашивками. Совершенно одинаковая, что у одного, что у другого, и черные низкие сапожки пусть разной формы у человека и у пса, но нечто трудновыразимое в словах опять-таки объединяло обувь. Точно, униформа...

— Уважаемые разумные существа, — произнес «вроде человека». — Мне крайне неприятно причинять вам моральные неудобства, но возникла ситуация, когда вам просто необходимо будет ответить на несколько вопросов, проследовав из

этого помещения. Хочу подчеркнуть, что эту ситуацию создали своими действиями как раз вы. Надеюсь, вы обладаете достаточной социальной ответственностью, чтобы пойти навстречу нашим требованиям?

— 3-запоролись, бля буду, — сказал Мухомор Кирьянову, почти не шевеля губами.

Кирьянов и сам видел, что чрезвычайно на это похоже...

«Вроде пса» сделал шаг вперед — медленный, рассчитанно-грозный — и произнес тоном вроде бы нейтральным, но на деле не сулившим ничего приятного:

— Парни, лучше бы вам пройти с капитаном. Где права, там и обязанности, так давайте уж похорошему...

Между обоими в форме чувствовалась некая принципиальнейшая разница, пусть и не объяснимая словами. «Мать твою, да ведь этот барбос — вроде нас, — растерянно подумал Кирьянов. — Если его напарник твердо настроен гуманистически нудить насчет прав, то этот, чего доброго, в торец с маху заедет, как мы бы на его месте. И на поясе у него что-то непонятное, но определенно не являющее собой пульверизатор для духов или плер... Вот влипли!»

— Я убедительно прошу вас проследовать со мной для неизбежных разъяснений, — сказал «вроде человека». — Могу вас заверить, что никто не намерен причинять вам физический или моральный вред...

А двуногий пес кратко дополнил:

— Парни, по-доброму договоримся или как?

И опустил корявую пятерню на тот самый непонятный предмет у пояса, с намеком постукивая по нему двумя пальцами с черными короткими когтями. Сомнений не оставалось никаких.

— Ну что? — криво усмехнувшись, спросил Кирьянов у спутника. — Кто тут знает все ходы-выходы?

Мухомор выглядел подавленным, но изо всех сил пытался сохранять самообладание и *кураж*.

— Не ной, кореш, перемелется — мука будет, — отозвался он, скалясь в невеселой улыбке. — Замотали зайку борзые, чего уж тут... Сгорели так сгорели... — Он одернул китель, притопнул парадным начищенным сапогом и ухмыльнулся прямо в физиономию псу: — Пошли, начальничек, ключик-чайничек... Грабки за спину сложить или как прикажете?

Пес молча посторонился. Разобраться в его мимике было решительно невозможно — если это существо вообще обладало мимикой — но голос, пожалуй что, звучал определенно неприязненно:

— Вас не затруднит выражаться яснее? Транслятор плохо берет местные жаргонизмы, которыми вы, судя по всему, изъясняетесь...

— Далеко технике до совершенства, — несломленным голосом отозвался Мухомор. — Я хочу сказать, любезный, что мы с превеликой охотой и высокой степенью социальной ответственности готовы за вами последовать, куда только угодно, как существа законопослушные...

— Рад слышать, — кратко ответил пес, указывая лапой на белоснежный круг в центре зала.

Кирьянов с тоской оглянулся на окно, торопясь в последний раз полюбоваться редкостным зрелищем. Будущие непристойности его не особенно волновали — просто на душе было пако-стно.

Они вчетвером вошли на середину круга, оставив старикашку в малиновом роскошном наряде на прежнем месте, и вокруг них тут же сомкнулось золотистое сияние.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВОТ И РАСЩЕДРИЛИСЯ ГАРАНТЫ...

Когда оно рассеялось, исправно и мгновенно, все оказались в широком и длинном коридоре, светло-сером, с серебристыми полосами на стенах. Взад-вперед с видом деловым и озабоченным сновали существа в такой же синей форме (и, как это частенько бывает в местах, где собираются галакты самого разнообразного облика, у иных деловитость и озабоченность можно было угадать только по стремительной походке, поскольку их мимику землянин ни за что бы не понял).

Пес показал направление. Мухомор моментально ссутулился, наклонился вперед, заложил руки за спину и поплелся в ту сторону, шаркая подошвами, волоча ноги, занудным голосом напевая:

Вот приходит весточка, весточка из лагеря.

Говорилось в весточке: мол, в разливе рек,
сговорив друзей с собой
и убив конвой,
ваш сыночек Витенька совершил побег...

По-видимому, ему страшно хотелось самоутвердиться хотя бы таким проблематичным способом. Пес с явным неудовольствием дернул бурыми брыльями, но промолчал. Существа в синей форме не обращали на них никакого внимания, то ли насмотрелись подобных шествий, то ли выполняли некие правила вежливости.

В кабинете, куда их привели, за столом восседало создание, к которому при рассмотрении и некотором раздумье подходило обозначение «вроде рака». Над синим воротником с непонятными золотыми узорами зеленела хитиновая голова с дюжиной трепещущих сяжек, усиков и члеников, а два огромных черных глаза совершенно по-рачьи

колыхались на толстых стебельках. Судя по всему, хозяин кабинета был существом занятым — повсюду на столе у него что-то мигало, что-то свистело, переливались цепочки цветных огоньков, плясали полупрозрачные знаки, разворачивались в кривые клубки пунктирных линий...

Увидев вошедших, он, однако, что-то сделал клешнястой конечностью, отчего вся иллюминация моментально погасла, и, выпрямившись во весь свой не менее чем двухметровый рост, сказал:

— Прошу садиться, уважаемые разумные существа (из пола моментально выскочили два вздутя, развернувшиеся в кресла, как нельзя более подходящие для гомо сапиенс). Прошу извинения за то, что пришлось причинить вам временные неудобства и довести ситуацию до того, что вас пригласили сюда и попросили ответить на несколько вопросов. Однако меня извиняет то, что вы, как ни прискорбно это подчеркивать, в некоторой степени сами оказались виноваты в таком именно обороте событий...

Над ухом Кирьянова неприязненно сопел Пес, безусловно, не одобрявший такой деликатности. К счастью, он был здесь лицом подчиненным — ох, чует сердце, к счастью...

Украшенный золотым шитьем Рак продолжал:

— В данном секторе именно на меня возложена должность этического комиссара по разбору возможных нестандартных ситуаций. Есть ли у вас, уважаемые разумные существа, протесты по поводу моей кандидатуры? Быть может, у вашей расы имеются какие-то моральные, религиозные, этические или бытовые препоны, препятствующие непринужденному общению с галактами моего облика? Если так, вы имеете полное право потребовать беседы с другим, более отвечающим каким-то вашим представлениям существом...

Пес за спиной произнес тихо, но явственно:

— Дело ваше, парни, но я бы вам не советовал выделяться. К кому-то еще попадете... А комиссар у нас — гуманист известный...

Наверняка этот барбос блефовал из чистой вредности, но что-то не тянуло на эксперименты. Даже Мухомор притих, бросил равнодушным тоном:

— Ничего, и так сойдет... За что забрали, начальник?

— Я бесконечно далек от мысли не то что давать отрицательные оценки вашим поступкам, но и просто выносить по их поводу суждения, — сказал Рак. — Однако, согласитесь, ситуация такова, что вам придется ответить на некоторые вопросы...

— А в чем дело? — буркнул Мухомор.

— К превеликому сожалению, создалось впечатление, что вы пытались рассчитаться в ресторане «Орбиталь» идентификационными картами, принадлежащими неким другим существам...

— А чем докажете? — нахально осведомился Мухомор. — Может, мы эти самые и есть, доподлинные...

Рак молча таращился на него. Физиономия его была не более богата внешними проявлениями эмоций, нежели фонарный столб.

— Насколько я могу судить по вашему внешнему виду и форменной одежде, вы являетесь служащими Спасательного Корпуса Галактической Бригады?

— Точно, — пожал плечами Мухомор.

— И принадлежите к обитателям района, по галактическому коду обозначенному как... — Он с пулеметной быстротой отбарабанил череду букв, цифр и еще каких-то обозначений. — Самоидентификация — Солнечная Система, Земля?

— Точно.

— В настоящий момент проходите службу на базе... — Снова пулеметная очередь.

— Ну.

Рак повернулся к Кирьянову:

— Насколько я могу судить по данным информатория, ваша раса — двупола?

— Ага, — осторожно ответил Кирьянов.

— И вы принадлежите к тому полу, который принято называть мужским, правильно?

— Правильно.

— Отчего же в таком случае идентификационная карта, которой вы пытались рассчитаться, в Центральном информатории значится как принадлежащая особи противоположного, то есть женского пола?

— Подловил он тебя, тварь... — быстрым шепотом прокомментировал Мухомор.

— Теперь о вас, — повернулся к нему Рак. — Ваша идентификационная карта принадлежит существу мужского, как и вы сами, пола, но существо это относится к обитателям совершенно иного сектора...

— Да что вы такое говорите? — вылупил на него глаза Мухомор в неподдельнейшем, патентованном, стопроцентном изумлении.

— Именно так и обстоит, — сказал Рак. — И наконец... Вы оба относитесь к категории полноправных обитателей Галактики, «галактов работающих». И в то же время вы пытались расплатиться картами гарантов.

Мухомора словно взрывом вынесло из кресла. Он подскочил к столу, грозно навис над этическим комиссаром и рывкнул:

— За базаром следи, падла! Ты как нас назвал?!

Бедняга Рак отшатнулся, хаотически мельтеша всеми усиками, явно попытавшись втянуть глаза в башку. Однако помощь пришла моментально — Пес, бдительно ринувшись вперед, положил лапу на плечо Мухомору и веско посоветовал:

— Сядь, парень, не мельтеши...

Мухомор, злобно ворча и фыркая, нехотя подчинился — судя по его гримасе, лапа у Пса была тяжелая.

— Простите, если я невольно произнес нечто, вас оскорбившее, — сказал понемногу приходивший в себя Рак. — Но поверьте, все обстоит именно так. Вы пользовались идентификационными картами гарантов...

— Какие гаранты? — сердито бросил Мухомор. — Коли уж на то пошло, аристократы сто процентные...

— Простите, мне совершенно непонятен употребленный вами термин, — сказал Рак. — Я вижу, вы сами не отрицаете, что воспользовались чужими картами?

— Да чего уж там и дальше несознанку лепить, начальник, — протянул Мухомор, скалясь и зыркая исподлобья. — Погорели так погорели, дело житейское, ты нам только чистосердечное запиши. Чужого нам на себя брать не стоит, но и от своего не отказываемся...

— Надо ли понимать это так, что вы признаете произошедшее? Я не вполне понял большинство употребленных вами выражений...

— Признаю, — проворчал Мухомор.

— А вы?

— И я признаю, — кратко ответил Кирьянов.

— Позвольте отметить, что я восхищен вашим чистосердечием и открытостью, проявленными в общении со мной...

— Кушайте на здоровье, — ощерился Мухомор. — Можете даже и домой взять в тряпочке...

— В таком случае... Быть может, ваша открытость и толерантность простираются настолько далеко, что вы согласитесь короткое время побеседовать с психологом? Или предпочтете быть незамедлительно отправленными к месту постоянного несения службы?

Кириянов растерянно покосился на приятеля. Не раздумывая долго, Мухомор процедил:

— Ладно, соглашайся на базар, авось облегчение выйдет...

— Согласимся побеседовать, — ответил Кириянов.

— Вы меня чрезвычайно обязали, уважаемые разумные существа! — воскликнул Рак, вновь вставая из-за стола во всю свою двухметроворостость. — Позвольте выразить вам свою искреннюю симпатию и сожаления по поводу столь незначительного недоразумения... Проводите, пожалуйста, галактов, милейший фельдфебель...

Пес буркнул:

— Пошли, что ли? Артисты, тоже мне... По уху б вам брызнуть, чтобы фокусов не откалывали... А еще офицеры, мать вашу...

Кириянов окончательно уверился, что Пес — существо вроде них самих, наверняка происходящее не из самого благополучного мира: то ли совсем недавно *примкнувшего* к галактическому братству народностей, то ли вообще не ведавшего о Структуре, о ее потаенной необозримости... В точности как Земля «ан масс».

Должно быть, к тем же выводам столь же быстро пришел и Мухомор — в коридоре он повернулся к конвоиру и непринужденно спросил:

— Слышь, кореш, так он правду болтал про гарантов, начальничек твой?

— Тебе психолог все растолкует, — ответил Пес с видом, в отношении землянина исписавшимся бы «насупленным». — Они у нас тоже гуманисты, душу вашу нежную беречь стремятся. Моя б воля, я б вас обоих сунул на гауптвахту на недельку-другую-третью...

— А гауптвахта у вас есть? — вкрадчиво поинтересовался Миша.

— Нету, — печально сознался Пес. — А жалко. Развели тут, понимаешь, слюни, чихнуть на вас не

моги... А вы с чужими ксивами шныряете, да не по столовке, а по лучшим кабакам...

— Что делать, что делать, — промурлыкал Мухомор с успокоенным видом. — Не дают тебе воли, братан, и правильно... Куда шагать-то?

— Пришли, — буркнул Пес. — Тебе — сюда, тебе — сюда... — Открыв указанную ему дверь, Кирьянов не обнаружил за ней ничего примечательного. Обычный кабинет со стандартной канцелярской мебелировкой, только в углу произрастает неизвестное растение приятного багряно-золотистого цвета, с широкими листьями и белыми цветами.

Он остановился на пороге, присматриваясь к сидящему за столом существу. И вскоре сделал заключение: вроде медведя. Существо было пошире его в плечах и головы на две повыше, сплошь заросшее густым мехом, бурым со светлыми пятнами, с широкой мордой, более всего напоминавшей медвежью. Вместо синей формы на нем красовалось нечто вроде синей рыболовной сети с очень крупными ячейками, позволявшими беспрепятственно любоваться роскошным мехом. Кое-где к ней были прикреплены те самые золотые знаки, к которым Кирьянов уже успел привыкнуть за время пребывания здесь (слово «арест» все же не подходило к ситуации).

— Садитесь, пожалуйста, — сказала мохнатое существо. — Мое имя Бар Гарумбару, мое звание — окт-комиссар, но вы, думаю, предпочтете называть меня просто доктором?

— Пожалуй, — сказал Кирьянов, удобно располагаясь в кресле.

— У вас есть какие-нибудь мелкие пристрастия? Жевание, втягивание дыма, нюханье, верчение в руках? Если да, вы можете ими заниматься. — Подавая пример, он извлек из стола пригоршню каких-то гнутых серых корешков, сунул их в пасть и стал размеренно пережевывать. —

Кое-кто считает это вредной привычкой, но так уж у нас заведено исстари, трудно отказаться...

Кириянов достал сигареты и подумал с долей неприязни: «Ну, давай, лезь в душу с сапогами, ты ж для этого здесь и сидишь, чего лукавить?..»

— Я уверен, что мой внешний облик не вызывает у вас подсознательного отторжения, правильно? — сказал доктор, пережевывая корешки. — Исследования показали, что гуманоиды вашей и сходных рас как раз испытывают доверительные чувства в отношении покрытых мехом существ. А внутреннее отторжение у вас вызывают рептилиеподобные...

— Вообще-то правильно, — сказал Кириянов. — Я не знаю, отчего так получилось, может, это какой-то там галактической морали и противоречит...

— Ну что вы, что вы! Подсознание, обстоятельства формирования расы, ничего тут не поделаешь... — Он глянул на серебристую поверхность стола, где наблюдалась суeta непонятных символов. — Значит, вы имеете честь быть офицером Спасательного корпуса, полноправным галактом... Как же вас утормозило... По неопытности, конечно?

— Вы о чем?

— О вашем необдуманном поступке... Вы же полноправный галакт, офицер на серьезной службе, социально ответственное разумное существо... Голубчик, это же, мягко говоря, неприлично — разезжать с чужой идентификационной картой, тем более взятой у гаранта...

Все эти дипломатические экивоки, начавшиеся еще в кабинете Рака, начинали Кириянову надоедать. Главным образом оттого, что до сих пор не было никакой определенности.

— Послушайте, доктор, — сказал он решительно. — Объясните, в конце концов, в чем я виноват и что мне грозит...

— Грозит? — мохнатые брови доктора взлетели вверх. — Помилуйте, что вам может грозить? А впрочем, я понял... Вы считаете, что должно последовать некое наказание? Да полноте, с чего вы так решили? Вы просто-напросто поступили необдуманно, и вас убедительно просят более так не делать. Вы же социально ответственное разумное существо, полноправный галакт... Вы ведь все осознали, правда? И, обещаете больше так не поступать? При чем тут наказание? Отживший термин...

— Вы хотите сказать, что я могу невозбранно отсюда уйти?

— И даже более того, голубчик, — сказал доктор. — И даже более того. Вы ведь недавно у нас? Ну да, ну да... Вы и не представляете, сколь обширны ваши права в качестве полноправного галакта! Сколь они, если можно так выразиться, необозримы и непреложны! Так вот, если вам только *покажется*, что ваши права ущемлены хоть в малейшей степени, вы можете немедленно связаться с уполномоченным по соблюдению прав в данном секторе. Да что там, вы имеете полное право связаться непосредственно с Галактической Ассамблеей — то есть высшим органом управления Содружества. Достаточно вам заявить вслух, что ваши права ущемлены... Вы и не представляете, какой переполох поднимется! Ущемлены права полноправного галакта! Сюда немедленно прибудет уполномоченный, а если у вас возникнет такое желание, вы можете потребовать созыва Ассамблеи...

— Ради *меня* одного? — спросил Кирьянов без удивления.

— Но вы же полноправный галакт! И если вы уверены, что ваши права нарушены, вы вправе требовать любых мер, вплоть до созыва Ассамблеи... Это Галактика, голубчик, так уж заведено...

Кирьянов хмуро смотрел на собеседника. Невозможно было понять, что за эмоции и чувства

написаны на этой мохнатой физиономии, если они там вообще присутствуют. Но не похоже, чтобы психолог над ним издевался... Взять хотя бы Рака — тот тоже душой не кривил. Значит, они, в Галактике, и в самом деле *такие*. Гуманисты законченные. Как Мухомор и описывал своими словами.

— Вы ведь понимаете теперь, что поступили не вполне... ответственно?

— Да, — сказал Кирьянов искренне. — Понимаете, мне так хотелось посмотреть Галактику...

Он и сам сознавал, насколько по-детски это прозвучало. Но что поделаться...

— Насколько я успел узнать, вы представитель планеты, еще не принятой в Содружество?

— Да, — сказал Кирьянов, глядя в сторону.

— Понятно... Кажется, в старину это называлось «смягчающими обстоятельствами»...

— А вы со мной без смягчающих обстоятельств. И без скидок... — сказал Кирьянов. — То вы заверяете, что я полноправный, то начинаете смягчающие обстоятельства выискивать...

— Ну что вы! Могу заверить, к вам относятся как к *любому* на вашем месте. К любому, понимаете? Совершенно не важно, входит ваша планета в Содружество или нет. Не вы первый совершили необдуманый поступок и, боюсь, не вы последний... В таких случаях разумному существу мягко объясняют его неправоту, только и всего. В этом и заключается моя функция: *объяснять*. И, признаюсь вам по секрету, эта тяжкая обязанность налагает на меня огромную ответственность. Я ведь должен взять на себя смелость рассказать другому разумному существу, почему оно в данной ситуации оказалось неправым... Это большая ответственность, не каждому удастся справиться... А что до смягчающих обстоятельств... Сложность совсем не в том, о чем вы подумали в первую очередь:

будто к вам из-за вашего... происхождения относятся как-то иначе. Нет, тут другое... Те, кто *пригласил* вас на службу, увы, сплошь и рядом грешат формальным подходом. С новичком не проводят полного и по возможности всеобъемлющего инструктажа. Что поделать, хватает и у нас бюрократии, формализма, поверхностности. Мне снова приходится выносить суждения о других, но такова уж моя проклятая работа — кто-то ведь должен ее выполнять...

Кириянов поднял голову и долго смотрел на него. Потом спросил:

— Вы хотите сказать, что в Галактике нет ни преступников, ни полиции?

— Некоторые аналоги старинного понятия «полиция» существуют. Потому что преступления, пусть и крайне редко, но случаются. Общество, *полностью* лишенное преступлений и преступников, — пока что недостижимая мечта. Но преступление — это... — Он поводит над столом мохнатыми лапами, словно не мог сразу подобрать слов. — Настоящее преступление — это... Из ряда вон выходящая редкость.

— А если бы мы не подчинились там, в ресторане? — спросил Кириянов с искренним любопытством. — Не *проследовали* бы?

— В *этом* случае никто не вправе вас принудить. Просто-напросто за вами, куда бы вы ни направились, последовали бы другие сотрудники сектора. И вам время от времени напоминали бы, что вы ведете себя как разумные существа, лишенные социальной ответственности... Вас вновь и вновь просили бы проследовать для доверительной беседы.

— А если бы мы...

— Совершили акты насилия? — после короткой паузы догадливо спросил мохнатый доктор. — Ну что ж, *тогда* в дело вступили бы те самые службы,

аналогичные старинной полиции. Они существуют, как вы догадываетесь. Но и в этом случае с вами постарались бы обойтись с максимальной деликатностью. Нормальное разумное существо не ведет себя, подобно дикому зверю, не допускает насилия по отношению к другим разумным существам. Следовательно, тот, кто *так* ведет себя, болен и заслуживает соответствующего обращения. Но ведь к вам и вашему спутнику это не относится, верно? Вы всего-навсего не получили в свое время детального инструктажа. И не совершили ничего, хотя бы отдаленно напоминающего преступление. И в то же время... Согласитесь, это безответственно — получать еду в ресторане по чужим идентификационным картам. «Орбиталь» — довольно дорогой ресторан. Дороговизна эта вызвана тем, что компоненты для подаваемых там блюд и напитков собираются вручную, и готовятся вручную без малейшего участия кулинарных автоматов. Вы ведь знаете, что в Галактике существует то, что можно охарактеризовать как «денежную систему»?

— Конечно. Мне говорили. Мне полагается жалованье...

— А знаете, почему?

— Простите?

— Почему денежная система *все еще* существует? Отнюдь не по тому, что это диктуется экономической необходимостью. Современные техника и индустрия позволяют удовлетворить все возможные потребности разумного существа — разумеется, кроме очень уж грандиозных. И тем не менее... Понимаете ли, вся предыдущая история Галактики показала, что разумному существу необходим некий *стимул*. Без этого стимула, увы, невозможно нормальное функционирование общества, как бы разумно и гуманно оно ни было устроено. С войнами и насилием в свое время оказалось гораздо проще покончить, чем с иску-

шением *благами*. Случались печальные прецеденты, знаете ли. Рассказывать долго и скучно. Застой, стагнация, разлад общественных механизмов... Короче говоря, денежная система по-прежнему существует в качестве стимулирующего фактора. Есть определенный минимум потребностей, довольно, впрочем, широкий по сравнению с тем, к чему вы привыкли на своей родной планете. И есть *предел*. Чтобы получить что-то лучшее, разумное существо должно заниматься трудом на благо общества. Никто, скажем, не может умереть от голода, это абсолютно исключено. Всякий имеет право отдыхать на курортах за пределами своей планеты... на *обычных* курортах, я имею в виду. Если кому-то захочется побывать в Радужных Дубравах, если кому-то захочется поехать в «Орбитале», он должен зарабатывать достаточно для посещения *такого* курорта или *такого* ресторана. В этом и заключается мера социальной ответственности. Социальная ответственность и стимулы — вот ключ к галактическим порядкам.

Всерьез заинтригованный, Кирьянов спросил:

— А если я... нет, я не так сформулировал. Если существо, родившееся на планете, входящей в Содружество, откажется работать *вообще*? Вот просто так возьмет и откажется. Заявит: «Не хочу работать и никогда не буду!» Что с ним будет?

— Удачный вопрос, — сказал психолог. — Вы сэкономили мне время, я намеревался вас к этому подвести... Скажу сразу, что подобные случаи — я имею в виду, когда дело касается граждан полноразправных планет — чрезвычайно редки. Это общественный уклад, знаете ли. Разумному существу неприлично и стыдно не работать. Воспитание, традиции... И все же случается... Гораздо чаще, чем преступления.

— И тогда?

— И тогда разумное существо становится *гарантом*, — ответил доктор. — Кому-то может показаться, что оно неизмеримо больше приобретает, нежели теряет... Все зависит от точки зрения... Гарант — это обитатель Галактики, который приобретает право на удовлетворение всех возможных потребностей. Понимаете? Всех возможных. Если он захочет иметь в своем безраздельном владении целую планету, которую следует застроить хрустальными дворцами, выкопать там рукотворные моря и перекинуть через них золотые мосты — это желание будет выполнено. Ведь оно не нарушает прав других разумных существ... Есть и другая сторона. Гарант навсегда лишается возможности *принимать участие* в жизни общества. Он не сможет исполнять те социальные функции, на которые имеют право трудящиеся галакты, — обсуждать изменения в законах, участвовать в голосованиях, публично высказывать свое мнение по разнообразным вопросам галактической жизни, исключается из референдумов, наконец, не может пользоваться заведениями, которые посещают *зарабатывающие*. В общем, у него есть все. Много более того, что может себе позволить даже получающий жалованье высшей категории галакт. Но гарант — *вне* общества. И отношение к гаранту, знаете ли... Это даже не отчуждение. Гарантов попросту не видят, глядя на них. Они живут в другом мире. Вы поняли?

— Кажется, понял, — сказал Кирьянов. И повторил, чувствуя себя последним идиотом: — Кажется, понял... Значит, эти летающие дворцы, чудесные сады... Эти беззаботные бездельники... Это никакая не аристократия, верно?

— Ну разумеется, — сказал доктор. — Мне по роду занятий положено быть осведомленным о многих старинных понятиях... В Галактике нет ни-

какой такой «аристократии», голубчик. Это были обыкновенные *гаранты*. Я уже просмотрел коды на карточках. Знаю, о ком идет речь. Планета не так давно принята в Содружество, но из-за старинных традиций очень и очень многие, главным образом та самая потомственная аристократия, решительно отказались работать за жалованье. Для них это оказалось невероятно унизительно. Ну что же, механизм отработан... Те, кто вас навел, — гаранты в пятом, если мне не изменяет память, поколении.

— Но позвольте! — вскинулся Кирьянов. — Сами-то они считают...

— Я понимаю, — кивнул доктор косматой башкой. — Сами они считают, что из-за давности их родов и уникального положения планеты Галактика *склонилась* перед ними, да так и продолжает стоять в почтительной позе, удовлетворяя все их прихоти... Ну и что? В сущности, гарант — это ребенок. Эгоистичный, жадный, полностью лишенный социальной ответственности... Его жалеют, ему подыгрывают, только и всего. И будут подыгрывать до тех пор, пока его прихоти и капризы не затрагивают прав и интересов других. Галактика достаточно гуманна, чтобы позволить себе именно такое отношение к людям, которые не желают стать социально ответственными... И достаточно богата. Пусть их... В итоге их настолько мало по сравнению с работающими...

Кирьянов чувствовал, что уши у него пылают. Вновь и вновь вспоминал лицо полковника Зорича, молчаливо смирившегося с тем, что в его кабинете был наскоро устроен походный бордель — ну конечно, это было просто-напросто молчаливое презрение, жалость к убогоньким, неполноценным, ничего удивительного, что не последовало санкций, даже раздражения не было...

— Теперь вы все поняли, надеюсь? — спросил доктор.

— Все, — сказал Кирьянов, глядя в пол и по-прежнему содрогаясь от жгучего стыда. — Я могу уйти?

— Ну разумеется! Вас уже ждут... Вы ведь никогда больше не будете так поступать?

— Никогда, — сказал Кирьянов.

Лучше бы в морду дали, думал он, выходя из кабинета. В камеру кинули на здешние пятнадцать суток, кулаками по столу стучали и лампой в харю светили... Хуже всего то, что они не злятся и не обижаются, а молча сочувствуют дикарю, не знающему очевидных вещей. Надо же так жидко...

В коридоре он увидел прапорщика Шибко — тот с непроницаемым лицом шел навстречу, четко печатая шаг, огромный и грациозный, как хищный зверь вроде леопарда, вел под локоток угрюмого Мухомора — и под правым глазом последнего наливался темным основательный синяк. Следом поспешал ракообразный этический комиссар и взволнованно верещал:

— Тысяча извинений, уважаемый прапорщик, но я не в силах отделаться от впечатления, что это пятно на лице данного разумного существа возникло в результате...

Шибко приостановился, оглянулся через плечо и ответил с восхитительной небрежностью:

— Уважаемый этический комиссар, тысяча извинений, но вы плохо знакомы с обычаями нашей расы. Радость встречи после долгой разлуки у нас выражается в том, что мы наносим друг другу легонькие удары верхними конечностями в область органов зрения, что и имело место в данном случае... Ведь правда?

Мухомор угрюмо кивнул. Комиссар остался стоять посреди коридора, глядя им вслед, и Кирьянов каким-то удивительным манером понял,

что его облик выражает собою тягостное раздумье и сомнение. Но они уже были далеко.

— Пошли, — сухо бросил Шибко Кирьянову. — Гос-спода офицеры, мать вашу...

— А чего сразу в рыло? — мрачно пробурчал Мухомор.

— А чтобы глупости всякие не организовывал и новичков в побег не сманивал, — безмятежно ответил Шибко. — Беги, пожалуйста в Ассамблею, имеешь полное право... Вон, в углу как раз видеофон... Ну?

— Сроду не стучал, — буркнул Мухомор, отворачиваясь.

— Вот и шагай.

— А чего сразу в рыло?

— Разговорчики в раю! — прикрикнул Шибко. И неожиданно ухмыльнулся во весь рот. — До чего ж вы меня огорчили, сукины коты, ни в сказке сказать, ни пером описать. Похабщина у вас получилась, а не самоволка. Толковый солдат дернет в самоволку, лишь предварительно разведав все стежки-дорожки, возможные пути отхода, перемещения и укрытия. И никак иначе. А вы не придумали ничего лучшего, кроме как слинять с карточками гарантов... Тоска и стыдобушка. Ты хоть понимаешь, Мухомор, как запомился?

На Мухомора было невозможно смотреть без скорби. Хоть ваяй с него аллегорическую фигуру Беспредельного Уныния.

— Кто ж знал, — сказал он потерянно, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. — Только и разговору было — гаранты, гаранты... Кто ж их видел на самом деле? Я ж думал...

— Хвостовым мозгом ты думал, чадушко, — безжалостно сказал Шибко. — Даже не спинным. Будет время, расскажу тебе про Владика Проньру. Был такой еще до тебя, задолго тому... Вот тот бегал — завидки брали, слезы наворачивались от

умиления... Гений был в своем роде. Куда уж тебе, гунявому... Ничего, ребята, не переживайте. Я в отличие от этого крабика этического гуманизмом не страдаю. Вы у меня еще оба хлебнете вдоволь строевой и изучения оружия — согласно соответствующим статьям устава, пусть и напечатанным мелким шрифтом. От рассвета, как говорится, и до горизонта... Не на губу же вас сажать? У нас ее сроду не водилось, это при Митрофаныче разве что, во времена его орлиной юности... Вот тогда бы вы насиделись на хлебе и воде... Ничего, и у меня побегаєте, что твои электроны по орбитам, зуб даю. А знаете, за что получите от отца-командира дополнительный втык? Акция объявлена, дорогие мои, группа давно должна быть на месте — так нет, изволь за вами гоняться, зайчики-побегайчики...

— Какой такой дополнительный втык... — тихонько ворчал Мухомор, поспешая за размашисто шагавшим прапорщиком. — Хренов — как дров. Я все параграфы изучил, нет там ничего насчет такой вот самоволки и дополнительных втыков...

— Был бы раздолбай — а параграф приложится, — бросил Шибко, не оборачиваясь. — А в общем, вам везет, разгильдяи. Вы и не представляете, как вам повезло, что не напоролись на серьезные неприятности.

Мухомор моментально насторожился:

— Это с чего ты такой добрый, фельдмаршал ты наш? Неспроста ведь!

— Ну конечно, неспроста, — сказал Шибко, обернувшись к нему и обнажив в улыбке великолепные белые зубы, вполне годившиеся для того, чтобы перекусывать гвозди. — Акция на сей раз столь специфическая, что совершенно безразлично, когда ее начинать. Можно в любой момент, как нам удобнее, ничуть не поджимают срока.

— Ах, во-от оно что, — сказал мгновенно поскучневший еще более Мухомор. — Ах, во-он оно как... Огребем по самое не могу...

— Не исключается, — серьезно сказал Шибко.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

НАШ БРОНЕПОЕЗД

После нескольких минут совершеннейшей неподвижности, когда окончательно стало ясно, что тревога оказалась ложной, Кирьянов приподнялся на локтях, выглянул из-за поваленного ствола.

По ту сторону упавшего давным-давно, уже основательно подгнившего дерева темнело густое переплетение огромных, причудливо вырезанных листьев, напоминавших земные папоротники. Что-то их, конечно, всколыхнуло на пару секунд, но определенно не то, чего им следовало избегать как черт ладана. Точнее, не *те*.

Им владели двойственные чувства — с одной стороны, следовало выполнить приказ в точности, ни в коем случае не входить в соприкосновение с неведомыми обитателями планеты, с другой — хотелось увидеть издали хотя бы одного. Как будто от этого хоть что-то станет ясным...

Он вздрогнул, все тело прошила мгновенная судорога мимолетного инстинктивного страха. Над поваленным стволом бесшумно взмыл темный клубок величиной с мужскую голову, проворно и причинно перекатился на ту сторону, где лежал Кирьянов, приземлился в низкую траву перед самым лицом.

Ну вот, еще один. Гнездо у них тут, что ли? Кажется, десятый уже или одиннадцатый, пожалуй что...

Клубок был мохнатый, длинношерстный, и от него ничуть не пахло. Совершенно никакого запаха, а значит, инструктор был прав: создание это относилось либо к дичи, либо к самым мелким хищникам, вынужденным пробавляться разве что местными жуками или мышами. Только крупный хищник откровенно смердит за версту, ему-то нет нужды вылизывать шерсть по сто раз на дню, чтобы, не дай бог, не почуяли...

Все повторилось, как несколько раз за эту ночь. Клубок, посверкивая полудюжиной отражавших лунный свет бусинок, живых, подвижных — несомненно, глаза, — протянул что-то вроде тонкого гибкого шнурка, невесомым паутинным прикосновением скользнувшего по щеке Кирьянова. Тот сложил губы трубочкой и выдохнул воздух.

Мелкий зверь, сдавленно и хрипло пискнув, неуловимым движением перекатился через поваленное дерево на ту сторону и бесшумно канул в заросли. Ни один стебель не колыхнулся.

Почувствовав на плече руку штандарт-полковника, Кирьянов зачем-то кивнул, поднялся на ноги и, пригибаясь, перепрыгнул поваленное дерево. Парой секунд позже к нему присоединились Зорич и Кац. Командир кивнул в ту сторону, где среди зарослей виднелось нечто похожее на звериную тропу, и они двинулись по ней вереницей.

Приходилось то и дело отводить от лица мягкие разлапистые листья, осторожно ощупывать стежку подошвами — здесь хватало вылезавших из-под земли кривых корневищ. И жизнь вокруг кишмя кишела — что ни миг, кто-то крохотный шараялся из-под ног, то ныряя в чащу, то ошалевшей кошкой взлетая на ближайшее дерево, кто-то тихонько стрекотал и свистел в кронах и за кустами, кто-то порхал меж папоротников, ловко их огибая...

Хорошо еще, что эта почти непролазная чащоба была сухой, ничем не напоминала влажные джун-

гли. И местной живности бояться не приходилось, будь она хоть трижды плотоядной: инструктор, как теперь стало ясно, говорил чистейшую правду, уверяя, что есть в человеке нечто, делающее его насквозь чуждым и посторонним для здешних пищевых цепочек. Совершенно несъедобным.

Даже здешние насекомые, едва коснувшись кожи, отлетали в стороны, разочарованно пища, — человек им был решительно неинтересен, как и всей прочей фауне. Жаль только, что местная флора, неразумная и неподвижная, как ей и полагалось, не перенимала столь положительного опыта. Окажись так, что корни сами убирались бы из-под ног, ветки не царапали лицо, а листья сворачивались бы в трубочку, уступая дорогу, было бы совсем здорово...

Тропинка расширялась, превратившись постепенно чуть ли не в просеку, вполне просторную для того, чтобы по ней делали променады мамонты. А это уже легонько беспокоило: может оказаться, что просеку используют для ночных рейдов те самые разумные обитатели планеты, от коих надлежало скрываться...

Но ничего не попишешь: чащоба была совершенно непролазной, и они, бредя напролом, ни за что не успели бы к назначенному времени... Приходилось рисковать, держа уши на макушке.

Все вокруг казалось чуточку нереальным, зыбким, неустоявшимся: на здешнем ночном небосклоне, усыпанном крупными звездами, сияли сразу три луны, две побольше, одна поменьше, не белая, как другие, а синеватая, так что каждая былинка, не говоря уж о кустах и деревьях, отбрасывала по три тени в разные стороны, и луны не стояли на месте, понемногу перемещались по своим орбитам, так что игра тройного бледного света, тройных теней порой превращала окружающие заросли в нематериальные, колышущиеся миражи. Иногда трудно было оценивать расстояние, и кто-

то спотыкался, а кто-то, тихонько выругавшись, вламывался в самую глубину кустов...

Но в общем и целом они продвигались к месту назначения довольно резво, Зорич ни разу не поторопил. Размышления и догадки, как водится, приходилось держать при себе, но Кирьянов мог поклясться, что остальным так же неуютно, как и ему самому. Хватало поводов...

Во-первых, они переместились незнамо куда не только в пространстве, но и во времени, поскольку отбыли не через стартовую, а из «хозяйства Стрекалова». Это было прошлое, знать бы только, чье — а может, не прошлое, а чье-то будущее, хотя вряд ли, Стрекалов мельком упоминал на очередной пьянке, что будущее *закрыто*...

Во-вторых, впервые на памяти Кирьянова (да и остальных тоже) они оказались лишены того разнообразного, могучего, сложного и дававшего уютное чувство безопасности снаряжения, каким обычно были оснащены по самую маковку. На сей раз ничего похожего. Комбинезоны с капюшонами — из какой-то плотной ткани естественного происхождения. Сапоги — из тонкой кожи. Тесаки — из какого-то невероятно твердого дерева. Фляги — из чего-то вроде плоской тыквы. Связки веревок на поясе — опять-таки растительного происхождения. Мешки из чего-то вроде холстины, а в них — глиняные бутылки, закрытые деревянными пробками. Ни крохи металла, ни крохи пластмассы. Форменное слияние с природой, доведенное до абсурда...

Впервые Кирьянов чувствовал себя голым, незащищенным — наверняка и остальные тоже, хотя впечатлениями никто, понятно, не делился в присутствии отца-командира...

Твою мать!!!

Он замер как вкопанный. Всех троих *это* застало врасплох.

Огромное мохнатое тело, схожее габаритами и плавными очертаниями с автоцистерной, *выметнулось* из леса на просеку столь молниеносно и бесшумно, что люди не успели ни охнуть, ни вздохнуть. Только что его не было — и вот, миг спустя, оно уже громоздится поперек дороги, посверкивая огромными, бездонными, размером с тарелку глазищами — числом не менее трех — и душающе воняя.

Да, это был хищник... Ночной хозяин, которому не было нужды опасаться соперников и конкурентов. Второй уже, мать его... О чистоплотности, судя по распространившейся воню, имевший не более представления, чем первый, попавшийся в чащу.

Кириянов, справившись с тем самым рефлекторным испугом, досадливо вздохнул, стараясь не втягивать воздух носом. Двумя бичами взлетев из темного меха, к нему метнулись щупальца, коснулись комбинезона, лица — и столь же мгновенно отпрянули, втянулись назад. Издав нечто смахивающее на обиженное фырканье — быть может, это означало тот же позыв к тошноте, что испытал Кириянов, — мохнатая глыба прямо с места, без разбега и прыжка прыгнула назад в чащобу с тем же невероятным проворством, исчезла меж стволов...

Сплюнув, Зорич философски спросил:

— Как по-вашему, коллега, кошерное оно или наоборот?

— Кто ж его знает, — задумчиво ответил Кац. — Но что не мылось отроду, это точно... Смотрите!

Он, невольно пригнувшись, указал вперед.

Они присмотрелись.

Там, впереди, посреди огромной прогалины, четко рисовалось в переменчивом сиянии трех лун странное сооружение. Сначала показалось, что это чистейшей воды игра природы, потом... Потом все запуталось еще более.

Если присмотреться, это был несомненный замок — стена с высокими зубцами по гребню, главная башня с конусообразной крышей, окруженная крытой галереей, парочка башен поменьше, явно сужавшихся от основания к вершине. Ров, темная линия запертых ворот, по углам стены — круглые башенки, запаматовал, как они именуются...

И в то же время было в этой цитадели *нечто*, не позволявшее считать ее делом человеческих рук, вообще чьих бы то ни было рук. Непонятно почему, но оставалось впечатление, что замок *вырос* из земли сам по себе, своими собственными трудами, что он был в прямом и неоспоримом родстве с чащобой, с могучими деревьями и даже кустами, с листьями и травой...

Как бы там ни было, он, несомненно, обитаем — кое-где из крохотных оконце пробивался колышущийся тусклый свет, желтоватый, спокойный, временами исчезающий на пару секунд, так, словно кто-то, пройдя мимо без всякой спешки, заслонял светильник или факел. Уж конечно, не электричество, *живой* огонь, даже отсюда видно...

Они вопросительно взглянули на отца-командира. Тот какое-то время колебался, в темпе принимая решение, потом показал рукой:

— Ладно, по опушке, в тени...

И они вереницей двинулись по опушке, метрах в трехстах от замка, мимо огромных, в три обхвата стволов и буйно выплескивавшегося меж ними переплетения кустов.

«Хрр-ру-у-у-ххх...» — шумно разнеслось над прогалиной.

— Ложись! — молниеносно скомандовал Зорич.

Они повалились, кто где стоял, замерли. Кирьянов упал так, что лицо оказалось обращенным в сторону темного замка — и прекрасно видел, как в одном месте меж зубцами возникло шевеление,

несколько вертикальных силуэтов замельтешили, замерли, что-то медленно набухло темной массой, возвышаясь над двумя соседними зубцами, вновь послышалось шумное, протяжное «Хрр-ру-у-у-у-xxx...» — то ли выдох исполинского животного, то ли шуршание неведомого механизма...

Резкий свист разорвал воздух над головой, перемещаясь справа налево, по стволам забарабанила словно бы пулеметная очередь или пригоршня летящих с невероятной быстротой камешков, шелкнула по густому кустарнику. Звонкие рикошеты от стволов, шелестящее фыркание метательных снарядов, далеко вглубь пропоровших кусты...

Что-то шлепнулось перед самым носом Кирьянова, но он лежал неподвижно, медленно покрываясь от напряжения липким потом.

Снова протяжный свист, новая порция попаданий по стволам высоко над головой, по мешанине кустов. И долгая, долгая тишина. Ободренный ее длительностью, Кирьянов рывкнул, медленно-медленно вытянул руку, зажал в кулаке продолговатый предмет.

Потом, услышав шепот командира, пополз вслед за ним, прижимаясь к земле, к низкой мягкой траве, почти не поднимая головы. Они понемногу удалялись от замка, где воцарилась тишина.

Прогалина казалась бесконечной, тянулась на несколько километров — хотя здесь в ходу наверняка другие меры длины. Коли уж тут имеются разумные существа, коли они обитают в замках да вдобавок завели скверную привычку палить в темноте на шорох, они просто обязаны придумать свои меры длины...

Командир поднялся на ноги не раньше, чем замок превратился в неразличимое пятнышко далеко позади. Кирьянов поднес раскрытую ладонь к самым глазам.

— Сувенир? — усмехнулся Зорич.

— Этим они, похоже, в нас и палили, — сказал Кирьянов.

— Очень похоже на фасолину, только подтверже...

— Да, очень похоже на какое-то семечко... Может, это была не пушка?

— А что?

— Какой-нибудь местный гриб-дождевик, приспособленный для военных нужд. — Кирьянов никак не мог остановиться. — Биологическая цивилизация, а? Замок словно бы *выращенный*, фасолины эти вместо картечи...

— Костя, я вас умоляю, — скучным голосом сказал Кац. — Ну, предположим, это таки биологическая цивилизация... Нам от этого будет легче или уютнее?

— Совершенно верно, — хмыкнул Зорич. — Самое бесполезное — строить на задании *версии*... Не имеющие отношения к делу. Пойдемте...

Часов у них, разумеется, не имелось — но, судя по внутренним ощущениям, прошло еще не менее получаса, прежде чем они, свернув на просеку поуже и извилистее, добрались до округлого лысого холмика, увенчанного огромным, по виду разбитым молнией деревом, от которого остался только расщепленный пень высотой в два человеческих роста. Именно про это и говорил инструктор...

Из-за пня почти бесшумно возникли две фигуры — на сей раз вполне человеческие.

— Все в порядке, — тихонько доложил штандарт-полковнику Шибко. — Мост в нужном месте имеется. Совершенно такой, как про него говорили. На мосту и вокруг — полная тишина. Жакенбаев там бдит.

— Точно вам говорю, ни единого вертухая, — поддержал Миша Мухомор. — У меня на вертухаев нюх особый. Помните, в «синей гребенке»?

— Помню, помню, — безучастно отозвался Зорич. — Только мы сейчас не в «гребенке». Судя по тому, как оперативно нас обстреляли возле замка, то ли слух у *них* преострый, то ли ночью видят сносно.

— И все же они, такое впечатление, наугад палили, — решил возразить Кирьянов, благо имел право во время операции вступать в дискуссии — до тех пор, понятно, пока не отдавался окончательный и не подлежащий интеллигентским обсуждениям приказ.

— Ну, значит, *слух* у них отменный, — сказал Зорич без всякого раздражения. — Итак... Повторяю приказ. Задача поставлена простая и недвусмысленная: с помощью имеющихся у нас подручных средств обрушить мост до того, как на нашу сторону переедет сооружение, для пущей краткости поименованное «бронепоездом». Расчетное время прохода данного сооружения по мосту нам известно — вскорости после того, как «синяя» луна скроется за лесом. — Он усмехнулся: — Будет ли «бронепоезд» в точности выполнять расписание, нам, разумеется, неизвестно. Боюсь, у здешних обитателей могут быть свои планы на сей счет — или им, как и людям, свойственно порой разгильдяйство, выражающееся в отступлении от расписания... Но это уже их проблемы. Мы, повторяю, обязаны обрушить мост — и совсем прекрасно было бы, свали мы его во время прохождения по нему «бронепоезда»... Характер действий, которые следует предпринять, вам известен. Вопросы есть?

Вопросов не последовало, только Мухомор тихонько проворчал под нос:

— Какие тут, на хрен...

— Напоминаю: «кислота» для человеческого организма совершенно безвредна... — штандарт-полковник сделал паузу, — но пить ее я все рав-

но не рекомендую, Миша, ибо она спирта не содержит...

Дело ясное, отец-командир хотел приободрить своих орлов немудрящей шуткой, но вместо смеха раздалось лишь тихое фыркание... Совершенно не тянуло отчего-то смеяться.

— Вперед, — решительно сказал Зорич.

Все так же, волчьей вереницей, они двинулись мимо холма с обгорелым, жутко расщепленным исполинским пнем, и метров через двести оказались на краю грандиозной расщелины.

Шириной она была не так уж и велика — всего-то метров триста. Зато казалась бездонной, заполненной по кромку непроницаемым космическим мраком. Безусловно, такие мысли приходили в голову исключительно оттого, что инструктор, существо «вроде черепахи», сказал совсем недавно:

— Расщелина очень глубокая, так что падать в нее не советую — никакой веревки не хватит, да и вытаскивать будет уже нечего...

На этой стороне — непроходимая чащоба, и на другой аналогично. Только узкая просека упирается прямо в расщелину, чтобы продолжиться на той стороне, странная просека, словно бы и не зверями протоптанная, словно здешние *уговорили* деревья расступиться, встать по обочине безукоризненными шеренгами, равняясь на грудь четвертого...

И мост, соединяющий берега...

Он был таким же странным, как и замок, негостеприимный к проходящим. Строго говоря, даже и не мост, а что-то другое.

Три параллельных ствола, разделенных неширокими промежутками — с полметра, не более. Длиннющие стволы, вроде бы цельные, что само по себе удивительно: гравитация здесь примерно равна земной, с чего бы вымахать таким деревьям?! Не столь уж толстые стволы, человек любой

из трех обхватит без усилий. Невозможно представить себе существо, способное воспользоваться этим сооружением как нормальным мостом — ни настила, ни перил, упражнение не для слабонервных с высотобоязнью... Больше похоже на этикие сюрреалистические рельсы — понятие, вполне сочетаемое со словом «бронепоезд»...

Эти три ствола, перекинутые через бездонную расщелину, поддерживались чем-то вроде дугообразных ферм, на первый взгляд состоявших из таких же стволов, но потоньше, опять-таки словно бы цельных, красиво выгнутых неведомой силой и непонятно как скрепленных.

Всем им показывали снимки, чертежи, подробно объясняли, что к чему, но в *натуре* мост выглядел неизмеримо красивее и загадочнее. Безумно жаль было рушить это чудо, столь же диковинное, как и замок, — и рукотворное вроде бы, и в то же время неуловимо схожее с окружающей чашобой, словно было ее полноправной частицей, неотделимым фрагментом, веткой огромного дерева, листом кустарника... *Непонятность* окружающего мира давила на плечи Кирьянова, словно тяжесть моря на глубоко опустившегося водолаза. Прежде, во время прошлых операций, с ним никогда такого не случалось, даже в том загадочном пространстве, за которое они получили красивые высокие ордена...

Он не удивился бы, узнав, что остальные чувствуют то же самое — было что-то такое в их движениях, жестах, в том, как они озирались, шли, смотрели по сторонам... Впервые столь остро ощущалось, как это — оказаться чужаком в чужом мире.

Но не было времени над всем этим думать. Из кустов у самого края расщелины возникла невысокая щуплая фигурка в мешковатом комбинезоне и прилежно доложила голосом Жакенбаева:

— Полная порядка, однако. Тихо, никого не ходи. И паровоза не ходи. Моя не видела часовых.

— Направо, направо, налево, направо... — указывал Зорич пальцем.

Но они и так прекрасно помнили свой маневр. Разомкнулись на две тройки, разошлись по обе стороны моста, принялись разматывать веревки и привязывать один конец к подходящим деревьям, росшим у самой расщелины.

Штандарт-полковник не успокоился, пока не обошел всех, не проверил самолично прочность узлов. Потом только отдал тихую команду.

А сам остался наверху, единственным часовым. С одной стороны, самая непыльная в данной ситуации работенка. С другой же... Появись неведомые обитатели планеты в большом количестве, мало что мог бы сделать штандарт-полковник, вооруженный лишь тесаком из какого-то местного аналога железного дерева. Судя по всему, воевать *здешние* умели и предавались этому занятию с удовольствием...

Но не было другого варианта. Их оказалось ровно столько, сколько начальство посчитало нужным послать, и действовать они могли только так, а не иначе, и приказ есть приказ, хоть ты тресни...

Чуточку подбодрив себя этими незатейливыми, воистину *строевыми* мыслями, Кирьянов еще раз, чисто машинально, попробовал веревку, взялся за нее обеими руками, вздохнул и, повернувшись спиной к расщелине, стал спускаться — очень медленно, с оглядкой, упираясь ногами в отвесную почти стену, поросшую чем-то вроде густого плюща, осторожно пропуская меж пальцами некрупные узлы, завязанные через каждый метр. По обе стороны от него, близко, так, что рукой можно дотронуться, старательно спускались Кац и Жакенбаев, почти с той же скоростью.

Оказалось, в расщелине гораздо светлее, чем казалось сверху, — та сторона, противоположная, тонула в густой тени, а откос, вдоль которого повисли три веревки, как раз и был освещен метров на сто вниз, но все равно не видно дна. Рассуждая стратегически и тактически, выгоднее было бы подойти с той стороны, спускаться по темной круче, но, должно быть, у командования были свои, веские соображения. Вполне возможно, на той стороне полно патрулей и бивуаков. Очень может быть. Судя по тому, что обитатели замка на прогалине палят, ничуть не удивившись и не испытывая угрызений совести, по любой промелькнувшей в окрестностях тени, здесь то ли войнушка полыхает, то ли места эти чем-то сродни земному Дикому Западу с его вольностью нравов и полным отсутствием закона и порядка...

Носки мягких сапог задела дерево. Глянув вниз, под ноги, он убедился, что достиг цели. Для страховки обвязав веревку вокруг пояса, уселся верхом на толстое гладкое бревно в том месте, где выгнутый плавной дугой ствол соединялся и с вертикальным креплением, подпиравшим тройные «рельсы», и с горизонтальным столбом, упиравшимся в стену расщелины, закрепленным там в квадратной выемке, определенно сделанной конечностями разумных существ.

На совесть построено. Все продумано. Это искусственное сооружение, конечно... вот только как им *это* удалось? Казалось, что три соприкоснувшихся ошкуренных бревна словно бы неразрывно слиты, как ветки со стволом. Будто мост все-таки *вырастили*, а не сколотили из отдельных бревен. К тому же откуда взялись бревна *такой* длины?

Но прав был Кац, не стоило ломать над этим голову, ни легче от этого не станет, ни уютнее... Помянутый Кац уже всюю орудовал нехитрым набором инструментов, и Жакенбаев не отставал.

Быстренько перекинув заплечный мешок на грудь, Кирьянов извлек из него пузатую и вместительную глиняную бутыль, раскачав как следует деревянную затычку, выдернул ее и бросил вниз. Как ни прислушивался, не донеслось ни малейшего звука, свидетельствовавшего бы о том, что пробка достигла дна. Ну, разумеется, пропасть не бездонная, просто затычка маленькая и легкая...

Он видел, как по ту сторону моста работают Мухомор и Шибко. И сам принялся за дело. Сидя лицом к вертикальному столбу, осторожно наклонил бутыль, и из нее тяжелыми толчками стала выплескиваться белесоватая, словно бы слабо светившаяся в полумраке густая жидкость. Попадая на гладкую поверхность бревна, она вскипала шапкой мелких пузырьков, моментально всасывалась...

Осторожно придерживая бутыль одной рукой, свободной он достал тесак из петли на поясе, примерился, полоснул по облитому «кислотой» месту. Инструктор, конечно же, оказался прав — тесак словно шлепнул по негустому желе, вмиг образовалась широкая и глубокая канавка. Ну, не так уж сложно, не так все плохо...

Следующая порция загадочной жидкости пошла чуток не по назначению — из-за нелегкого движения часть ее выплеснулась на мешковатые штаны. Но, как и предупреждали, ничего страшного не произошло, разве что ткань намокла. И все равно, показалось, будто внутреннюю сторону бедра слабенько жжет. Это был чисто психологический выверт, самовнушение, и его не следовало принимать всерьез...

И он заработал, как автомат, — выплескивал «кислоту», рубил тесаком, ковырял получившееся желе расширенным острым концом диковинного мачете. Канава росла, ширилась и углублялась. Настал момент, когда бревно, на котором он восседал, словно на верховой лошади, явственно про-

село под его тяжестью, опустилось на каких-то полметра, но ощущение все равно было не из приятных. Так, теперь в том месте, где с «дугой» соединяется горизонтальная балка...

Он не сразу понял, что равномерное сотрясение всей громадной конструкции вовсе не чудится, что мост давненько уж потряхивает... А потом осознал причину.

И тут же с противоположной стороны моста послышался негромкий свист прапорщика. И тревожный вскрик Мухомора:

— Шевелись, кореша, «крокодил» ползет...

«Какой еще крокодил?» — удивился Кирьянов.

И тут до него дошло. Дугообразное бревно под ним, уже не соединенное с соседними, раскачивалось все ощутимее, мелкая безостановочная дрожь пронизывала тело, над головой нарастал, приближался громкий и равномерный то ли рокот, то ли рев...

Загадочный «бронепоезд» уже появился на мосту. Быть может, гораздо раньше своего неведомого расписания, даже наверняка...

Кирьянов разжал пальцы, и пустая бутылка, вторая по счету, последняя, канула в пропасть. Бросив перед собой быстрый взгляд, он лишний раз убедился, что все в порядке, задание выполнено, два «пропила» сделаны именно в тех точках, которые указывал на чертеже инструктор. А значит, имеет полное право уносить ноги...

— Рви когти, шантрапа! — уже почти во весь голос заорал Мухомор.

Видно было, как они с Шибко проворно карабкаются вверх с лихостью ошалевших обезьян. Бросив вниз бесполезный, ненужный более заплечный мешок, Кирьянов торопливо развязал узел на талии, схватился за веревку, подтянулся, полез вверх...

Совсем рядом тяжело колыхались, жутко скрипели, раскачивались исполинские бревна красав-

ца моста. Сзади и сверху надвигался глухой рокот, чем-то напоминавший фырчанье не маленького механизма, а в чем-то, наоборот, на него нисколько не похожий. Но не было времени над всем этим ломать голову...

Кац и Жакенбаев поднимались почти что ноздря в ноздрю с ним, подгоняемые, как и он, нерассуждающим, первобытным страхом. От этого глухого, могучего рокота, от хруста и скрежета громадных бревен в глубинах сознания просыпалось нечто настолько древнее, что для этого ужаса не было нормальных человеческих слов...

Обе ноги, которыми он упирался в плющ, соскользнули одновременно — подошвы, нажав как следует, размяли мясистые листья в скользкую кашу. Кириянов повис в нелепой позе, очередной узел больно вонзился в левое запястье. Но голова была уже вровень с мостом.

Он оглянулся в первобытной панике.

И запомнил увиденное на всю оставшуюся жизнь.

К тому берегу, куда он стремился, довольно быстро продвигалось *нечто* — продолговатое, длинное, обтекаемое, состоящее не менее чем из четырех сочлененных частей, похожих очертаниями на распиленные вдоль цистерны. Зрелище это стояло перед глазами всего несколько секунд, но в память врезалось, как печать в размягченный сургуч: узкие горизонтальные бойницы, из которых выбивается тусклый желтый свет, белые клубы то ли пара, то ли дыма, валяющие из сочленений четырех сегментов, вздутия на крышах, вроде черепаших панцирей, какие-то горизонтальные палки, торчащие из бортов, и снова это странное впечатление, будто видишь перед собой не просто очередной механизм, а что-то другое, часть этого мира...

Хрр-ру-у-у-у-xxx!

Разбойный посвист множества летящих с невероятной скоростью предметов обрушился на них, как порыв ветра, обдал... Плечо Кирьянова обожгло, словно струей кипятка, и он охнул, и, будто эхо, рядом прозвучал громкий болезненный крик, и кто-то рывком вздернул Кирьянова за шиворот, вытаскивая на берег, и он покорно дернулся, как кукла, спиной к откосу, лицом к мосту...

И успел еще увидеть, как мост сминается во всю свою длину, словно карточный домик, как проваливается под нешуточной тяжестью бронепоезда — медленно, жутко и нелепо, как с оглушительным треском кренится в своем гнезде горизонтальная балка, как буквально в полуметре от него, толкнув в лицо упругой волной воздуха, обрушивается тройной горизонтальный «рельс», по пути ударив, смяв, увлекши в бездонную пропасть Жаукенова, еще до того обвисшего на своей веревке, державшегося лишь одной рукой. Оглушительный тягучий скрежет на той стороне моста, и все проваливается в бездну — изящно выгнутые фермы и стойки, не соединенные более меж собой вагоны бронепоезда в клубах то ли дыма, то ли пара, и Жаукенов, и ни следа не остается, никакого моста, как не было, только короткие обломки торчат из вертикального откоса нелепо и жалко в слабом сиянии уже двух, а не трех лун...

Все тело было уже на берегу, только ноги ниже колен болтались над пропастью. От сильного рывка он пробороздил затылком землю, а потом и его пятки угнездились на твердой земле. Сознание отчего-то работало с невероятной четкостью, и он успел вполне трезво и холодно удивиться: как его сумел вытащить худой тщедушный Кац?

А потом далеко внизу, где-то в бездонном мраке, оглушительно ухнуло, прогрехотало дважды — бронепоезд достиг наконец дна. И ясно было, что

нет силы, способной спасти Жаукенова, что нет больше и самого Жаукенова...

Кирьянов не сразу сообразил, что короткий звериный стон был его собственным вскриком.

В чаще по ту сторону пропасти замелькали во множестве желтые тусклые огни, двигавшиеся хаотично и низко над землей, больше всего похожие на скопище факелов. И резкий голос штандарт-полковника ударил по нервам:

— Уходим, немедленно!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ

Кирьянов не смог бы дать точное определение своим чувствам, благо никто и не требовал. Никогда прежде ничего подобного испытывать не приходилось: конечно, пожарный, говоря устоявшимися штампами, человек мужественной и опасной профессии, что, между прочим, чистейшая правда, а как же иначе, коли имеешь дело с огнем, который следует утихомирить. Огонь — это, как ни крути, стихия, одна из классической четверки. Но тут совсем другое. Война, пусть и не похожая на войну. И однажды один из них с этой войны не вернулся. Ни особой дружбы, ни намека на близость меж ним и Жакенбаевым так и не сложилось, но это был свой.

На душе было одиноко, паршиво и больно. Тоска усугублялась оттого, что он, собственно-то говоря, так и представления не имел, за что погиб Жакенбаев. Наверняка за что-то большое, серьезное, чертовски важное и, очень может быть, возвышенное. Но знать бы, за что...

Умом он понимал, что все правильно, что иначе просто не бывает ни на Земле, ни в Галактике

за все тысячелетия длинной истории. Французский гренадер, какой-нибудь Анри из Пикардии, рассказывал о Бородинской битве наверняка иначе, нежели Наполеон Бонапарт, фельдмаршал Кутузов и даже какой-нибудь гвардии прапорщик, не важно которой армии. «Ну, это... Унтер Жорж нас поставил на горушке и велел с места не сходить, хоть тресни, а потом пушки поблизости загрохотали, и ка-ак понеслись на нас кавалеристы в черных киверах... Длинному Жаку сразу попало палашом по башке, не успел ни охнуть, ни маму помянуть, Пьера вмиг стоптал ихний передовой, а я спинушкой к дереву встал, штыком кое-как отмахался, они дальше пронеслись, а там наши прискакали, пошла рубка... Чего еще? А так оно и шло, то мы на них, то они на нас к вечеру, конечно, все притихло, а пожрать все ровно не привезли, только утром и удалось супцу похлебать...»

Он задумчиво смотрел на портрет Жакенбаева, час назад повешенный в вестибюле. Сразу было ясно, что это сделанная с живого фотография, но все равно казалось, будто неказистую физиономию косенького Жакенбаева, скучную и неприметную, посредством монтажа присоединили к парадному мундиру с золотым шитьем, аксельбантом сложного плетения и впечатляющим набором орденов.

Вот именно, ордена... Кроме регалий Содружества, на груди покойного Кириянов с превеликим изумлением узрел и золотую Звездочку Героя Соцтруда, и орден Ленина, и Трудовой Красный Штандарт, и «Знак Почета», и полдюжины медалей — а на правой стороне груди несколько смутно знакомых маленьких медалюшек, символизировавших то ли лауреатство, то ли высокие премии. «Нет, ну надо же, — подумал он с вялым удивлением. — Передовой чабан, что ли? Неслабый натюрморт...»

Он собрался было повернуть в сторону каминной, но, услышав тихое свиристенье киберов-уборщиков, направился назад. Дверь в квартиру Жакенбаева была распахнута настежь, и Кирьянов не смог побороть искушения...

Судя по всему, уборщики только-только заявили, не успели еще приступить к ударному труду, и все осталось в полной неприкосновенности. А там они и вовсе замерли, выжидательно помаргивая сиреневыми фасеточными глазками, узревши высшее существо, сиречь сапиенса, остановились в нелепых позах, чтобы, не дай бог, не помешать и не оказаться на дороге.

Чем дольше он осматривался, тем *страннее* ему становилось. Очень уж много книг здесь оказалось — многовато не только для знатного чабана из южных песков, но и для человека образованнее. Не будучи силен в иностранных языках, Кирьянов не мог прочесть даже заглавия. Впрочем, с теми фолиантами, что напечатаны по-русски, обстояло не лучше. Он понимал, что дело касается какой-то из точных наук, но в толк не мог взять, о математике идет речь, о физике или астрономии. Топологические развертки структур, ассоциативные ряды причинных континуумов... Наугад полистав первый подвернувшийся под руку том, он увидел формулы, графики, россыпь непонятной цифири, но и тут не понял, о которой науке следует думать. Гораздо интереснее другое: автором парочки заумных трудов значился по-русски К. Л. Жакенбаев, и определенно та же самая фамилия была изображена на полудюжине корешков доподлинной латиницей.

Потом он увидел фотографии на стене. Среди высоких, представительных, осанистых господ в черных мантиях и четырехугольных беретах стоял одетый точно так же Жакенбаев, ничуть не казавшийся смущенным или растерянным — видно

было, что он осознает себя на своем месте, на равной ноге с этими осанистыми и седовласыми...

— Так какого же черта? — вырвалось у него вслух. — «Моя-твоя не понимай...» Мать твою...

Кибер-уборщики выжидательно помаргивали сиреневыми буркалами, ожидая, когда высшее существо соизволит убраться к чертовой матери. Глупо было оставаться здесь далее, глупо было пытаться понять с разлету чужую жизнь и судьбу, оказавшуюся в сто раз сложнее, чем все это время представлялось, и Кирьянов, растерянно что-то пробормотав ближайшему киберу, вышел в коридор, почти выбежал, спасаясь от загадок и сложностей...

С первого взгляда было ясно, что он изрядно припоздал, и в каминной успели уже как следует принять. Кирьянов потихонечку присел к краешку отодвинутого к стене стола, рядом со Стрекаловым — уже тепленьким, судя на красному набрякшему лицу и остановившемся взгляду. Стрекалов без лишних слов тут же набулькал ему в чистый фужер добрую дозу коньяка, и Кирьянов хватил его, как воду, не ощутив ни жжения в глотке, ни ожога в желудке. Перед глазами у него вновь встала на миг темная стена пропасти, бездна неизвестной глубины, оседавшая вниз исполинская ферма моста. До него только сейчас дошло во всей полноте, что его самого лишь чудом не утянуло следом, и все тело прошибла запоздалая судорога. Стрекалов проворно налил ему еще полный фужер, Кирьянов и это оприходовал одним махом.

И, откинувшись к стене, уставился на зрелище, какого не доводилось видеть за все время галактической службы...

Посреди каминной, на невеликом свободном пространстве, неспешно и замедленно отбивал цыганочку штандарт-полковник Зорич — перебирая ногами в начищенных сапогах, заложив руки

за спину, с застывшим лицом, делавшим его сегодня еще более похожим на мраморный бюст Бонапартия. Мало того, он еще и подпевал сам себе, не особенно и мелодично, но с чувством:

Таял синий берег Крыма
среди дыма и огня,
я с кормы, все время мимо,
в своего стрелял коня...
Мой денщик стрелял не мимо,
покраснела тут вода,
этот синий берег Крыма
я запомнил навсегда...

В нем было что-то от робота, вдруг неожиданно-негаданно получившего приказ плясать — а может, так только казалось, это впервые на памяти Кирьянова замкнутый и вечно невозмутимый начальник держал себя как простой человек, обычно-то он выпивал пару бокалов и исчезал как-то незаметно, блюдя дистанцию...

В тишине деревянно стучали каблуки начищенных до зеркального блеска сапог штандарт-полковника, а рядом с ним в том же замедленном ритме, пытаясь соответствовать, приплясывал низенький грустный Кац, с каким-то отчаянием в лице распевая во всю глотку:

Идет Янкель, нос вперед,
бегут куры в огород,
подай ты мне, милая,
свою ручку белую!

Кирьянов во все глаза смотрел на штандарт-полковника. С Абрамом Соломоновичем все обстояло гораздо проще, на груди у него красовались исключительно регалии Содружества, а вот с отцом-командиром обернулось не в пример интереснее: кроме галактических орденов, на груди у него звякали то мелодично, то не очень кресты и медали, которые Кирьянов смутно помнил по ис-

торическим фильмам, но не знал их названий: алый крест с золотыми орлами меж лучей и мечами, другой, такой же алый, тоже с мечами, но без орлов, и еще один, белый, на черно-желтой полосатой ленте, и серебряные медали с профилем последнего императора всероссийского, и еще какой-то венок словно бы из колючей проволоки, пересеченный мечом...

Только когда штандарт-полковник перестал плясать и сел в противоположном конце стола, Кирьянов вспомнил, что белый крест — это вроде бы и есть офицерский Георгий. И потянулся к бутылке, твердо решив не насилловать мозги поисками каких бы то ни было ответов на какие бы то ни было вопросы...

Так легче было жить. Он и не собирался гадать, что за орден висит на груди у Митрофаньча меж Лениным и Октябрьской Революцией, — ясно, что тоже советский, судя по золотому серпу и молоту, но никогда не виданный прежде ни на одной картинке: восьмиугольный, золотое созвездие на черно-синем поле, и буквы СССР, и непонятный — отсюда не прочитав — девиз... Он и не собирался гадать, что за медаль висит на груди Трофима меж галактических. Ему просто хотелось надраться до чертиков и забыть обо всем на свете...

А потом на середину вышел прапорщик Шибко, при полном параде. Он ударил каблуком о каблук и поплыл в том же замедленном ритме, отбивая чечетку, взмахивая руками то рубяще, то плавно, с отрешенным лицом выпевая в такт:

Vor der Kaserne
vor dem grossen Tor
stand eine Laterne,
und steht sie noch davor...

Четко притопывая, словно гвозди забивая, он пересек все свободное пространство из конца в ко-

нец, развернулся и двинулся назад, звучно шлепая ладонью по каблуку, продолжая уже по-русски:

Около казармы, у больших ворот,
там, где мы прощались, прошел уж целый год...
Если я в окопе от пули не умру,
если русский снайпер мне не сделает дыру,
если я сам не сдамся в плен —
то будем вновь
крутить любовь
под фонарем
с тобой вдвоем,
моя Лили Марлен...

И на груди у него чернел Железный крест со свастикой посередке, на красной ленте с белой и черной каемкой, и рядом висела темная медаль на похожей ленточке, а пониже красовались несколько знаков — проткнутый ножом клубок змей, и венок, пересеченный винтовкой с примкнутым штыком, и большой эдельвейс в круге, и еще какой-то с мечами с каской...

Ни на чьем лице Кирьянов не увидел и тени удивления — очевидно, зрелище не в новинку. Он перехватил взгляд Митрофаныча из угла — не удивленный, нет, просто застывший, тяжелый, немигающий и, пожалуй что, хищный...

Лупят ураганным — боже, помоги!
Я отдам Иванам и шлем, и сапоги...

И тут Митрофаныч вскочил. Выбрался на середину, поместился напротив отбивавшего чечетку прапорщика, притопнул и заорал, явно пытаясь перекричать:

Так пусть же Красная
сжимает властно
свой штык мозолистой рукой!
И все должны мы
неудержимо...

Резкий, drobный стук столовым ножом по бокалу заставил обоих остановиться и умолкнуть. Стучал штандарт-полковник — с прежним невозмутимым лицом, размеренно и звучно.

Все прекратилось, не начавшись толком, оба плясуна вернулись на свои места. Звенели горлышки бутылок о края бокалов, и, если не считать этих звуков, стояла угрюмая тишина.

— Как это... — тихонько проговорил Кирьянов, поймав взгляд Стрекалова.

— А так и обстоит, — сказал тот, пожимая плечами. — Структура, моншер, пора привыкать... На то она и Структура. Всерьез это все, всерьез, никаких таких маскарадов, кто бы стал... Порядки тут, сам знаешь, либеральные. Разрешается носить все регалии, заслуженные в прошлой жизни, поскольку пред ликом Структуры все эти прошлые жизни, собственно, ничего и не значат вообще... Все равно ничего этого нет.

— Чего?

— А ничего, — сказал Стрекалов, склонившись к нему совсем близко. — Ни прошлой жизни, ни истории. Ты разве еще не понял, курсант? Ну о какой такой истории можно всерьез говорить? Если вся так называемая история земного человечества на самом деле — история взаимоотношений со Структурой. История казусов и инцидентов, то трагических, то комических, возникших, когда по той или иной причине случались *прорывы*, утечки информации, непредусмотренные контакты и непредвиденные коллизии. История отчаянных попыток срочно все исправить, насколько возможно... — Он ловко наполнил бокалы и осушил свой, не дожидаясь Кирьянова. — Вам, *пожарным*, чуточку полегче, а мы, в четвертом управлении, хрононавты хреновы, времяпроходцы долбанные, насмотрелись... Ты понимаешь, Структура не всемогуща, а Вселенная

адски *сложна*. Вот и случается иногда такое... Вроде той истории в четырнадцатом веке, когда неожиданно для всех, из-за какого-то паршивого гравитационного циклона, сопрягшегося, надо же такому случиться, со вспышкой квазара где-то возле Толимака, лопнули континуумы, грянул фрактальный прокол... Короче говоря, открылось сразу несколько проходов в *сопряженку*, и все эти вилланы с бондами, крепостные с городской мастеровщиной, бродяги лесные и младшие сыновья рыцарские радостно кинулись скопом на неведомые земли. Справедливо рассудили, черти: хотя проходы и являют собой нечто предельно удивительное и заставляющее о кознях нечистой силы вспомнить, но хуже, очень может оказаться, и не будет, так и так на баронских полях горбатиться или в наемники запродаваться чужому герцогу... — Он махнул рукой, едва не сшибив бутылку. — И как поперли, как поперли... И поздно что-то менять. И весь поток времени вот-вот превратится из гладкой *состоявшейся* реки в нечто невообразимое. Ну, мы же не зря хлеб трескаем с черной икоркой. Мы — четвертое управление, галактическая академия хроноса... Лучшие умы сотни планет плюс лучший спецназ, с половины Галактики собранный как из *текущих* времен, так и из прошлых веков надерганный, как редиска с грядки. Справились. Мы да не справимся, как же. Залатали, заштопали, пресекли и заперли. Правда, пришлось выдумывать эту знаменитую чуму четырнадцатого века, черную смерть — нужно же было создать для будущих поколений убедительное объяснение того факта, что вся Европа чуть ли не наполовину обезлюдела. Ничего, сошло, схавали... Мы ж там бомбы рванули с ослабленными вирусами, чтобы народец помаялся недельку легкой хворью, мы там кукол, то бишь биоманекенов, сотнями наброса-

ли, самым натуральным образом смердящих и гниющих... Летописей им в архивы понапихали с достоверными картинами Великой Чумы, респектабельными людьми написанными...

— Шутишь? — без выражения спросил Кирьянов.

— А ни хрена, — сказал Стрекалов без улыбки, с трезвыми холодными глазами на пьяном *плывущем* лице. — Мы ж четвертое управление, понимать надо. Какие там шутки... Это Структура, парень, пора понять. Надо бы тебе за книжками посидеть, не все ж водочку сосать. Тогда и узнаешь, почему Бонапартий попер на Россию. Да исключительно оттого, что *ворота* из-за каких-то там флюктуаций стали перемещаться по Европе, дрейфовать с запада на восток, поплыли, как лист по ручейку. А Бонапартию ж адски хотелось прорваться со своими орлами в сопряженку, погулять по иным мирам. С фантазией был мужик, что ни говори, кровь горячая, корсиканская, никак не мог взять в толк, что ему туда нельзя — во что превратится Вселенная и ход истории, если каждый, кому взбредет в голову, будет шляться по сопряженным мирам... А нам — изволь останавливай. И мало того, смотри еще в оба, чтобы кутузовские мальчишки не поняли, в чем секрет: дрейфующие ворота — штука приметная, того и гляди, кто наткнется и не убежит с визгом, а осваивать попытается. Благо кое-какая наука уже имеет место быть. Как тогда, в декабре. До сих пор ни одна живая душа не в состоянии понять, как получилось, что Паша Пестель пронюхал о *тропинках*. И вознамерился строить новое общество в иных мирах. Ну, тут было попроще. Государь Николай Павлович так до конца жизни и не разобрался, чем параллельные миры отличаются от иных планет, хотя и добросовестно пытался, зато у него в крови и плоти сидели здоровые кон-

сервативные инстинкты, так что его особо и подзуживать не пришлось: самостоятельно почти додумался шарахнуть картечью по этим звездопроходцам, что у Медного всадника митинговали... А взять хотя бы Кортеса и взятие Мехико? А Первую мировую? А чертова гения Дизеля, которого ловили по всей Европе в такой спешке, что не успели даже при *изъятии* манекен подсунуть? Эх, Степаныч... Право слово, переходи к нам, только у нас все неподдельное — настоящая история, доподлинная подоплека, а не тот ворох дезы и брехни, который тебе что в школе, что в институте в голову вбивали со всем усердием... Пора *проникаться* сложностью и величием Структуры, кадет, точно тебе говорю. Ты ведь, душа моя, пока что топчешься на нижней ступенечке. А Структура, скажу тебе по секрету, что Невский проспект у великого классика — здесь все не то, чем кажется: иллюзия, театр, учебка, мираж... Вот его хотя бы взять. — Он панибратски хлопнул по плечу примостившегося рядом Каца. — Абрам Соломонович!

— Аюшки?

— Ну вы же никакой не Кац, правда? — произнес Стрекалов с пьяной настойчивостью. — Вы — образ, фикция, маска. Не могут же так звать живого человека — не просто Кац, а еще и Абрам Соломонович. Перебор, двадцать два, туз к одиннадцати.

— Ну отчего же? — кротко возразил Кац. — Скажу вам по секрету, среди евреев можно встретить не только Абрама Соломоновича, но и даже Соломона Абрамовича. Или Шлему Исааковича. Или там, скажем, Моше Давидовича Рабиновича. Вот кого вы никогда не встретите, так это Абрама Абрамовича или Соломона Соломоновича. У евреев, знаете ли, категорически не принято называть ребенка по отцу.

— Вот я и говорю — маска, — сказал Стрекалов. — Поверхностная информация, почерпнутая из легкодоступных источников, а то и вообще из беллетристики — Шолом Алейхем там, Мойхер-Сфорцим... Вершки. А на самом деле вы, друже, никакой не Кац вовсе, а доподлинный Шалва Луарсабович Кацуридзе из солнечного Рустави. Антропологический тип соответствует. А то и того похлеще: даже не Кацуридзе вы, а совсем даже Мыкола Панасович Кацуба, классический хохол из казачьих областей, отсюда и чернявость в волосе, и горбоносость в носе, и все прочее...

— Между прочим, я обрезанный, — сказал Кац с некоторой обидой. — Не хотелось бы устраивать демонстрацию на публике, но коли уж вы так настаиваете, Антоша, можете иметь сомнительное удовольствие в этом убедиться, проследовав за мной в уединенное место.

— Тоже мне, доказательство! — громко фыркнул Стрекалов. — При нынешних-то достижениях хирургии! Не-ет, вы мне этим в нос не тычьте... Ни в прямом, ни в переносном смысле. Дайте скальпель, литр спирта и огурчик — и я таких, с позволения сказать, иудеев из всего здешнего персонала настряпаю. Если только догнать удастся... Нет уж, голуба вы моя, Кацуридзе вы этакий, Мыкола Луарсабович, вы мне изложите что-нибудь такое еврейское, такое... Особо сложное, ветхозаветное и специфическое...

— Интересно, как вы таковое опознаете? — пожал плечами Кац. — Как отличите от придуманной на ходу брехни?

— Ну... Внутренним чутьем.

— Не получится, — с сожалением сказал Кац. — Я, знаете ли, из так называемых ассимилянтов, в традициях и специфике слаб...

— Вот я и говорю: подстава, маска, ряженный...

— А зачем?

— А черт его знает, — сказал Стрекалов, явно пошатываясь в сидячем положении. — Здесь все не то, чем кажется. Психологические тесты, инсценировки и прочие искусственно созданные ситуации, предназначенные для изучения и воспитания молодого перспективного кадра. Вот его, например. — Он с размаху обрушил руку на плечо Кирьянову, заставив того поморщиться. — Театр-с...

— Глупости, — сказал Кац.

— Ну да? — с классической пьяной настойчивостью не унимался Стрекалов. — А что, в нашем деле не существует ни потаенных психологических тестов, ни инсценировок, ни этих самых искусственно созданных ситуаций? Так-таки и не существует?

— Ну отчего же... Иногда, согласен. Структура — вещь сложная, и порой воспитание молодого перспективного кадра в самом деле требует кое-чего из перечисленного. Но зачем же обобщать? Хоть вы тресните, а я — самый натуральный Кац. Соломонистее не бывает. Абрамистее — возможно.

— Степаныч, — в полный голос обратился к Кирьянову Стрекалов. — Ты его не слушай. Опять вывернулся. А я тебе точно говорю, что ничему нельзя верить. Все не то, чем кажется... Взять хотя бы инквизицию или англо-бурскую войну — уж мы-то знаем, как на самом деле обстояло, отчего и почему...

— Хорошая логика, — сказал Кац, тяжело вздыхая. — Потому что, если ей следовать, то не Антон вы, друг мой, и не Стрекалов, и не землянин вовсе — так, одна видимость...

— Уел, — печально сказал Стрекалов. — Довел до абсурда. Но все равно, Степаныч, — вокруг нас театр, верно тебе говорю. Если не всецело, то значительной частью.

— Костя, чтоб вы знали... — сказал Кац уныло. — Это случается с ребятами из четвертого управления. Профессиональная болезнь хронотехнологов. Слишком часто они болтаются по разнообразнейшим временам, слишком часто сталкиваются с вопиющим раздвоением истории на публичную, общеизвестную и *закрытую*, настоящую. Отсюда все экстраполяции и доведение до абсурда.

— Подождите, — сказал Кирьянов так, словно Стрекалова рядом и не было. — Так он не врал насчет «черной смерти»?

— В одном он твердо прав, — сказал Кац. — Вам, Костя, нужно поглубже окунуться в библиотечные бездны, коими вы пока что манкируете и пренебрегаете. Зря.

— Читать надо больше, а по бабам шлаться меньше, — проворчал Стрекалов, по примеру иных пьяниц моментально переходя от оживления к меланхолической апатии. — Кого он там закадрил, не знаю, но голову даю на отсечение, что бегаёт на свиданки к старому корпусу. Как ни встретишь, идет и жмурится, словно сытый кот...

— Не ябедничайте, Антоша, — покривился Кац.

— Я ж не начальству ябедничаю, а так, среди своих... Это уже не ябеда получается, а сплетня. Ежели...

— Антоша, — тихонько сказал Кац. — У нас все-таки поминки...

— Ну, тогда выпьем?

— Таки выпьем. И...

Он вздрогнул и замолчал. Но ничего страшного не случилось — это Раечка, подперев кулаком щеку и тоскливо глядя вдаль, заголосила с той пронзительной русской истовостью, что вызывает у слушателей мурашки вдоль спины и ощущение легкой невесомости:

Суженый мой, ряженный,
мне судьбой предсказанный,
без тебя мне белый свет не мил.
Суженый мой, суженый,
голос твой простуженный
сердце навсегда заморозил...

Песня, возможно, и не вполне подходила к поминкам по офицеру галактической службы, погибшему при исполнении служебных обязанностей, но голос этой простецкой русской бабы был таким высоким, чистым и тоскливым, что все замолчали. Бросив вокруг беглый взгляд, Кирьянов увидел одинаковое выражение на лицах — сосредоточенную тоску, отрешенную печаль. Даже безмозглый Чубурах, по своему всегдашнему обыкновению примостившийся на каминной доске с кучкой апельсинов под боком и дымящейся сигаретой в лапе, примолк и насупился так, будто что-то понимал.

Потом дверь тихонечко приоткрылась, и в щелке замаячила озабоченная физиономия — кто-то из техников, узнал Кирьянов. Штандарт-полковник встал и на цыпочках пошел к двери.

Назад он прошагал значительно быстрее, громко ступая, с озабоченным лицом. Остановившись посреди комнаты, властно поднял ладонь, обрывая песню:

— Офицеры, внимание! Общий сбор, боевая тревога!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КАК СВОДЯТ СЧЕТЫ В ГАЛАКТИКЕ

Равнина горела в обе стороны, насколько хватало взгляда, должно быть, случайные неизбежные искры подожгли сухую траву, но на это не сле-

довало обращать внимания, кто-то другой потом все потушит, а им следует работать, как работали... И Кирьянов преспокойно послал машину сквозь полосу черного дыма, стоявшую до самых небес, на миг окунулся в непроницаемый мрак, тут же вырвался под яркое солнце, на ту сторону, сбросил скорость, чуть снизился, понесся над необозримой и унылой серо-желтой саванной, где справа и слева, впереди и по сторонам разгорались новые костерки. «Напакостили, а, — мельком подумал он без всякого раскаяния. — Ну да пусть у начальства голова болит, а наше дело незатейливое...»

Детектор мякнул, уже знакомо, испустил длинную переливчатую трель, на приборной доске зажегся красный огонек и тут же превратился в красную стрелку, указывающую прямехонько на...

Вряд ли тут уместно определение «дичь». Скажем казеннее — «подлежащий объект», чтобы не употреблять чересчур уж военного понятия «цель». Хотя это именно цель и дичь, что уж там деликатничать...

Кирьянов заложил лихой вираж, бросил машину в бреющий полет. Белоснежный, зеркально-сверкающий аппарат, похожий на наконечник копья, несся теперь над саванной совсем низко, метрах на десяти, не выше. Легкими движениями пальцев левой руки Кирьянов гасил скорость до минимальной, держа правую на алой рифленной клавише.

Они вымахнули из невысоких густых зарослей и понеслись по равнине, стелясь над землей в заполошном беге — три длинных, иссиня-черных тела, покрытых коротким жестким мехом. Кажется, у них были широкие висячие уши и хвосты вроде помпонов. Кирьянов особенно не приглядывался. Совершенно не было нужды присматриваться к этим дьявольски проворным существам, не стоило ломать голову над тем, почему их тре-

буется перебить всех до одного, чтобы и следа от них не осталось на равнине, огромном пространстве меж океаном на востоке и горной грядой на западе. Не наше дело, как говорится, родина велела... Быть может, это аналог прожорливых кроликов, расплодившихся настолько, что стали угрожать всей системе биоценоза. Быть может, нечто вроде зловредных вирусов. Или переносчиков бешенства. Какая разница?

Троица угодила в сиреневый круг прицела, и Кирьянов нажал клавишу двумя пальцами. Машина едва заметно содрогнулась, сотряслась, излучатели по обоим бортам выбросили снопики фиолетового огня — змеистые, похожие на молнии, они вмиг достигли земли, накрыли мохнатых тварей, взлетели вороха ослепительно-желтых искр вперемешку с взрыхленной серой землей, и на том месте, где только что наметом неслись, спасаясь от смерти, неведомые существа, осталась лишь обширная проплешина и по ее окружности дымилась трава...

Кирьянов выполнил великолепную «горку», одним махом взлетев метров на триста. Пошел над саванной, рыская вправо-влево, словно вынюхивающая след гончая. Детектор молчал. К исходу третьего дня тварей становилось все меньше и меньше, как бы эти уже не последние. Три дня пылала трава и носились похожие на наконечники копий машины, выплевывая неотвратимую смерть, три дня канадская бригада с помощью каких-то там аппаратов выгоняла тварей из нор у подножия хребта, а на равнине их встречали орлы штандарт-полковника. Это была полная и всеобщая мобилизация — запрягли и шофера Васю, и Митрофаныха, даже пару техников, свободных от дежурств, усадили в кабины, не говоря уж о самом Зориче.

Описав большую дугу, Кирьянов откровенно зевнул. Должно быть, он уже *вжился* в новую ре-

альность — не было ни малейшего интереса к происходящему, все осточертело за три дня, саванна опостылела, твари надоели, стрелять надоело, хотелось вернуться на базу, жажнуть добрый стакан и отправиться на берег, в беседку, к Тае, обрести полное отдохновение души и тела...

Справа его обогнал на приличной скорости однотипный аппарат, зеркально сверкающий накопчик копья, сбросил скорость, поравнялся, и прапорщик Шибко помахал рукой. Кирьянов нейтрально кивнул. После известных открытий он совершенно не представлял, как ему с прапорщиком держаться. Одно дело — узнать от центрального информатория, что в подразделениях Структуры служит масса народа, выдернутого из самых разных исторических периодов за пару часов до неизбежной смерти в таковых, причем народ этот сплошь и рядом воевал не за самые светлые идеалы не на самой правильной стороне, но что поделать, если по своим деловым качествам, складу характера и прочим параметрам именно он идеально подходит для работы во благо Галактического Содружества. И совсем другое — нос к носу столкнуться с таким вот субъектом, преспокойно бряцающим железками со свастикой и вовсе не намеренным посыпать главу пеплом оттого, что дело, которому он служил, оказалось исторически порочным и осужденным всей прогрессивной галактической общественностью... Он не испытывал особых эмоций — просто не знал, как ему держаться...

Третий аппарат, белоснежный и сверкающий, что твой архангел Божий, свалился из безоблачного неба в крутом вираже, выполнил классическую «мертвую петлю» и развернулся к ним острым носом...

Все произошло на глазах Кирьянова, молниеносно и неожиданно, так что он едва успел бро-

сильно машину в сторону. Новоприбывший открыл огонь с близкой дистанции, и вместо привычных пучков фиолетовых молний из его бортовых пушек ударили синие дымные лучи, ослепительные, оглушительно трещащие, уперлись в аппарат Шибко, и тот, словно получив мощнейший удар огромным невидимым кулаком, бессильно дернулся, задрал нос, вмиг став из белоснежного опаленным, черным, провалился вниз, а вслед за ним и атакующий, будто налетев на невидимую стену, затормозил в воздухе так, что Кирьянову невольно почудился оглушительный лязг-дребезг-хруст (а то и не почудился, право!), и в следующий миг отвесно скользнул к земле, словно выброшенный из окна утюг...

В полной растерянности Кирьянов сначала проскочил по инерции мимо. Опомнившись, развернул машину, снизился, вошел в отчаянное пикирование, приземлился, практически упал в высокую траву, ломая верхушки жесткого корявого кустарника, рядом с двумя подбитыми машинами, лежащими на сухой земле почти что бок о бок, в паре метров друг от друга.

Откинув назад прозрачный колпак, выскочил. Но прапорщик Шибко опередил — он уже стоял на земле рядом со своим обгоревшим истребителем, крутя головой в некотором обалдении, пытаясь вернуть себя к реальности.

Внутри кабины атаковавшего ничего не удалось рассмотреть — ее напрочь заволочло густым сизым дымом, от машины за версту воняло горелой пластмассой и еще чем-то схожим, чад паленой синтетики забивал горло, но Кирьянов все равно кинулся вслед за прапорщиком. Тот, отвернув лицо и жутко перхая от хлынувшего наружу дыма, уже вытаскивал за шиворот кого-то безвольно обвисшего, перевалил через борт, поволок в сторону. Кирьянов наконец добежал, помог,

тоже отчаянно кашляя. Вдвоем они оттащили Митрофаныха подальше, опустили на траву. Оружейник пошевелился, перевернулся на живот и, упираясь ладонями в землю, принялся ожесточенно блевать, кашляя, содрагаясь всем телом. Хорошо еще, ветерок относил вонь горелой пластмассы в другую сторону...

Прапорщик Шибко двумя пальцами вытянул из нагрудного кармана пачку сигарет. Дышал он почти нормально, и лицо казалось почти спокойным, но руки все же подрагивали, и губы кривились.

— Нутром чувствовал, право слово, — наконец выговорил он, двумя пальцами поддерживая в углу рта зажженную сигарету, глядя куда-то сквозь Кирьянова прозрачными синими глазами. — Давно к тому шло, но тогда в каминной глазыньки у него стали *дозревшими*... — Он произнес длинную затейливую фразу на неизвестном Кирьянову языке, судя по интонации, определенно матерную. — Кулибин, мать его, Левша доморощенный, народный умелец, гений-золотые руки... Это ж уму непостижимо, Расскажи кому — не поверят. В жизни бы не подумал, что можно кустарным образом, чуть ли не голыми руками переделать излучатели на *убойный* залп... На один-единственный, правда, вон как все замкнуло-коротнуло, но все равно, уважаю... Ум-мелец, чтоб тебя!

Оружейник, все еще дергаясь в последних приступах рвоты, сдавленным голосом отозвался:

— Все равно урою, сука власовская, еще не вечер...

— Остынь, хрен старый, — сказал Шибко почти спокойно. — Ишь... Ярость благородная вскипает, как волна... Я бы еще понял, сокол, будь ты фронтовичком, но ты ж всю жизнь проторчал в тылах, и не просто в тылах, а в галактических...

— Куда родина поставила, там и торчал! — прохрипел Митрофаныч, тщетно пытаясь подняться на ноги. Хриплый кашель гнул его к земле. — И торчал, промежду прочим, в *наших* тылах, на своей стороне!

— Ну, предположим, я тоже болтался не на чужой передовой, а на самой что ни на есть своей, — произнес Шибко совсем бесстрастно. — Это ведь как посмотреть...

— Все равно урою, власовская морда, — уже другим тоном, безнадежным и вялым, пообещал Митрофаныч, кое-как усевшись и упираясь в землю кулаками. — Ур-рою...

— Ох, не уроешь, старина, — сказал Шибко, тускло улыбнувшись. — В себя придешь, вспомнишь про уставы, регламенты и правила, прикинешь на трезвую голову... Охолонешь.

— Хрен тебе, — отозвался Митрофаныч без особой убежденности.

— Охолонешь, — уверенно заключил Шибко. — Черти б тебя взяли, народного мстителя, теперь изволь голову ломать, как все это замазать. Ну да ладно, что-нибудь придумаем... — Он уставился на Кириянова, словно впервые обнаружив его присутствие, криво улыбнулся: — Степаныч нас не выдаст, ага? К чему трести грязным бельем на публике?..

— Я не стукач, — сердито сказал Кириянов. — Только как вы собираетесь замазать...

— Не первый год на свете живем, — уверенно сказал Шибко. — Сочиним убедительную бумагу: мол, по неизвестным причинам бортовые излучатели совершенно самостоятельно и непроизвольно вместо обычного режима сработали непонятным образом в неподобающем диапазоне... Если изложить толково и направить бумагу умеючи, все будет в ажуре: полностью исключив человеческий фактор, создадут, как водится, ко-

миссию из бюрократов и ученых мужей, те и другие везде одинаковы, что на Земле, что в Галактике... Поставят кучу экспериментов, моделируя здешние условия, будут грешить на флуктуации звезды, гравитационную постоянную, пояса ионизирующего излучения, выдвинут несколько взаимоисключающих гипотез, и каждая группа будет сражаться за свою так долго и яростно, что о самом предмете спора постепенно забудут насовсем...

— Seriously? Все же — Галактика...

— Ну и что? — пожал плечами Шибко. — Подумаешь, цаца какая... Бывали прецеденты. Нет, все сойдет с рук, если грамотно отписаться. Кулибин, мать его...

На них упала небольшая тень и тут же ушла в сторону — это приземлилась рядом еще одна машина, оттуда проворно выскочил Кац, мгновенно оценил обстановку и грустно сказал:

— Как дети малые, честное слово. Ни на минуту нельзя оставить. Обязательно нужно сводить счета прямо на задании, а мирить их должен Кац по всегдашней жидомасонской привычке... Что вы смотрите, *товарищ* командир? Нужно же обследовать...

— Ничего, оклемается, — шурясь, сказал Шибко. — Старые кадры — народ живучий...

Отмахнувшись, Кац снял с пояса блестящий цилиндрик аптечки-анализатора, присел на корточки возле Митрофаныча и попытался приложить к его виску моментально выдвинувшийся блестящий шупик диагноста, увенчанный чем-то вроде зеленого фасеточного глаза стрекозы. Митрофаныч сумрачно отпихнул его руку и задушевно спросил:

— Соломоныч, у тебя спирт есть? Вместо этой пакости...

— Ну разумеется, — сказал Кац, извлекая из набедренного кармана пузатую фляжку. — Как

же без спирта, среди вас находясь? Приличный жидомасон просто обязан вас спаивать во исполнение тайных зловещих планов... Коньяк сойдет?

— А то, — сказал Митрофаныч, самую чуточку повеселев, надолго присосался к горлышку. Кац заботливо сидел возле него на корточках, задумчиво и печально качая головой.

Прапорщик Шибко отрешенно курил, все так же шурясь на солнце. Странно, но воцарилось нечто вроде умиротворенности и покоя, от аппарата Митрофаныча все еще пронзительно воняло жженной пластмассой, ветерок колыхал кусты, и вдали черный дым поднимался до самого неба, до пресловутой хрустальной тверди.

— Насчет власовца наш ветеран изрядно преувеличил, — сказал Шибко, косясь на Кирьянова словно бы испытующе. — Никогда не был ни власовцем, ни нацистом. Первые — тупое быдло, вторые... а, в общем, тоже. Эта их теория крови и национальной исключительности...

— А ты у нас ангелочек... — сварливо протянул Митрофаныч.

— Ничего подобного, — сказал Шибко, обращаясь не к нему, а опять-таки к Кирьянову. — Не ангел и не дьявол. Обыкновенный шарфюрер СС. Ваффен СС. Если тебе это интересно, Степаныч, ни евреев, ни славян я в печах не жег. Иначе никто бы меня не поставил в одну группу с Кацем. Есть строгие правила: не перемешивать, скажем, буденновцев с деникинцами, гестаповцев с евреями, гугенотов с лигистами, суннитов с шиитами, и тэ дэ, и тэ пэ... В печах жгли *черные*. А мы — зеленые СС. Мы воевали.

— Ага, — сказал Кирьянов рассеянно. — И у вас, конечно же, сложный и запутанный жизненный путь, выбранный под давлением непростых обстоятельств, а?

— Да ни хрена подобного, — сказал Шибко, безмятежно шурясь, задрав лицо к солнцу. — Понимаешь ли, я, говоря шершавым языком былой пропаганды, — затаившийся враг Советской власти. Из бывших, ага. История стандартная — все, что имели, потеряли, все из родни, кому не повезло, сгинули в ЧК, а немногие уцелевшие, вроде моего отца, затаились, замаскировались, пролетариями прикинулись... Но ничего не забыли — а вот научились многому. Видел бы ты меня, Степаныч... Образцовый пионер, комсомолец, организатор, зачинатель, маяк, ворошиловский стрелок, готовый к противохимической обороне, двух врагов народа в лице педагогов лично разоблачил и удостоился письменной благодарности... А наряду с тем меня, едва вошел в сознательный возраст, всегда учили, что настанет пора, когда можно будет открыто и невозбранно резать красных. И в июне сорок первого пришла-таки эта самая пора. Когда эшелон разбомбили, оценил я обстановку и поспешил прямым ходом на запад, навстречу гудериановцам. Ну, наткнулся на дозор, поднял руки и на отличном немецком растолковал, что к чему и каковы мои намерения. Ну, меня быстренько зачислили в ряды. В июне сорок первого это делалось просто — «добровольный помощник», потом полноправный солдат... Ради юридической точности следует упомянуть, что советскую присягу принести не успел — нас везли в штатском, необмундированных, ведать не ведая, что тот сборный пункт уже давно под вермахтом... Присяга у меня одна, вермахтовская, по всем правилам. Зимняя кампания под Москвой, то-се... В сорок втором занесло на Балканы, а там как раз формировали добровольческую горнострелковую. Дивизия СС «Принц Евгений», не слышал? Прихватили и меня: как

же, зимняя кампания, немецкая кровь, Железный крест, кое-какой альпинистский опыт... И три года мы на Балканах гоняли партизан. Между прочим, это мы чуть-чуть не сцапали однажды самого Тито со всем штабом, только бежать он умел быстрее лани, так что не получилось, к сожалению... В общем, это были те же красные...

— А деревни кто жег? — громко проворчал Митрофаныч.

— Ну и жег, — пожал плечами Шибко. — А ваши орлы, Митрофаныч, так-таки никаких деревень и не жгли в каких-нибудь Карпатах или там под Кандагаром? Партизанская война — вещь жестокая и заведомо несправедливая, чего уж там. А если философски обобщить... — Он широко улыбнулся, глядя куда-то вдаль, на пылающую саванну. — Если обобщить, то оказалось, что дело вовсе не в красных. И не в черных. И уж никак не в шизофренических идеалах этого австрийского ублюдка. Не в свое время я родился, точно. На Балканах это выяснилось совершенно недвусмысленно. Мое время — это первобытная война. Ты не представляешь, Степаныч, какой это кайф — вести взвод в атаку, когда в руках у тебя дергается черный тяжелый машинен пистолет, а рядом ребята лупят от бедра, и навстречу тебе палят эти долбаные сербы, и ты уже видишь, какого цвета у них глаза, и выдержишь кинжал из ножен, и хрипит рукопашка... И какой кайф — в очередной раз выйти живым из боя... А деревни... Ну что деревни? Их все всегда жгли, с начала времен. Впереди тебя все разбегается, а позади тебя все горит, завалишь прямо посреди двора какую-нибудь горную красотку, дикарочку, родителями неграмотными воспитанную в богобоязненности и целомудрии, всадишь ей так, что самому жутко... То как зверь она за-

вост, то заплачет, как дитя... А вокруг горит все, как эта саванна... Ну при чем тут идеи? При чем тут черные, зеленые и красные? Просто это было мое — первобытная война, как во времена каменных топоров...

— Шлепну я тебя когда-нибудь, — сказал Митрофаныч усталым, севшим голосом.

— Не шлепнешь, — сказал Шибко. — Девиз помнишь? «Прошрое — за порогом». Прав я, Абрам Соломонович?

— Соломоныч, — задушевно сказал выхлебавший фляжку досуха Митрофаныч. — Ну врежь ты ему промеж глаз, еврей ты или уже где?

— Не стоит, — сказал Кац серьезно и грустно. — По одной-единственной, но очень веской причине: прошрое и в самом деле за порогом. Мы в Галактике, и ей совершенно безразлично, кто был кем... Но дело-то в другом. *Товарищ*, прапорщик навсегда останется товарищем прапорщиком. Ты понял, Митрофаныч? Отныне и навеки. Он всегда будет товарищем офицером галактической службы, и никогда в жизни у него не будет возможности ни резать красных, ни утолить свою жажду первобытной войны... В этом-то все и дело. Он хороший командир, профессионал. Говорю без лести, *товарищ* прапорщик.

— Герр шарфюрер, — подбравшись, холодно сказал Шибко.

— Ни хрена подобного, — сказал Кац. — Товарищ прапорщик. И никак иначе. А все остальное вам приснилось, и ваши сны никогда не станут явью... Кому-то снилось, что он раввин, а кому-то — что он шарфюрер... Бывает.

Шибко ничего не ответил, у него было печальное, безнадежное лицо, застывшее, как маска, и Кирьянов не чувствовал ни злости, ни отвраще-

ния — одну тоскливую усталость от всех и всяческих здешних сложностей, которые выскакивали одна за другой, как чертик из коробочки, и конца-краю им, похоже, не было...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДЕЛА АМУРНЫЕ

Стопа пыльных журналов так и норовила выпасть из рук, Кирьянов остановился, поддерживая коленом, сложил ее заново, крепко зажал под мышкой и вышел из главного здания Старого Корпуса — того самого, где в вестибюле до сих пор трезвонил телефон, на который Кирьянов больше не обращал внимания, наперед зная, что услышит.

Журналы были гораздо интереснее — что «Красный звездоплаватель», что «Млечный путь». В огромной, сохранившейся в полной неприкосновенности библиотеке их было превеликое множество, и книг тоже. Кирьянов только-только начал осваивать эти прелюбопытнейшие залежи и с первых шагов натолкнулся на вещи, переворачивавшие все и всяческие прежние представления, переворачивавшие историю, прошлое, стереотипы, штампы и официальные версии. Поневоле пришлось признать, что Стрекалов, если и привирал по пьянке, то ненамного...

Размашисто шагая к беседке, он в то же время листал выхваченный наугад из стопы седьмой номер «Красного звездоплавателя» за тридцать шестой год — с интереснейшей иллюстрацией на обложке и еще более поразительными заметками, где сухим казенным языком излагались вещи, которые...

Остановился с маху в двух шагах от беседки — чуть не расшиб себе лоб, увлекшись... Поднял глаза и окаменел вовсе.

Сначала показалось, что он спит, потом — что бредит или в одночасье подвинулся умом. Но все чувства исправно работали, и приходилось признать, что вокруг наблюдается самая доподлинная явь. Вот только ситуация — сквернее не бывает...

Кровь бросилась ему в лицо, показалось, что его со всего размаха хлыщут по физиономии, сопровождая это самыми гнусными и унижительными эпитетами. А они его все еще не замечали, не до него им было...

Миша Мухомор, зажмурившись от удовольствия, прислонился к потемневшему деревянному столбику веранды, держа ладони на затылке стоявшей перед ним на коленях Таи, а она продолжала свое нехитрое занятие с тем мастерством, что возносило Кириянова на седьмое небо не далее как вчера. Знакомый плед, свернутый в аккуратный рулон, лежал под скамейкой, и щеки Кириянова горели, как от пощечин...

Он и не заметил, когда уронил журналы. Освободившись от оцепенения, выругался громко и яростно. Тогда только они его увидели. Мухомор, дурачки ухмыляясь, попытался машинально натянуть штаны, что ему никак не удавалось по чисто техническим причинам, а Тая — чудо светловолосое, лучшая на свете! — гибко выпрямившись, хлопала длиннющими ресницами без особых эмоций на очаровательном личике. Стояла давящая тишина.

Потом девушка, отпрянув к стене беседки, вскрикнула:

— Костя, сделай что-нибудь! Этот скот меня заставил, я ждала, а он заявился...

Мухомор наконец-то справился со штанами, и на лице у него появилось безграничное удивление, заставившее Кириянова окончательно пасть духом.

— Ну ничего себе, заявочки, — процедил бывший урка, медленно мотая головой. — Заставили ее, а... Степаныч! Эй!

Кириянов надвигался на него тупо и целеустремленно, как лишившийся водителя асфальтовый каток. Одним ловким движением Мухомор перепрыгнул наружу, отскочил на пару шагов, остановился, заорал сердито:

— Офонарел? Тут все по полному согласию!

Перепрыгнув невысокий бортик веранды, Кириянов все так же нерассуждающе пер на него, сжав кулаки. С досадой щелкнув языком, Мухомор извлек из кармана форменных брюк старомодный ТТ, звонко оттянул затвор и, держа пистолет дулом вверх, сказал с расстановкой, бесстрастно и рассудительно:

— Степаныч, охолони! Оно стреляет, чтоб ты знал. Ты вон оттуда журнальчики таскаешь, а того не знал, что там, между прочим, на третьем этаже охрентельная оружейка. Все в наличии, все в комплекте, и замки такие, что понимающий человек их булавкой ломанет. Стой, где стоишь, говорю! Бля буду, по ноге шарахну, медицина здесь первоклассная, моментом залатает, но это потом, а сейчас будет больно... Оно тебе надо?

— Брось пушку, — сказал Кириянов, задыхаясь от злости, ничего не видя вокруг. — Помахаемся, как мужики...

— А вот те хрен, — серьезно сказал Мухомор. — Был бы я перед тобой виноватый, имей ты право на законную претензию — другое дело. А так... Очень мне нужно ни за что получать по рылу от такого вот раздухарившегося фраера... — В лице у него что-то изменилось, и он продолжал мягче, чуть ли не задушевно: — Степаныч... А, Степаныч! У тебя что, чувства? Ты что, серьез? Ну извини, я ж не знал... Кто ж знал, что ты ее всерьез примешь... Стой на месте, говорю, я ведь шмальну! Божусь за пидараса, я ее не принуждал. Кто ж ее принуждает? Да ее дерет поло-

вина зоны, верно тебе говорю! Я ж тебе за пидараса божусь, дурило!

Кириянов стоял на прежнем месте. Кулаки по-маленьку разжались.

Он уже немного знал Мухомора. Были слова, которые тот в жизни бы себе не позволил произнести шутки ради...

Поневоле приходилось верить. Но это ничуть не убавило жгучего стыда и потерянности, вовсе даже наоборот...

Приободрившийся Мухомор опустил руку с пистолетом и задушевно продолжал:

— Степаныч, ты пацан свой, я с тобой как на духу... Верно тебе говорю, на этой блядине пробы негде ставить. Значит, дело было так: прихожу я это сюда недели две назад, а она загорает на бережке в таком купальничке, что без него было бы приличнее. Ну, слово за слово, рассказала, кто такая и откуда. — Он мотнул головой в ту сторону, где в распадке помещался великосветский дом отдыха. — Генеральская доченька, и все такое... Я ей сразу поверил — очень уж холеная лялька, это тебе не Нюрка с камвольного... Ну ладно, базарим дальше, тут я вижу, что базар принимает очень уж игривый оборот. Я ей хоп — намек. Джентльменский такой, в рамках, как с генеральскими дочками и положено. А она мне в ответ не порнографию, но та-акую двусмысленность... Я ей еще шуточку, уже посмелее, а она мне — две, да почище... Короче, ясно, понеслась звезда по кочкам... Степаныч, сукой буду: от того, как я ее на бережку увидел, до того, как она в рот взяла, пяти минут не прошло, самое большее четыре минуты сорок семь секунд... — Он попытался беззаботно улыбнуться. — Я потом похвастался мужикам... и знаешь, что оказалось? Что они сами ее дерут черт-те сколько — и Митрофаныч, и Антошка Стрекалов, и Васька, и Петруха-технарь, и даже, по-мое-

му, Соломоньч, хотя точно насчет него неизвестно... Ну хочешь, сходим к Антошке, к Ваське, к Митрофаньчу, если тебе такая вожжа попала под хвост? Они враз подтвердят, что я тебе не горбатого леплю, а говорю чистую правду... А, Степаньч? Плюнь на нее, сучку, не стоит она того...

Он стоял, уже абсолютно спокойный, полный нешуточной уверенности в себе, и Кирьянов поник, уже понимая, что сослуживец не врет. Хотелось провалиться сквозь землю от стыда и тоски, от дикого разочарования в себе, в бабах, в жизни. Надо же было так попасться, надо ж было клюнуть на ангельское личико и нежный шепот...

Он огляделся, тяжело ворочая головой. Таи нигде не видно. Под нежарким солнцем безмятежно темнело озеро, плавали кувшинки, гулял ветерок по траве. Выть хотелось. Давно он так не обманывался.

— Степаньч, — проникновенно продолжал Мухомор. — Говорю тебе как другу...

— Поди ты! — рявкнул Кирьянов, развернулся и направился к поселку, забыв про разбросанные журналы, все еще содрогаясь от стыда и нелюдского разочарования.

Сгоряча чуть не налетел на Чубураха — тот, тоже, очевидно, вышедший прогуляться, торчал столбиком в высокой траве, преданно тараща глупые глаза. Пробормотал что-то, подпрыгнул, не сгибая ножек — звал играть.

— Поди ты! — рявкнул Кирьянов, чувствуя, как пылают щеки, — словно эта зверушка могла что-то понимать в человеческих делах...

Повезло, никого не встретил на всем пути до своей двери. Выхватил из шкафчика бутылку, набулькал полный стакан и хватил, как воду. Посидел, прислушиваясь к своим ощущениям, — нет, нисколько не стало лучше. Налил еще и оприхо-

довал в том же темпе, скрипя зубами и постанывая, как от зубной боли.

Хмель все же растекся по жилочкам, и по мозгам наконец легонько хлопнул, но не прибавилось ни спокойствия душевного, ни веселья. Мерзость стояла в душе, как болотная жижа.

Взгляд зацепился за синюю кнопку на стене, которой он так ни разу и не воспользовался в утилитарных целях.

— А почему, собственно? — вслух спросил он самого себя. — По крайней мере не продашь...

И, подойдя нетвердой походкой, стукнул по кнопке ладонью так решительно и зло, словно объявлял боевую тревогу по гарнизону.

В спальне послышалось тихое движение, кто-то переступил там с ноги на ногу.

— Вот так-то, — ухмыляясь, сообщил себе Кирьянов и, пошатнувшись, побрел туда. — Так-то честнее будет, а?

Вся его тоскливая злость отчего-то удесятирилась, когда красавица, комсомолка, отличница, спортсменка встретила его обаятельнейшей улыбкой — бывшая недостижимая мечта, светлый образ, сладкое видение, фея из недосягаемого пространства...

— Ложись, стерва, — сказал он хрипло, злясь то ли на себя, то ли на мир, то ли на все вместе. — Кому говорю? Что копаешься?

И в злой пьяной целеустремленности завалил недостижимую мечту на неразобранную постель, задирая подол белого платица, навалился сверху, с треском разодрал мешавшую ткань, взялся за дело примерно с той же бережностью и романтичностью, что отбойный молоток, сердито выдыхая сквозь стиснутые зубы, гадая, может ли *это* ощущать боль — а хорошо бы, прекрасно бы...

И насиловал размашисто и грубо, пока не почувствовал на шее тонкие теплые пальчики, пока ухо не защекотал нежный шепот:

— О, милый, какой ты... Хороший мой...

Вот тут он опамятовался, моментально схлынули и злость, и даже, кажется, опьянение. Оторвался от нее, сел на краешек постели, сжав голову. Вполне трезво подумал, что нельзя вот так в одночасье превращаться в законченную сволочь — ведь, если рассудить, нет разницы: над живым человеком так издеваться или над *этим*, то и другое одинаково подло и мерзко...

Поднял голову. Красавица в разодранном платье, точная копия былой мечты, прекрасная даже в разодранном на лохмотья платье, смотрела на него преданно, любяще, ожидающе. Улыбнулась, как ни в чем не бывало:

— Милый, что с тобой? Иди ко мне...

— Провались ты! — панически вскрикнул Кирьянов, вскочил, как был, со спущенными штанами, одним прыжком оказался в прихожей и что было сил надавил кнопку. Не отнимал руки очень долго — как будто это прибавляло надежности, как будто инопланетный механизм не срабатывал от легкого касания.

И, кое-как подсмыкнув портки, долго еще стоял у стены, отчего-то боясь заглянуть в спальню. Потом все же решился, приоткрыл дверь.

Разумеется, никого в спальне уже не было, только смятая постель таковой и осталась...

В дверь деликатно постучали. Второпях приведя себя в полный порядок, Кирьянов отворил. Прапорщик Шибко, подтянутый и невозмутимый, бесстрастно сказал:

— Обер-поручик, будьте любезны немедленно пожаловать к командиру.

— А в чем дело? — буркнул Кирьянов.

— Мы люди маленькие, нам не докладывают... — сказал Шибко без тени улыбки. — Пойдемте.

Проводив Кирьянова до кабинета Зорича, он не остался в приемной, вошел следом, присел в

уголке. Штандарт-полковник, без особой нужды перебиравший на столе красивые авторучки и еще какие-то безделушки канцелярского назначения, наконец поднял глаза.

— Константин Степанович, — сказал он с легкой досадой. — Простите великодушно, что мне приходится влезать в вашу личную жизнь, но ситуация, право же, достигла пределов, когда о деликатности приходится забыть...

— В чем дело? — спросил Кирьянов, набычась.

— Присаживайтесь...

— Благодарствуйте, — с неприкрытой язвительностью сказал Кирьянов, плюхаясь в кресло. — Вот уж не предполагал, что моя личная жизнь может стать предметом...

— Повторяю: ситуация достигла пределов, когда вмешательство, уж не посетуйте, необходимо, — мягко сказал штандарт-полковник. — Поверьте, мне это не доставляет никакого удовольствия, но я вынужден. Поймите, вынужден. Я здесь командую и отвечаю за всех и за все. И когда я узнаю, что подчиненные мне офицеры устраивают из-за женщины драку с применением огнестрельного оружия, я просто обязан вмешаться, вы не находите?

«Мать твою, — тоскливо подумал Кирьянов. — Ну кто мог заложить? Не Чубурах же! Миша сдохнет, но стучать не станет... Кто ж видел-то?

А вслух он сказал:

— Позвольте уточнить, товарищ штандарт-полковник... Вас кто-то дезинформировал. Не было ни драки, ни применения оружия...

— Простите, я неточно сформулировал... Но оружие было?

— У одного из участников.

— Вы полагаете, это как-то облагораживает ситуацию? — пожал плечами Зорич. — Ну, что же вы молчите?

— Нет, — сказал Кирьянов, — нисколько не облагораживает, согласен... Но и драки не было...

— Хорошо. Сформулируем предельно четко. Готова была вспыхнуть драка, в ходе которой вполне могло быть применено оружие... Против *этой* формулировки вы, надеюсь, ничего не имеете? — спросил Зорич со столь преувеличенной вежливостью, что она была если не издевкой, то уж насмешкой, безусловно.

— Не имею, — пряча глаза, сказал Кирьянов.

— Вот видите... По-вашему, это нормально? Приемлемо? Допустимо? По-вашему, это детские шалости? — В его голосе прозвучал командирский металл. — Не слышу ответа, обер-поручик!

— Виноват...

— Следовательно, происшедшее неприемлемо, ненормально и недопустимо?

— Так точно, — сумрачно признал Кирьянов.

— И мое вмешательство в ситуацию по праву командира вполне оправданно?

— Так точно, — повторил Кирьянов.

— Рад, что вы понимаете... — сказал Зорич бесстрастно. — В таком случае извольте немедленно рассказать, кто эта... дама, что ввергла вас и вашего... оппонента в такую... ажитацию.

— Зачем? — с искренним недоумением спросил Кирьянов.

Зорич покривил губы в подобии улыбки:

— Уж безусловно не за тем, чтобы повесить вашу даму на крепостной стене... Ее просто придется перевести куда-нибудь в другое место, уж не взыщите. Когда начинаются такие вот... коллизии, яблоко раздора, сиречь источник неприятностей, лучше потихоньку перевести куда-нибудь в другое место. Иначе, как подсказывает мой житейский опыт, мы не застрахованы будем от новых инцидентов. А они, в свою очередь, повлекут... Ну, вы же взрослый мужчина и офицер. Я не буду повто-

рять набивших оскомину казенных фраз, вы и сами прекрасно понимаете, что это вредит службе. Итак, кто она?

— Вы все равно ее не сможете перевести, — сказал Кирьянов.

Зорич поднял бровь:

— Как это прикажете понимать? Насколько мне известно, вышестоящее начальство пока не подписывало приказов о моем снятии или служебном перемещении, так что я остаюсь командиром, которому вынуждены подчиняться все, кто здесь служит, нравится им это или нет.

Глядя в пол, Кирьянов убито признался:

— Но она-то вам не подчиняется...

— Как так? — спросил Зорич с нешуточным удивлением.

— Она не отсюда.

— Простите? Вы хоть понимаете, что говорите? Чувствуется по запаху, что вы совсем недавно... употребляли. Но, Константин Степанович, вы определенно в том состоянии, когда человек способен к АКТИВНОЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ деятельности, можете трезво оценивать обстановку... Как это — «она не отсюда»? На планете нет других объектов, кроме нашей базы, а на базе просто нет людей, которые бы мне не подчинялись...

— Она... она из дома отдыха, — сказал Кирьянов. — С генеральских дач, или как там это зовется...

Что-то со стуком упало сзади. Кирьянов повернул голову — это прапорщик Шибко, вскочив со своего кресла, опрокинул со стоявшего рядом столика вазочку с цветами, но не обратил на это ни малейшего внимания. Стоял навтыжку, таращась с видом глубочайшего изумления. В точности такого, как появилось на лице Зорича, уже не похожего сейчас на бронзовый бюст Наполеона Бонапарта...

— Как-кого еще дома отдыха? — протянул Шибко, бледнея на глазах. — Как-ких еще генеральских дач?!

— Как-ких еще генеральских дач? — как эхо, повторил Зорич.

Он тоже бледнел на глазах, и это было настолько незнакомо, неожиданно и удивительно, что Кирьянов ощутил, как вдоль хребта прошли волной мелкие ледяные мурашки.

— Те, что в распадке, — промямлил он, почему-то начиная ощущать самый что не на есть неприкрытый, панический страх. — Там, в распадке, за озером, дом отдыха для генералов...

Его собеседники переглянулись, и штандарт-полковник стал медленно, ужасно медленно подниматься из-за стола.

— И озеро! — во весь голос крикнул вдруг Шибко. — И это чертово озеро! *Озеро*, герр оберст! Ферфлюхтер хунд!

Он стоял, выпрямившись во весь рост, бледный как смерть, громко выплевывая незнакомые слова, матерщину, судя по тону. Потом замолчал, с остановившимся взглядом теребя рукой китель в том месте, где когда-то, в прошлой жизни, у него, должно быть, висела пистолетная кобура...

— Вы полагаете? — ледяным тоном осведомился штандарт-полковник.

— И озеро...

— Кирьянов! — Зорич крикнул так, что Кирьянов, сам не зная почему, вскочил и вытянулся. — Быстро, в трех фразах! Что за дачи, кто она...

— Мы познакомились... Она гуляла по берегу... Ее зовут Тая, она дочь какого-то генерала Структуры... Живет в доме отдыха, что в распадке... Я его сам видел, она показывала... — Он смотрел прямо в глаза штандарт-полковнику, и оттого, что видел там, страх не проходил, наоборот, креп. — Я видел стену, окна...

Зорич, оторвав от него остановившийся взгляд, чуть склонился над столом и ткнул пальцем в какой-то тумблер.

И все моментально перепрыгнуло в какое-то иное, неведомое измерение. В коридоре, по всему зданию отчаянно взвыли сирены, в перерывах меж мощным ревом слышно было, что и в других зданиях звучит то же самое. Металлический голос донесся откуда-то сверху:

— Боевая тревога! Боевая тревога класса «ноль» всей базе! Боевая тревога «ноль»! Агрессия высшей степени! Комендантам зданий обеспечить оборону, немедленно обеспечить оборону! Оружие разобрать! Боевая тревога класса «ноль», агрессия высшей степени!

Пока Кирьянов лихорадочно пытался вспомнить, что ему полагается делать в *этом* случае — черт их упомнит, все уставы! — прапорщик Шибко неуловимым кошачьим движением метнулся к стене, нажал кнопку, и панель отошла в сторону, открыв рядок продолговатых черных «пушек», не особенно больших, компактных, неопасных на вид, но являвших собой довольно жуткое оружие — излучение рвало водородные связи меж молекулами, и любое живое существо, независимо от размеров, вмиг превращалось в облачко пара...

— Лови!

Очнувшись от оцепенения, Кирьянов поймал на лету оружие за узкое черное цевье, почти машинально щелкнул тем, что служило здесь затвором. Уж эту штуку он знал, освоился на периодических тренировках.

— За мной, мать твою!

Кирьянов опрометью кинулся к двери вслед за прапорщиком — тот неся, словно атакующий гепард. И успел еще услышать, как Зорич кричит, склонившись над селектором:

— Агрессия высшей степени! Прошу помощи! Эскадрилью немедленно!

Шибко топотал впереди. Кирьянов бежал следом, предусмотрительно держа оружие дулом вверх. Хмель выветрился как-то мгновенно, голова была ясная, вот только не имелось в ней не то что мыслей, но даже и догадок, пустая стала головушка, ничем не обремененная — сработали некие механизмы, знакомые всем, кто носит форму и ходит строем, превратили хомо сапиенса в нерассуждающий механизм, побуждаемый к активным действиям исключительно приказами начальства. Тут уж не до мыслей, хрен с ними...

В вестибюле кучкой стояли остальные, с оружием наперевес. Не останавливаясь, Шибко проорал: — Бегом марш, за мной!

Он и на вольный воздух выскочил, разумеется, первым. И целеустремленно кинулся к озеру. Выбегая следом, Кирьянов успел заметить, что окна остальных зданий распахнуты и оттуда торчат черные стволы, что от небольшого гаража сломя голову несется шофер Вася с пушкой на изготовку. Что-то переменялось в окружающем мире мгновенно, жутко и непонятно...

Шибко несся по прямой. Кирьянов споткнулся и едва не пропахал носом землю, после чего стал поглядывать под ноги. Он старался не отставать. Сзади слышался топот — это великан Трофим сотрясал землю, потом его обогнал худенький Кац, за ним еще кто-то...

— Стоять! Растянуться цепью! Кирьянов, влево! Рая, вправо! Дуру на склон!

Прапорщик Шибко командовал отрывисто и четко, в момент превратив кучку бегущих в растянутую стрелковую цепь. Трофим сбросил с плеча «дуру» (если сравнить пушки с автоматами, то «дура» примерно соответствовала тяжелому пулемету), которую только он один и мог допереть сюда на плече бе-

гом, ничуть не сбив дыхание. Пинком раздвинул треногу, вбил ее в мягкую землю на склоне холма, повел стволом вверх-вниз и вправо-влево.

Настала тишина, никто никуда не бежал, никто не суеился, все замерли в напряженных позах, все стволы были обращены к озеру. А озеро посверкивало под неярким солнцем мириадами искорок, и кувшинки, как обычно, лежали на спокойной воде.

Стоявший слева от прапорщика Кирьянов видел, как у белокурой бестии слегка отвисла челюсть. И было от чего: меж ними вдруг оказался Чубурах, точно посередине, придерживаясь той же невидимой линии, мохнатик, двигаясь как-то *иначе*, чем обычно, обеими лапками держал перед собой нечто вроде переплетения синих трубок, кое-где декорированных черными дисками и полупрозрачными желтыми шарами. Бережно установив эту штуку перед собой, зверюшка принялась манипулировать крохотными шариками на блестящих стебельках, выставших из непонятного агрегата там и сям.

— Брысь... — неуверенно протянул Шибко.

— Не каркай под руку, дубак, мешаешь! — отозвался Чубурах вполне членораздельно, осмысленными человеческими словами. — Эту штуку надо еще настроить... Ага! Точно! Есть!

— Что? — в некоторой растерянности спросил у него Шибко, как у равного.

Проворно перебирая рычажки своего аппарата, Чубурах отозвался тревожным голосом:

— Зашкаливает, клянусь Веконом! Их там тьма-тьмушная! Прапорщик, отводите людей... Кому говорю!

Никто ничего не успел сказать или сделать.

Озеро словно взорвалось, вся его гладь, от берега до берега и из конца в конец, вдруг подернулась крупной рябью, рябь вскипела волнами, гроздьями крупных пузырей, взметнулась...

Вода, спокойная и гладкая всего пару секунд назад, взбурлилась высокими фонтанами, рассыпавшимися на скопище проворных белесоватых стустков. Поток хлынул на берег, в сторону поселка — десятки, сотни крупных, дьявольски шустрых живых существ, бегущих то на двух конечностях, то на четырех, целеустремленно мчавшихся на людей со стрекотаньем, верещаньем, пронзительным скрежетом, кваканьем...

— Огонь!!!

Кириянов так и не смог определить, кто отреагировал на команду прапорщика первым, — не до таких тонкостей было. Сам он, вытянув перед собой пушку, торопливо надавил на широкий, изящно выгнутый спусковой крючок, и перед дулом повисло полупрозрачное сиреневое кольцо, этакий бублик из густоцветного тумана.

В боевых порядках атакующих моментально образовались бреши, промоины, пустые места, взлетели облака густого пара, из которых ломились и ломились новые твари, визжа, скрежеща, превращаясь в ничто, на смену им перли новые, и не было конца и края, поток разбился на несколько рукавов, стрелявших пытались обойти, взять в кольцо, успеть добраться в отчаянном рывке...

— Огонь!!!

Размашисто водя дулом вправо-влево, словно из шланга поливая, Кириянов покосился на командира — тот стоял, широко расставив ноги, утвердившись на земле, словно бронзовый монумент, прижав к бедру приклад, пошевеливая стволом с застывшей хищной улыбкой...

Время остановилось. Стена пара вздымалась в распадке, и сквозь нее с нелюдским визгом, с гоготаньем и шелестом ломились и ломились орды белесоватых существ, ни на что знакомое не по-

хожих и в то же время до жути напоминавших злую карикатуру на человека. Им не было конца, от этого безостановочного напора становилось жутко, и волосы поневоле вставали дыбом, тело и сознание холодели в смертной тоске, но Кирьянов не снимал палец со спуска, понимая, что в этом единственное спасение, и ствол казался раскалившимся, хотя такого никак не могло быть...

Сиреневая пелена встала стеной меж ним и окутанным паром скопищем тварей, что-то огромное заслонило солнце.

— Прекратить огонь, кому говорю!

Только теперь до него дошло, что команда звучит уже не в первый раз, но остальные, как и он, ее в первый момент пропустили мимо ушей...

И с превеликим трудом оторвал палец от спуска.

Почти над головой, почти задевая серебристым брюхом, бесшумно и плавно прошел огромный аппарат — остроносый, обтекаемый, весь в каких-то сверкающих шипах и круглых решетках странного рисунка. Зависнув впереди, над озером, он весь окутался сиреневым сиянием, пролившимся с него на землю, как густой ливень.

Следом, правее и левее, величественно и грозно проплыли еще два, форменные систер-шипсы, вся тройка методично и безостановочно поливала твердь земную убийственным сиянием.

Кто-то громко застонал рядом, как от зубной боли. Пелена тумана понемногу рассеивалась, разрываясь на тяжелые клочья, испарявшиеся, таявшие, расползавшиеся. Угасло сиреневое сияние, настала совершеннейшая тишина, и можно было рассмотреть, что от озера не осталось и следа — лишь огромная, глубокая, овальная ямища с неровным склизким дном, над которой все еще висели треугольником сверкающие боевые аппараты...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Чубурах, заложив на спинку коротенькие мохнатые лапки, совершенно по-человечески прохаживался по обширному столу штандарт-полковника — так ему было гораздо удобнее, нежели на полу. Хотя он и оказался нежданно-негаданно разумным существом, полноправным галактом, офицером и особистом, роста это ему не прибавило ни на вершок.

«Хорошо же нас всех купили, — подумал Кирьянов с вялым раздражением. — Ну да, разумеется. Святую правду изрекал тот психолог, похожий на медведя: у иных рас самые дружеские чувства вызывают мохнатые. «Доверительные чувства в отношении покрытых мехом существ». А неприязнь и отторжение вызывают как раз рептилии. Вот и сделали нас, как младенцев: майор из контрразведки, принимаемый всеми за забавную домашнюю зверюшку, невозбранно шляется по базе, присутствовал на каждой пьянке, слушал и мотал на ус, пока по стенам и потолку ползала дурацкая ящерица, простенький кибер, запрограммированный на пару фраз, которого все и принимали за живого разумного особиста...»

Тут же ему пришло в голову, что особенных поводов посыпать головы пеплом и страдать оттого, что их столь примитивно провели, в общем, и нет: этот майор-недомерок, как сам только что признался, вовсе успешно не завершал расследование, ради которого был сюда направлен, — он попросту оказался перед фактом, лишь в самый последний момент заподозрив неладное...

Словно угадав его мысли, Чубурах чуточку сварливо продолжал:

— Кончено, я себя показал не лучшим образом. Каюсь и признаю. Но доля вины лежит и на

руководстве. Я почти не работал среди существ вашей расы, мне было трудно *вжиться* в тонкости вашего поведения, употребляя идиомы, многое для меня оставалось темным лесом, несмотря на инструктажи и изучение источников...

— Резонно и разумно, — бесстрастно сказал штандарт-полковник.

— Рад, что вы понимаете, — сердито фыркнул Чубурах. — Да что там, мне даже наблюдение за пределами зданий вести было трудно — всяк норовил поймать глупую зверюшку и отнести домой...

— Почему же они послали именно вас?

— Да потому что не оказалось под рукой другого специалиста по вихавье, — огрызнулся Чубурах. — А я, не считите за хвастовство, неплохой спец по этим тварям. И когда где-то в этом районе приборы уловили *спектр*, когда возникли стойкие подозрения, что вихавья обосновалась где-то поблизости, дернула меня нелегкая попасться генералу на глаза... Вот вы часто спорите с генералами?

— Не особенно, — признался Зорич.

Шибко тихо сидел в дальнем уголке — и, судя по его угнетенному виду, до сих пор всерьез переживал то, что оказался в компании одуроченных.

— Что это было? — чувствуя тяжелую, томительную усталость, едва ли не полное опустошение, спросил Кирьянов.

Шибко хмыкнул:

— Тебе ж сказали: вихавья. Яснее ясного...

— Это такая тварь, — охотно объяснил Чубурах. — По сути, паразит. Мы так до сих пор и не отыскивали *материнскую* планету, хотя она непременно должна быть, — Галактика, увы, не просто велика, а необозрима... Судя по всему, тварь разумная. Даже наверняка. Вот только разум подчинен одной-единственной цели. Дать потомство, размножиться неисчислимо, захватить все, что удастся. Сначала она как-то создает озеро, до-

вольно долго, по вашему счету, несколько месяцев. Это — инкубатор. Обычная вода преобразается в нечто вроде питательной среды...

Кириянов вспомнил эту воду — *странную*, ни на что не похожую. Его неприкрыто передернуло.

— Потом она выходит на охоту, — менторским тоном продолжал Чубурах. — Ищет одиночек, имевших неосторожность оказаться поблизости. И *добывает* сперму. Не важно, существ вашего вида или других млекопитающих, ну хотя бы таких, как я. Зафиксированы два случая, когда она трансформировала сперматозоиды рептилиеподобных существ, были и другие примеры... Короче говоря, паразитирует на широком спектре разумных — лишь бы они дышали кислородом, лишь бы температура на планете была в неких пределах...

— Позвольте! — вскинулся Шибко. — Как же эта скотина в пространстве передвигается?

— Кто бы знал! — развел лапками Чубурах. — Кто бы знал, коллега... Гипотез и версий масса, а вот доказательств нет. Эксперты всерьез подозревают, что она как-то умеет передвигаться в нуль-пространстве без всяких приборов и устройств, но, вот беда, до сих пор не было случая допросить, живыми они к нам не попадали. Между прочим, если вам интересно... Я перед тем, как сюда отправиться, поднимал архивы. На вашей планете в прошлом эти существа появлялись не единожды. Вихавья — это и есть ваш инкуб из мифологии...

— Подождите! — вскрикнул Кириянов, кое-что сопоставивший. У него перехватило горло. — Вы говорите, *любых* млекопитающих и даже рептилий... Выходит, она не...

Чубурах прошел по столу прямо к нему, остановился напротив:

— А вы что, до сих пор полагаете, будто в натуральном своем облике вихавья все же очарова-

тельная блондинка? Совершенно человекоподобная? Да ничего подобного. Мне однажды, лишь однажды доводилось видеть почти неповрежденный экземпляр, его аккуратненько продырявили из иглострела... Она в натуральном своем облике вообще ни на что нам знакомое не похожа. Можете потом осмотреть файлы, но я бы вам не советовал — ночные кошмары и долгая блевота обеспечены, в особенности если у вас живое воображение и вы представите, то есть вспомните, что именно *это* с вами кое-чем занималось. Послушайте моего совета, не лезьте в информаторий... Ничего приятного. Достаточно знать, что она прекрасно владеет чем-то вроде гипноза. Отсюда все и проистекает. Она ведь из мозга *донора* всю необходимую информацию добывала: облик идеальной и возжеленной для жертвы самки, необходимые реалии, знания... Умеет прикидываться, надо отдать ей должное. Сначала она вас, как и всех остальных, как-то просканировала, а потом явилась... как это у вас говорится, материализовавшимся пленительным видением...

— Но ради чего? — тоскливо спросил Кирьянов.

— Я же объясняю, — терпеливо сказал Чубурах. — Ради продолжения рода. Все эти твари, которых вы перестреляли, а окончательно добил патруль, уж простите за неаппетитные подробности, развились из ваших, дружище, сперматозоидов... впрочем, не только ваших, тут многие внесли свой вклад. Хорошо еще, не успели полностью сформироваться — почуяли неладное и бросились в драку, потому что ничего другого ей и не оставалось... Такая вот сексуально-авантюрная история. Богата Галактика на всякую нечисть, что уж там. Ох, как вам всем повезло, что они не успели сформироваться... Впрочем, мне тоже. Если бы они вылезли, завершив цикл, все мы, создания мужского пола, еще долго бы прожили — вися в этакой лип-

кой паутине, заботливо поенные и кормленные, и всех нас трудолюбиво *доили* бы ради продолжения процесса. Вот женщины здешние были бы убиты сразу, вихавье женщины ни к чему...

Шибко с чувством выругался, виновато покаялся на штандарт-полковника, но тот с равнодушным видом махнул рукой.

— Если бы они захватили базу, часть очень быстро превратилась бы в точные копии нас всех, неотличимых внешне. Как учит прошлый опыт, копия бывает не одна. И наши двойники преспокойно разлетелись бы по Галактике, разъехались с помощью нашей же транспортной сети... Был в свое время прецедент. Боюсь, до сих пор отловили не всех, кто-то прорвался. Ну, а уж если они пролезут на планету, не доросшую до вступления в Содружество, и их засекут слишком поздно... Я в свое время один-единственный раз с таким сталкивался, и мне хватило. Есть такая планета. Технотронный уровень — «двойка», то есть уже освоен пар, но до электричества очередь не дошла. Патриархальность, глушь, огромные лесные массивы... Вихавья как раз и обосновалась в отдаленной провинции, в лесу. Устроила озеро, вдоволь попользовалась лесорубами, охотниками, углежогами и прочим бродячим лесным народом. Подгрести под себя окрестные деревушки, несколько городков, близлежащие поместья, гарнизоны, даже тамошний университетик... Короче говоря, когда мы туда прибыли, население двух немаленьких губерний было уже не прежним населением, а сплошь двойниками, ниточки потянулись к губерниям соседним, даже в столицу... Я до сих пор подозреваю, что мы *вывели* не всех, пара-тройка *маток* еще вполне может обретаться где-то в глуши. Вот это была работка... Для половины управления. Пришлось вызвать искусственное землетрясение, отправить на дно морское всю южную оконеч-

ность континента, потом инсценировать эпидемию новой непонятной хвори, якобы распространившейся исключительно через женщин, — чтобы те сидели по домам, носу не казали из деревень и городов, чтобы мужчины от любой прелестницы, встретившейся на лесной полянке, сразу бежали сломя голову, а то и стрелу в нее всаживали... Планета, между прочим, не только в Содружество не входила, но и отделения Структуры не имела, так что работка была та еще, адова... И нет гарантии, повторяю, что всех вывели. Там до сих пор полдюжины орбитальных станций бдят недреманно, агентства *внутри* полным-полно... — Он вздохнул, помолчал, размеренно прохаживаясь по столу, меряя его шагами в ширину. — Ладно, во всем этом есть и положительные моменты. Нет ни малейшего осязательного ущерба, поскольку моральные травмы, цинично выражаясь, в данном случае не считаются. Надеюсь, ничьих чувств это не ущемляет? Вот и прекрасно... Словом, ущерба нет, нет потерь, жертв, ни единого окна не выбито, даже ногу никому не оттоптали. Со стороны нас всех, и командиров, и подчиненных, и известного вам контрразведчика, нет особенных упущений, недоработок и прочих провалов, обычно вызывающих начальственный гнев. Это плюс...

— Это, конечно, плюс, — серьезно повторил штандарт-полковник, и Кирьянов видел, что отец-командир ничуть не иронизирует. — Что уж там рассусоливать, это плюс...

Чубурах мельком покосился на Кирьянова:

— Никто никого ни в чем не обвиняет, и уж особенно новичков. Так что не делайте столь трагического лица, обер-поручик. От вас ничего не зависело. Вы просто-напросто не могли ей противостоять, а предупредить вас не могли, кто ж знал, что именно тут объявится тварь поганая... Скажу вам по секрету, окажись я на вашем месте, случилось бы то же самое...

Кириянов ответил ему бледной вымученной улыбкой. Чувствовал он себя прескверно, в горле стоял комок, подташнивало. Возможные взыскания по службе были тут совершенно ни при чем. Просто-напросто он поневоле прокручивал в памяти иные моменты *общения* с очаровательной «генеральской дочкой» и пытался представить, как на самом деле выглядело существо, все это с ним проделывавшее. И от того, что возникало перед мысленным взором, желудок рвался через глотку покинуть организм...

— Простите, я вас покину, пожалуй, — сказал Чубурах непринужденно. — Там, в яме, копошится уйма экспертов. Ничего они, разумеется, не найдут пригодного, но мне по должности полагается по-присутствовать. Всего хорошего, обер-поручик, не унывайте, мы еще увидимся и посидим за бутылочкой. Знаете, самое тяжелое было — смотреть, как все вы *хлыщете* отличный коньяк, а мне и капельки лизнуть не даете, заботясь о бедной зверюшке. А ведь наша раса спиртное уважает столь же трепетно, как ваша... Честь имею, товарищи офицеры!

Он просеменил к краю стола, ловко спрыгнул на пол и деловито прошагал к выходу.

Едва за ним захлопнулась дверь, прапорщик Шибко открыл рот. Сначала он изрыгал отборную матерщину на языке родных осин, потом, когда запас истощился, перешел на немецкий — а там вроде бы и на каких-то других наречиях принялся поливать.

Длилось это долго, но в конце концов он все же иссяк. Зорич, усмехнувшись, поинтересовался:

— Я вас правильно понял, прапорщик?

— Совершенно правильно, — ответил Шибко, ни на кого не глядя. — Имел дурость *отметить*ся. Генеральская дочка, мать ее за щупальце, студенточка исторического факультета... Вечера напролет, не считая плотских радостей, только и болтали о прошлом... О *моем* прошлом, — уточ-

нил он с вымученной улыбкой. — Она знала все про манжетные ленты, знала, какие руны были в петлицах у нас и какие — у «Шарлеманя»... впрочем, у «Шарлеманя» в петлицах не было рун, но не в том суть... Теперь только стало ясно, что знала она ровно столько, сколько и я... С-сука, бактерия разумная, спирохета галактическая, тварь... Вы разрешите подать рапорт о переводе?

— Куда? — усмехнулся Зорич. — В управление к нашему мохнатому коллеге?

— Ага, — сказал Шибко с нешуточной надеждой. — Поймать бы *эту*, хоть одну...

— И думать забудьте. Все равно не подпишу. Вы на своем месте, на нем и останетесь... Что за детство? Можете идти. Нет-нет, вы, обер-поручик, как раз останьтесь, с *вами* мы еще не закончили.

Кириянов, успевший было встать, вновь опустился в кресло. С тем же вялым равнодушием подумал: неужели все же втык? И черт с ним, хуже того, что сейчас творилось у него на душе, все равно не случится, уж в этом можно быть уверенным...

Однако дела определенно принимали какой-то *иной* оборот. Штандарт-полковник одернул и без того безукоризненный китель, без нужды поворошил канцелярские безделушки на столе. Поднял глаза. В голосе у него явственно прозвучали нотки грусти:

— А вот *вам* я вынужден подписать перевод. Откровенно говоря, мне самому это не по душе, по-моему, вы себя прекрасно проявили как член команды, но начальство рассудило иначе, и выше головы не прыгнуть ни вам, ни мне, приходится подчиняться...

— И куда же это? — настороженно спросил Кириянов.

— На повышение, дорогой обер-поручик, — меланхолично произнес Зорич. — На повышение, да будет вам известно... Наша база — не совсем

то, чем кажется новичку. О нет, упаси боже, никаких инсценировок и прочей дешевой театральности, о которой, я слышал краем уха, обожают в последнее время болтать милейший майор Стрекалов, войдя в изрядное подпитие... Здесь все у вас было всерьез, и мы — как раз те, кто мы есть. Тут *другое*. Все это время к вам ненавязчиво присматривались, изучали ваше поведение и реакции во всех без исключения ситуациях, касавшихся как службы, так и... внеслужебных дел. Ничего необычного, отрицательного, удивительного в этом нет. Обычная практика отбора, продвижения и расстановки кадров. Такое испокон веков происходило в любой армии, спецслужбах, любом гражданском учреждении... да, чтобы далеко не ходить, в том числе и в вашей пожарной части, покинутой совсем недавно. Верно ведь? Вот видите... Наше подразделение с момента своего создания всегда выполняло двойные функции: не только действующей на определенном участке команды, но еще и, как выражаются в *вашей* армии, учебки. Довожу до вашего сведения, что вы ее закончили, и вполне успешно. И приходится вам уходить. Так уж тут заведено: кто-то остается у нас насовсем, кто-то уходит на повышение. Все согласования проведены, решения вынесены, резолюции наложены, бумаги готовы, завтра же поутру вам предстоит отбыть к новому месту службы. — Он встал, выпрямился, безукоризненный, подтянутый, замкнутый, то ли деникинец, то ли каппелевец. — Поздравляю, обер-поручик. Это честь. Не каждому выпадает.

Кирьянов торопливо пожал протянутую руку. В голове у него имела место хаотическая мешанина из разнообразнейших чувств, среди коих уж точно не было одного: радости.

— Хочу добавить, — сказал штандарт-полковник. — Ни в коем случае не воспринимайте это

перемещение как индульгенцию или билет в Эдем. Участок, где вам предстоит служить, еще сложнее и ответственнее...

— Я понимаю, — сказал Кирьянов искренне.

В голове у него навязчиво крутился вопрос, который он так никогда в жизни и не набрался бы наглости произнести вслух. Чем была для его собеседника нынешняя служба, нынешнее кресло: служебной необходимостью или *потолком*?

Но разве произнесешь такое вслух... Язык не повернется.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ

И все, на этом текст обрывался. Оставалось еще полстраницы девственно чистой бумаги — и ни даты, ни города, как любят порой отдельные литераторы: мол, «Монмартр-Козьмодемьянск, 1999»... Ничего такого.

И доктор Терехов аккуратно, по врожденной педантичности принялся складывать листы в аккуратнейшую стопу — захватывал по десятку — полтора, поворачивал боком, легонько постукивал по столу, подравнивал. Вскоре на углу стола лежала не просто стопа бумаги, а этакий белый параллелепипед, где ни один отдельный листок не выступал и на миллиметр.

— Итак, впечатления? — спросил Кирьянов.

Он как-то чересчур уж спокойно это спросил, предельно деловито, даже с некоторой скукой — ни следа затаенного волнения начинающего автора, озабоченного отношением окружающих к любимому детищу. В свое время, когда Терехов еще надеялся, что сумеет все же свои сюжеты *записать*, ходил и в литературное объединение к за-

пойному прозаику Веремееву, коего в благодарность за консультации регулярно выхаживал приватным образом от «белки». Было время, насмотрелся на пишущих, изучил неплохо, знал их обычные реакции на первых читателей... Так вот, ничего похожего. От Кирьянова явственно веяло не жадным любопытством, а чем-то другим, что Терехов пока не в состоянии был расшифровать...

Осторожно подбирая слова, чтобы, часом, не наступить на горло творческой гордыне собеседника, он сказал:

— Небезынтересно, знаете ли... Особенно с этим вашим Чубурахом. Для читателя — полная неожиданность. Как у классика. «Спицы оказались кандалами, настольная лампа микрофоном, а бабушка — начальником тайной полиции».

— Вот то-то, что полная неожиданность, — усмехнулся Кирьянов. — Для ребят это был шок. Сразу вспомнили, что при нем болтали, как кое-кто в его присутствии девиц лапал... Пока этот долбанный робот в облике игуаны ползал по потолку и все его принимали за настоящего, наш майор... А в общем, он мужик ничего. Я с ним потом встречался раза два. Невредный мужик, профессионал...

И снова в его голосе прозвучала скука, некоторая лень, словно они об общем знакомом говорили.

— Неувязочки у вас есть, — сказал доктор Терехов, — нестыковочки.

— А конкретно?

— Да вот хотя бы взять этого вашего героически погибшего коллегу: то он у вас Жакенбаев, то Жаукенов...

— Seriously?

— Seriously. В нескольких местах вы его именуете то так, то этак.

— Тыфу ты, — с досадой сказал Кирьянов. — Вот что значит не перечитать потом... Ну да, на-

кладочка. В общем-то фамилия у него была совершенно другая, хоть и похожая, я, видимо, забывал второпях, как его называл у себя в дневнике...

— В романе, вы хотите сказать?

— В дневнике, доктор, в дневнике, — сказал Кирьянов. — Ну, а еще какие-нибудь принципиальные замечания есть?

— Вот уж не знаю, можно ли это назвать принципиальным замечанием... — подумав, сказал Терехов. — Не вяжется кое-что.

— А именно?

— Вы там порой чересчур много пьете, — а потом мчитесь на задание как ни в чем не бывало. Извините, плохо верится. В конце, после поминков, вы сами описываете, что вся компания, простите великодушно, нахрюкалась чуть ли не до поросычьего визга — и тут ваш полковник объявляет боевую тревогу, и вы, абсолютно трезвые, мчитесь на вызов...

— Тыфу ты, — повторил Кирьянов. — Совсем забыл! Очень уж привык к этой штуке, она ж там обычная, как у нас — водопроводный кран... Понимаете, у каждого в квартире, в прихожей, в углу, торчала под потолком этакая полусфера, нечто вроде душа. Достаточно встать под нее и давануть кнопку... Прошибет неопишуемым душем насквозь — и ты снова трезвехонек, сколько бы ни выпил...

— Ах, вот оно что... — сказал доктор Терехов, стараясь быть бесстрастным. — Полезное изобретение, ничего не скажешь... Здесь бы ему цены не было...

— Пожалуй.

— И не расскажете ли, что с вами было потом? — спросил Терехов. — Заинтриговали вы меня...

— Потом? Четвертое управление. Работа во времени, точнее говоря, в прошлом.

— А в будущем что, не получается?

— Там барьер, — скупое обронуил Кирьянов.

— Ну да, разумеется, — задумчиво кивнул Терехов. — Там барьер. По Азимову, по Андерсону, по кому-то еще... Интересно, Азимов у вас не работал?

— Не припомню что-то.

— А Стругацкий, значит...

— Значит, — сказал Кирьянов. — Кстати, вам, как любителю фантастики, будет интересно... Доводилось мне уже потом читать два романа Аркадия свет Натаныча. «Прозрачные паруса» и «Последний талый снег».

— Не припомню таких.

— А откуда ж вам помнить? — усмехнулся Кирьянов. — Коли они — в спецхране...

— Почему?

— А оттого, что Аркаша Самурай заигрался. Прав был Митрофаныч. Не выдал в сих трудах никаких таких особенных тайн, но все равно, руководство решило, что в них чересчур много от закулисной реальности, а потому лучше перебдеть, чем недобдеть. Ну, знаете, как это бывает... И законопатили оба романчика в спецхран. А может, и правильно сделали, что законопатили. Были печальные прецеденты, знаете ли. На Земле там и сям обретаются всякие непризнанные гении — по молодости непризнанные, по смелости идей, по разным другим причинам, порой чисто бытовым. Теперь представьте, что попадает такому в руки книжка вроде «Прозрачных парусов» — и, как детонатор, вызывает ассоциации, смелые идеи, позволяет связать воедино парочку, казалось бы, абсолютно несвязуемых областей знания...

— Трудновато мне представить, — сказал Терехов с легкой язвительностью. — Я «Прозрачных парусов» не читал.

— А хотите?

— Не отказался бы. У вас что, с собой?

— Да нет, конечно. Говорю вам, в спецхране.

— И кто ж меня пустит в ваш спецхран?

— Почему нет? — пожал плечами Кирьянов с совершенно непонятым выражением в глазах. — Можно устроить...

— Был бы вам благодарен... — поклонился Терехов, уже не скрывая язвительности. — Значит, у вас там этакая полиция времени?

— Да нет, не совсем. — Задач там много, и они разносторонние. Я, например, снимал людей с «Титаника». Может, помните, был такой лайнер...

— Помню, представьте, — сказал Терехов. — И много сняли, позвольте осведомиться?

— Всех, — сказал Кирьянов бесстрастно. — Когда отплыли все шлюпки и он стал погружаться, тут мы и *заработали*. Могу вам сказать по секрету, что на дно он шел уже пустым. Вообще с кораблями вроде «Титаника», о которых заранее известно, что они потонули на большой глубине, а то и пропали без вести, очень легко работать.

— Насколько я помню, до «Титаника» все же добрались глубоководные аппараты?

— А толку-то? — хмыкнул Кирьянов. — *Заранее* было ясно, что ни единой косточки они не узрят — за десятки лет их надежно растворяет морская вода, это всем известно и не вызывает ни малейших подозрений. Еще легче с теми кораблями, что до сих пор считаются пропавшими без вести — там можно было работать практически в открытую. Вот с «Адмиралом Нахимовым» оказалось не в пример потруднее — туда примчались спасатели, стали вылавливать трупы, пришлось подбрасывать чертову уйму биоманекенов...

— А зачем? — спросил Терехов. — Ах да, я и забыл... *Кадры?*

— Кадры, — сказал Кирьянов без улыбки. — Самый простой и легкий способ пополнять ряды. Среди всей этой публики эпохи парусного флота

полупиратов-полуисследователей столько подходящего народа, что можно грести каждого второго, не считая каждого первого. Назвать бы вам кое-какие имена — ахнете...

— Представляю себе, — сказал Терехов. — И Магеллан, чего доброго, у вас, и капитан Кук...

Кириянов загадочно улыбался — с чересчур уж раздражающей уверенностью в себе, какой не полагалось пациенту психушки, и Терехова это неприятно задело.

— Значит, вы твердо стоите на том, что это *дневник*, а? — спросил он, попытавшись улыбнуться столь же загадочно.

— А так оно и есть.

— Да-а? — протянул Терехов. — А знаете, где я вчера был? Не пожалел времени. Заглянул к вам домой, с супругой побеседовал, в пожарной части вашей с людьми поговорил... Интересные вещи выяснились. И жена ваша, и сослуживцы категорически не упомнят, чтобы вы за последние несколько лет в какую бы то ни было командировку отлучались. Как жили в нашем городе, так и жили.

— Ах, вот оно что... — лениво поморщился Кириянов. — А вы еще не поняли? Ну да, конечно, в каком-то смысле я и не исчезал никуда... А зачем? Технология гораздо изощреннее. На моем месте был биоманекен. У нас их отлично умеют делать, могу вас уверить. По сути, полная копия. Замени меня... или, скажем, вас, никто и не заметит подмены. Полное подобие. На творческую работу это создание, сразу уточню, неспособно — так что если подменить им, ну, хотя бы физика-теоретика, Ландау какого-нибудь, никакими выдающимися открытиями «Бим» публику не порадует, поскольку к самостоятельной высокой интеллектуальной деятельности абсолютно неспособен. Ну, а заменить рядового пожарного или рядового, уж не обижайтесь, психиатра гораздо проще. *Полная копия.*

— Хотите сказать, он и с вашей женой вместо вас спал?

— Ага, — безмятежно сказал Терехов. — И в преферанс с мужиками резался, и пиво пил, и с женой спал...

— И вы об этом так спокойно говорите?

— А что тут такого? — с некоторым удивлением спросил Кирьянов. — Это ж не сторонний какой-то хахаль, это, если прикинуться, я сам, мое точное подобие, прекрасно имитирующее именно мое поведение... Под электронным микроскопом не отличишь.

— Интересно... — покрутил головой Терехов.

— Обычная практика. Копия, поймите, моя точная копия... Что ж тут ревновать? Вы мне так и не сказали, как ко всему этому относитесь...

— К вашему *роману*?

— Да тьфу ты, господи! — с неприкрытой досадой сказал Кирьянов. — К *дневнику*! Что, не верите?

— Не верю, — сказал Терехов.

— Беда мне с вами... — поморщился Кирьянов. — А теперь? — Он повернулся вполоборота на хлипком стуле. И не сделал больше ни одного движения, остался в прежней позе, но в кабинете вдруг зашелестело, зашуршало, истории болезни и прочая бумажная канцелярия вдруг вспорхнули с полок, закружили ворохом, сначала показалось, в хаотическом беспорядке, потом обнаружилось — в упорядоченном танце, бумаги кружили, не сталкиваясь, выписывая восьмерки и круги, поднимаясь к потолку и опускаясь ниже стола. Терехов приложил героические усилия, чтобы сидеть спокойно, не сорваться с места.

— Да хватит вам! — выкрикнул он наконец.

— Хозяин — барин, — дернул плечом Кирьянов. И летающие бумаги моментально потянулись на прежнее место, сухо шелестя, устроились на полках в прежнем порядке.

— И как же это у вас получается? — сердито спросил Терехов.

— Как? — Вот тут на лице Кириянова на миг появилась растерянность. Не знаю, как объяснить... Солнце еще не зашло, его излучение обдувает Землю... Бумага — это в первую очередь целлюлоза... Вот и все, если вкратце, по-другому не получится...

— Ценная научная информация, — фыркнул Терехов, стараясь не выказывать растерянности.

— Какая есть, я, честно говоря, сам не знаю подробностей... Ну, а теперь?

— Теперь? — саркастически ухмыльнулся Терехов. — А что, собственно говоря, «теперь»? Бумаги летали по комнате. Ну и что? Что вы мне этим доказали? Я не уверен, что это вообще было в реальности. Быть может, вы гипнотизер-самоучка. Самородок из провинции. Гипнотизер творит и не такое... Вы мне продемонстрируйте что-нибудь поубедительнее, и не мне одному..

— Интересно, — сказал Кириянов без всякого раздражения. — Мне что, прикажете из мезонного излучателя палить во дворе больницы? Предварительно выстроив у окон персонал и постояльцев? Кто мне такое позволит, доктор...

— Значит, не можете?

— На *публике*? Категорически не положено.

— Ну да, я так и думал...

— Ну а все же, любезный доктор?

— Что — все же? Ну, написали вы небезынтересный фантастический романчик. Ну, гипнозом владеете... И что дальше? Проверить ваши утверждения решительно невозможно. Или можно?

— Н-ну...

— Вот видите! — торжествующе сказал Терехов. — Мне тут за семнадцать лет преподносили истории и похлеще. Куда там хлеще! Простите уж, но фантазия у вас не самая богатая...

— Ну а если *допустить* на минутку? — вкрадчиво спросил Кирьянов. — Всего лишь допустить, а? Допустить, что все описанное — чистейшая правда... Что все так и было? Можете вы чисто теоретически высказать свое отношение?

— А оно у меня простое. Не верю.

— *Почему?* — пытливо, настойчиво повторил Кирьянов. — Можете вы объяснить, отчего не верите?

Терехов понемногу стал ощущать растущее раздражение. То, что происходило, было насквозь неправильным. Чем дальше, тем больше чертов пожарный держался так, словно это он изучал собеседника, всерьез проверял его реакции, испытывал, прощупывал, исследовал... На подобное поведение пациент психушки просто-напросто не имеет права — даже если он не больной, а всего-навсего хитрый симулянт. Изучать, проверять и исследовать в этом кабинете имеет право только его хозяин, по должности своей, по праву, по жизни... Любой, находящийся здесь на положении *постояльца*, будь он хоть трижды гипнотизер, обязан быть лишь объектом изучения...

И все же он сдержался — как-никак семнадцать лет стажа, не более и не менее. Профессия приучила к максимальной сдержанности и к железному терпению. Что ты за психиатр, если *изучаемый* способен тебя хотя бы чуточку вывести из себя, разозлить? А вот те хрен...

— Почему? — повторил Терехов, стараясь быть ироничным, спокойным и профессиональным. — Потому что... Потому что у вас все получилось как-то чертовски уж *буднично*...

— Иными словами, не согласуется со сложившимися у вас стереотипами, да? А если учесть, что стереотипы эти могли сложиться исключительно в результате чтения фантастики... Ничего удивительного, — произнес Кирьянов прямо-таки покрови-

тельственно, отчего Терехов внутренне ошетинился, как дикобраз. — Можно сказать, стандартные реакции... Милейший доктор, а вы никогда не задумывались над тем, что обитаемая Вселенная как раз и живет *буднично*? Во всяком случае, подавляющее большинство ее населения? Входящее в Содружество? Да, конечно, *мы* — экстремалы. Спасательная служба, спецназ, исследовательские группы... Но мы — столь ничтожное меньшинство... Я прекрасно вас понимаю. Сам когда-то был в вашем положении, особенно в юности. Фантастика — это в первую очередь головоломные загадки, головокружительные приключения, сверкающие звездолеты, героически штурмующие бездны пространства... А меж тем... нет, я не отрицаю — в Содружестве и в самом деле существует немаленький флот исследовательских звездолетов. Вселенная бесконечна и безгранична — если говорить исключительно о *нашем* пространстве, а есть еще параллельные миры, соседствующие дубль-реальности, макромиры, микромиры, *уровни*... Да, разумеется. Сейчас, пока мы с вами мирно и конструктивно беседуем, какой-то звездолет с лихой командой уже непременно через что-то там героически проламывается или кружит вокруг новооткрытой планеты, о которой еще ничегошеньки не известно. Как же иначе, если нуль-транспортировка в данном случае бесполезна — чтобы попасть куда-то ее посредством, нужен не только стационарный передатчик, но и стационарный приемник, а откуда ему взяться на планете, которую открыли час назад? Но в том-то и суть, любезный эскулап, что на одного лихого и бесстрашного звездопроходца-спасателя-исследователя приходится, наверное, миллионов десять разумных существ, которые, со всех точек зрения, живут скучно и буднично. Пусть даже они в повседневной своей жизни пользуются бытовой техникой, которая землянам покажется чудом,

пусть на работу они добираются посредством нуль-перехода и занимаются там опять-таки сущими, с нашей точки зрения, диковинными чудесами... Сути дела это не меняет. Для *них*, для Содружества все это не более чем скучные будни благонамеренных обывателей, чья жизнь полностью лишена романтики и приключений, надежно защищена высокой моралью и развитой техникой... понимаете?

— Да, кажется...

— Ну, хоть какой-то прогресс... — вздохнул Кирьянов с некоторым облегчением. — Оцените все с *этой* точки зрения. Мирная и спокойная Галактика, где нет ни войн, ни насилия, просто *обязана* оставаться, с вашей точки зрения, скучной и будничной. Но не для нас, знаете ли, не для нас. *Нам* всем гораздо интереснее жить именно так, как мы живем. Вы бы поразились, узнав, насколько редко *выдернутые* подаются в гаранты... За это нас, между прочим, и ценят в Содружестве...

— Не сомневаюсь, — поджал губы Терехов. — Наверное, уже до полковника дослужились? Или, как это там у вас... До гран-полковника?

— Запомнили все же? — с той же неприятной покровительственностью усмехнулся Кирьянов. — Если быть точным — до гран-советника. В четвертом управлении своя система званий, скорее напоминающая гражданский табель о рангах, чем роспись военных чинов. Хотя вы правы, это примерно гран-полковнику и соответствует... ну так как же, вы обдумаете проблему с точки зрения будничности и скуки?

— Решительно не знаю, будет ли у меня время, — сухо сказал Терехов. — Работы у меня, знаете ли, выше головы...

— Это намек на то, что мне пора отправляться на коечку?

— Неприкрытый.

— Ну что же, честь имею откланяться...

— Рукопись заберите, — сказал вслед Терехов.

— Ах да, я и забыл... — Кирьянов небрежно сунул под мышку стопку листов, сразу переставшую быть безукоризненной. — Ладно, пойду отлеживать бока... А вы все-таки подумайте на досуге, доктор, право слово...

Он улыбнулся все с той же беззаботностью, с тем же превосходством, какие у здешних постояльцев наблюдаются, прямо скажем, редко. И аккуратно прикрыл за собой белую дверь.

Оставшись один, доктор Терехов старательно, длинно и затейливо выругался про себя простыми русскими словами. Прямо перед его глазами была этажерка с бумагами — которые смиренхонько стояли, как встарь, как многие годы, вовсе не выказывая желания пуститься в пляс или, господи спаси, порхать по комнате. Все вокруг было привычным, знакомым, будничным и скучным. Если подумать, и Кирьянов тоже — доктор нисколько не врал и не преувеличивал, случались постояльцы и позакочеристее, предлагавшие столь *кучерявые* и ошеломительные истории, что этот начинающий фантаст из пожарной части помер бы от зависти...

Сёрдито вставши и отперев старый дешевенький сейф, доктор Терехов, воровато оглянувшись на дверь, достал бутылку с прозрачной жидкостью и налил себе на полтора пальца казенного медицинского спирта. Привычно выдохнув, употребил одним мастерским глотком, зажевал завалявшейся в столе отвердевшей конфеткой.

Что поделать, любой медик со стажем прекрасно научен употреблять в разумных количествах казенный спирт, и не нужно делать из этого драмы. Если не злоупотреблять, ничего страшного...

Он врал, конечно, не было у него неотложных дел. Конец рабочего дня подступил вплотную, дежурства сегодня не было, и можно со спокойной сове-

стью собираться домой, а дома, глядишь, и употребить еще чуточку, опять-таки не перегибая палки.

В самом деле, ничего интересного. Куда нашему пожарному до незабвенного «генералиссимуса Галактики» или «засекреченного физика» — вот *те* такие кружева сплетали, такие словесные вавилоны выписывали касаясь тех же самых Галактик, макромиров и параллельных пространств... И сами, разумеется, во все это верили — вот с кем пришлось повозиться... Кириянов на их фоне — пушистая овечка. Ни разу голос не повысил, серчая, что ему не верят... Ангел в тюбетейке, право слово. Надс отдать ему должное — он почти во всем безукоризненно логичен. Что вовсе не означает, будто он душевно здоров. Очень многие болезни души как раз и отличаются безупречностью логических построений. Больной делает одно-единственное *большое* допущение — что он генералиссимус Галактики, скажем, или каждую ночь общается телепатически с доктором Ксин-Фу из созвездия Кассиопеи. А все остальное, *нанизанное* на навязчивую идею, отличается, любой психиатр подтвердит, безукоризненной логикой построений, способной не на шутку поразить человека непосвященного, не профессионала...

Он собирался привычно и бездумно. В подсознании таилось нечто вроде занозы, нечто упущенное из виду и в то же время лежащее на поверхности. Только на улице, неспешно шагая привычным путем к автобусной остановке, доктор Терехов доискался, в чем тут дело.

На сей раз Кириянов не пытался его ни в чем *уверить* — не пытался доказать, что он болен или, наоборот, здоров. Хотя все время своего здесь *постоя* из кожи вон лез, чтобы выглядеть в глазах всех, облаченных в белые халаты, законченным параноиком.

Если рассудить, это тоже было неправильно. Абсолютно неправильно: сначала стремиться напро-

лом к желанной цели, а потом вдруг резко уйти в сторону вопреки первоначальному замыслу. Насколько Терехов успел разобраться, Кирьянов не походил на человека, способного отказаться от задуманного на полпути. Шизик он там или нет, гипнотизер или кто, но в силе воли и упрямстве ему отказать никак нельзя. Так что вел он себя насквозь неправильно, и это странно, это неспроста...

Но пошел он к черту со своими неизвестными замыслами! Только и забот — гробить на него время, как будто нет других дел... подумаешь, бумаги летали! В неизвестных общественности, не зафиксированных на бумаге архивах мировой психиатрии можно отыскать случаи и похлеще, и то, что они не получили ровным счетом никакого научного объяснения, ничего еще не значит и ни на что не влияет. Расспросите за бутылочкой хорошо знакомого врача, он вам такое порасскажет, до чего никакому пожарному не додуматься...

А там подошел автобус, муниципальный, для черной кости, и борьба за то, чтобы в него втиснуться, а потом и уберечь ребра от спрессованных в единую массу случайных попутчиков, окончательно выбила из головы доктора Терехова все неправильности, несообразности, психиатрические загадки и мысли о работе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ЛЮДИ В ПЯТНИСТОМ

Не зря все же говорится, что утро вечера мудренее.

Несмотря на обычные утренние транспортные переживания, доктор Терехов, входя в родимую шизарню, был бодр и, пожалуй, откровенно весел.

Будь у него с собой тросточка по канонам начала века, доктор непременно выделял бы ею игривые финты. Он даже насвистывал что-то немелодично-легкомысленное, избегая по выщербленным ступенькам.

Столь приподнятое настроение объяснялось просто: он принял решение. Еще вчера вечером, а утром в этом решении окончательно утвердился. Кирьянова следовало выставить из заведения к чертовой матери, чтобы не *выламывался* из общей привычной картины, чтобы не пудрил мозги, не добавлял жизни сложностей. Симулянтам в психушке не место, особенно в нынешних, непростых и унылых экономических реалиях. Безусловно, отклонения у бравого пожарного имелись, если поискать как следует. Отклонения у каждого сыщутся, не зря же утвердилось среди людей в белых халатах мнение, что здоровых людей нет, а есть необследованные. Но в одном можно быть уверенным: опасности для окружающих, вообще для общества данный пациент не представляет ни малейшей, а следовательно, может отправляться на все четыре стороны. Как выразился тот гестаповец в давнем приключенческом фильме, у нас нет времени держать вас в камере и разрабатывать как следует...

Вот именно. Ни времени, ни возможностей, ни желания. Пусть убирается вместе со всеми своими отклонениями и непонятными замыслами. Ручаться можно, поклясться можно профессиональным опытом и многолетним стажем на ниве психиатрии, что больше об этом долбаном пожарном заведение в жизни не услышит: ни обострения, ни опасных инцидентов, не тот случай. Такими безобидными, с отклонениями не только улицы полны, их и в Госдуме хватает, и никто не делает из этого драмы...

А посему свое твердое намерение доктор Терехов принялся претворять в жизнь немедленно.

Едва устроив пальто на вешалке, не вытянув даже законной утренней сигаретки, кликнул верного Валеру и распорядился с деловым металлом в голосе:

— Кирьянова ко мне, немедленно!

— Кого? — в полной растерянности спросил верзила.

Терехов моргнул, уставился на него в полнейшей растерянности. Особенным интеллектом Валера отроду не блистал, вовсе даже наоборот, но вот память у него была цепкая и безукоризненная, чудо, а не память, даже жалко, что олигофренчику досталась. А впрочем, именно так частенько и бывает: большинство из так называемых феноменальных счетчиков, в мгновение ока и безошибочно способных перемножать в уме десятизначные числа, как раз не блещут интеллектом, да что там, сплошь и рядом — откровенные дауны, не ведающие что творят...

Так и Валера. Не светоч ума, чего уж там, но память на пациентов у него прекрасная, всех помнит по фамилиям, по палатам, по койкоместам, сроду ни одного не перепутал, ни об одном не забыл. Так что нынешняя заминка просто не имеет места быть...

— Кирьянова, — чуя под ложечкой неприятный и непонятный холодок, повторил Терехов. — Из девятой. Койка у окна.

— Михал Михалыч, так ведь нет в девятой никакого Кирьянова, — протянул Валера словно бы даже укоризненно. — Там у нас Затоцкий, Булахович и Коля Еремин, а койка у окна четвертый день свободная, с тех пор, как Коломийца выпи-сали...

Терехов медленно-медленно выпрямился во весь рост, сверля пытливым взглядом верного медбрата. Взгляд Валеры был незамутненно-чист, искренне недоумевающ.

— Говорю тебе... — сказал доктор сердито, скорее по инерции.

И замолчал, когда протянутая рука коснулась пустой столешницы. Того места, где вчера собственноручно положил карточку К. С. Кирьянова, а сегодня утром не видел ее нигде...

— Ладно, иди, — буркнул он.

И бросился к этажерке, прежде чем за Валерой закрылась дверь.

Он перебрал все, что там стояло. Посмотрел в ящиках стола. В сейфе, что было вовсе уж глупостью. Зачем-то заглянул под стол. И — ничего...

Стараясь не спешить, он вышел из кабинета и направился прямым ходом в девятую палату, не обращая внимания на обычное нытье жаждавших выписки постояльцев.

Четвертая койка, та, что у окна, и в самом деле была пуста, почти безукоризненно застлана убогим казенным бельишком. Доктор Терехов огляделся, и в голове у него промелькнуло, что, пожалуй, честнее было бы добавить: *затравленно* огляделся.

Спрашивать трех имевшихся в наличии обитателей девятой палаты было бы бессмысленно. Чубайс, в миру — Затоцкий, ничего не видел вокруг, кроме своего любимого выключателя, а все прочее и всех прочих, очень похоже, считал лишь докучной иллюзией, Терехова в том числе. Булахович, допившийся до чертиков интеллигент, все еще спал под воздействием лошадиной дозы соответствующих препаратов, поскольку был доставлен только вчера вечером. Коля Еремин, восседавший на постели в обычной своей позе третий час подряд, погружен в очередной приступ кататонии, отрешенный от всего сущего. Все трое — неопасны и безобидны, но ответа у них не доискаться...

«Только спокойно, — сказал себе доктор Терехов, гася рвавшуюся из глубин подсознания сле-

пую панику. — Только спокойно, ничего страшного, нужно проверить *все* до конца...»

Отделение психушки — отнюдь не то место, где мужик ростом под метр восемьдесят может где-то спрятаться, вовсе даже наоборот, тут все так и распланировано, что фиг спрячешься... Коридор... шестая палата... восьмая... туалет... комната, где общаются с родственниками... процедурная... под первым пришедшим в голову предложением заглянуть на всяких случай в запертый снаружи изолятор...

И нету, нету его нигде!

«Спокойно, — повторял себе доктор Терехов снова и снова. — Спокойно, не все еще использовано...»

«Социализм — это учет», — изрек когда-то товарищ Ленин.

«А психиатрия — тем более», — может дополнить гениальную мысль вождя мирового пролетариата любой психиатр.

Вот именно, учет и еще раз учет, нужно только знать, где искать.

Однако все четыре стратегических направления, будучи проверены за четверть часа, принесли лишь полный провал. История болезни исчезла из тереховского кабинета — это раз. В регистрационном журнале, куда непременно вносят каждого поступающего, не обнаружилось никакого Кирьянова К. С. — это два. В медкабинете, где хранятся данные обязательных анализов, та же история — это три. В процедурной опять-таки ни единой записи, имевшей бы отношение к Кирьянову К. С. — это четыре. Все. Финиш, больше искать негде. Кого еще можно расспросить? Заведующего отделением? Вторую неделю в отпуске. Сестер из процедурной? Для них все больные давным-давно слились в одну-единственную голую задницу; предпенсионного возраста сестрички,

всю жизнь здесь пашут и оттого не держат в памяти ни имен, ни лиц. Других больных? Не смешите...

Вернувшись в свой кабинет, доктор Терехов упал на хлипкий стул, закурил вопреки всем нынешним новшествам, строгим предписаниям. И, напрягши профессиональные качества, попытался трезво разобраться в свеженьких сюрпризах, в окружающем мире, в себе самом.

Психиатры тоже сходят с ума за милую душу, ничуть не хуже всех прочих, но Терехов был уверен, что в данный момент здоров. Он мог поклясться чем угодно, что Кириянов *был* — до недавнего времени. Что была его рукопись. Что были их разговоры. Сначала все это *было*, а потом ничего этого не стало...

— Разрешите? — Бодрый, уверенный голос, незнакомый, ничем не напоминавший робкого больного.

— Да-да, — машинально сказал Терехов, чуя полнейшую опустошенность.

Незнакомец вошел. Рослый, крепкий мужик лет двадцати восьми — тридцати, высокий, широкоплечий, светловолосый и синеглазый, хоть картину с него пиши: истинный ариец, характер стойкий, нордический. Стоп, стоп! Почему из всех возможных ассоциаций в голову пришла перво-наперво именно *эта*?

Ничего в его одежде не было от недоброй памяти истинных арийцев, наоборот. Камуфляжный бушлат родной российской армии, черная вязаная шапочка, пятнистые брюки заправлены в безукоризненно надраенные черные берцы. Ни знаков различия на погонах, ни эмблемы на рукаве...

— Чем могу? — торопливо спросил доктор.

Синеглазый уверенно шагнул вперед и положил на стол, прямо перед доктором, кусочек шероховатой бумаги, качеством самую малость по-

лучше оберточной. Там был какой-то типографский текст, и что-то вписано от руки синей пастой, и бледная печать внизу, круглая, и бледный треугольный штамп в левом верхнем углу...

— Повесточка вам, товарищ капитан, — безмятежно сказал незнакомец.

Пребывавший в самых расстроенных чувствах, Терехов не сразу вспомнил, что он, помимо многого прочего, еще и капитан запаса — обычный потолок для обычного медика.

— Повесточка? — повторил он почти тупо.

— Она самая, — бодро подтвердил человек в камуфляже. — Она, родимая. Среди безмятежной утренней тишины внезапно раздался рев боевой трубы, и это означало, что родина вас позвала, Негт Arzt*, товарищ доктор... Военные сборы, переподготовка и все такое, прибыть немедленно с подателем сего. Расписываться не трудитесь, к чему нам лишняя канцелярщина, когда я сам за вами приехал... Там, на вешалке, одно-единственное пальтишко, надо полагать, ваше? Ну вот, а еще говорят, что у нас, солдафонов, нет склонности к логическому мышлению... Надевайте пальтишко, будьте добреньки... а халат можно снимать, а можно и не снимать, это как вы хотите. — Говоря это, он с проворством опытного гардеробщика сдернул с вешалки пальтецо на рыбьем меху, другой рукой снял с крючка подыстершуюся докторскую шапку. — Вот так, вот так... Пойдемте, Михал Михалыч, время поджигает...

— Начальство... — только и смог произнести доктор Терехов, застегивая пуговицы.

— В курсе, в курсе, а как же, — заботливейшим тоном поведал незнакомец. — И жена ваша уже в курсе, вы ей потом напишете... Вы не бес-

* Господин доктор (нем.).

покойтесь, никакая это не Чечня, просто повернулось так, что отправляться мы должны незамедлительно... Готовы? Ну, ди эрсте колонне марш-шерт?

«Что происходит? — спрашивал себя растерянно и уныло доктор Терехов, шагая вслед за незнакомцем по коридору родимого заведения. — Почему я ни слова не сказал поперек? Почему плетусь за ним, как щенок на веревочке? Нужно...»

Но он шагал и шагал, молча, покорно, безвольно, отчего-то не в силах что-то сказать или предпринять. Он понимал, что никакой это не сон, но сделать ничего не мог.

Знакомый двор. Облупленный зеленый уазик. Молодой солдат за баранкой — светлые кудряшки, голубые глаза, бодрая и бездумная физиономия передового комсомольца с неведомых молодому поколению плакатов «Молодежь строит БАМ» или иных аналогичных. Мягкий щелчок захлопнувшейся дверцы. Знакомая улица...

— Давай, Васючок, — сказал его спутник. — Давай, родимый, опаздываем ведь...

— А я что делаю? — пробурчал водитель, ловко лавируя в потоке.

— Вася... — повторил доктор Терехов севшим голосом.

— Ага, — сказал водитель, мельком глянув на него в зеркальце заднего вида с непонятной улыбкой.

Тем же голосом, отстраненным и тусклым, Терехов продолжал:

— А вас, кажется, зовут Шибко...

— Телепат, — громко фыркнул водитель.

— Точно, телепат, — широко улыбаясь, сказал сидевший рядом незнакомец. — В цирке можно показывать. На одну-единственную буквочку и ошиблись, доктор. Шубко мое *фамилие*. Шубко. Вечный прапорщик.

— Так, — сказал доктор Терехов. — Так. Значит, так. А дома у меня уже *копия*, а?

— Какая такая копия? — осклабясь, с крайним недоумением спросил прапорщик Шубко. — Дома у вас жена-красавица и кошка Муська... Что еще за копия?

В его взгляде не было ни враждебности, ни насмешки — он просто-напросто был отстраненным, холодно-изучающим. Легко можно было представить и в пятнистой куртке эсэсовского горного стрелка, в кепи с эдельвейсом — и в серебристом скафандре неведомого фасона, с какой-то загадочной штукой на плече...

Не было ни удивления, ни испуга, словно все чувства и эмоции напрочь исчезли из сознания. Только дорога, только машина, мчавшаяся чересчур уж быстро и плавно для раздолбанного армейского уазика — казалось даже, что шум мотора не более чем чистая бутафория, необходимая для завершенного образа.

— Вы, главное, не переживайте, доктор, — сказал прапорщик Шубко без насмешки. — Честное слово, это не Чечня. Ничего похожего. У нас интересно, сами убедитесь... Вася, родной, ну поддай ты пару, что плетешься? Кто ж нас остановит...

— Да знаю я... — проворчал водитель.

И облупленная машина, рванувшись вперед с нереальной плавностью и быстротой, обошла перший что есть мочи красный спортивный автомобиль, как стоячего.

Они ехали в аэропорт знакомой дорогой.

Красноярск, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ	3
Глава вторая	
ПОЕДИНОК	21
Глава третья	
ЧЕРНЫЕ ПОГОНЫ	37
Глава четвертая	
ЗВЕЗДНЫЕ ГРОМИЛЫ, ГАЛАКТИЧЕСКИЕ РЕЙНДЖЕРЫ	56
Глава пятая	
ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ	69
Глава шестая	
ВПЕРЕД , ЗВЕЗДУРЫ!	84
Глава седьмая	
И ВСЕ КРАСОТКИ МИРА... ..	97
Глава восьмая	
НА БЕРЕГУ ОЗЕРА	111
Глава девятая	
ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА	120
Глава десятая	
КОЛУМБЫ ПОХОДНЫМ СТРОЕМ	134
Глава одиннадцатая	
КАЖЕТСЯ, ЧЕГО-ТО УДОСТОЕН... ..	148
Глава двенадцатая	
ВЕЧЕР НАД ОЗЕРОМ	156
Глава тринадцатая	
ДНИ ЛЕММИНГОВ	166
Глава четырнадцатая	
ГОСТИ НОЧНОЙ ПОРОЙ	176

Глава пятнадцатая	
<i>ГОСТИ ЯСНЫМ ДНЕМ</i>	<i>188</i>
Глава шестнадцатая	
<i>ДЕМОНЫ НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ</i>	<i>212</i>
Глава семнадцатая	
<i>БРАВЫЕ ПАРНИ В САМОВОЛКЕ</i>	<i>229</i>
Глава восемнадцатая	
<i>ВОТ И РАСЩЕДРИЛИСЯ ГАРАНТЫ</i>	<i>242</i>
Глава девятнадцатая	
<i>НАШ БРОНЕПОЕЗД</i>	<i>260</i>
Глава двадцатая	
<i>ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ</i>	<i>277</i>
Глава двадцать первая	
<i>КАК СВОДЯТ СЧЕТЫ В ГАЛАКТИКЕ</i>	<i>291</i>
Глава двадцать вторая	
<i>ДЕЛА АМУРНЫЕ</i>	<i>303</i>
Глава двадцать третья	
<i>РАЗБОР ПОЛЕТОВ</i>	<i>319</i>
Глава двадцать четвертая	
<i>АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ</i>	<i>328</i>
Глава двадцать пятая	
<i>ЛЮДИ В ПЯТНИСТОМ</i>	<i>341</i>

Александр Бушков

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

Ответственный за выпуск

Д. Хвостова

Художественный редактор

М. Елифанова

Технический редактор

Н. Стерина

Корректор

Л. Руднева

Подписано в печать 11.03.03.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 125 000 экз.

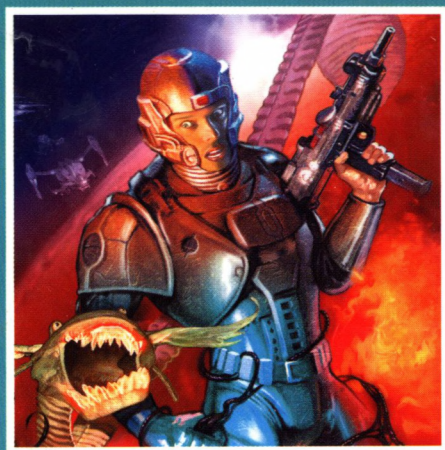
Изд. № 03-5646. Заказ № 3646.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

АЛЕКСАНДР БУШКОВ — король российского книжного рынка. Каждая из его книг — **НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР**. Общий тираж романов «Стервятник», «Бешеная», «Капкан для бешеной», «Охота на пиранью», «След пираньи» превысил **ДВА МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ!**

В маленьком провинциальном городке живет врач-психиатр Терехов. Зарплата невелика, жизнь скучна, жена, скорее всего, неверна. А в лечебнице, где служит Терехов, около месяца назад появился пациент по фамилии Кирьянов, который по вечерам по словам санитаров вытворяет та-а-кое! Между Тереховым и Кирьяновым состоялся разговор и врач сообщил пациенту, что тот совершенно здоров, и он, врач, намерен его из больницы выписать. На что Кирьянов предложил Терехову невообразимо крупную сумму денег за то, чтобы остаться в больнице. И еще дневник, в котором описаны события, происходящие в другой Галактике...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-04344-1

9 785224 043446 >